PG 3337
.G79 L58

1852

LIBRARY OF CONGRESS

0000408973A

THE LIBRARY OF CONGRESS

THE LIBRARY OF CONGRESS

3634

7996
Б
69694

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ДОСУГИ.

91

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1852.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ДОСУГИ.

Г. Профессору Погодину
съ чувствомъ благополучанія.
поуношить
Д-ръ Грулеръ

Grum-Grzhimaïlo, Kandratii Ivanovich

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ДОСУГИ.

Кондратій Ивановичъ Грумъ, д-ръ медицины
(A.E. Burtsev, II., 458)
G.A.N.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЯКОВА ТРЕЯ.

1852.

PG3337
.G79L58
1852

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С.-Петербургъ, 21 Іюля 1852 года.

Цензоръ *А. Крыловъ.*

88-131379
04-15-88
EP62

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
Шамуни	1
Грюнвальденъ	3
Римъ	10
Рамля	14
Карлсбадъ	16
Неаполь	20
Величка	25
Кіевлянка	27
Лондонъ	30
Флоренція	34
Кеенссія	36
Царское Село	38
Утро 9-го Августа 1848 года	39
Вечеръ 6-го Августа 1848 года	—

стр.

Василекъ изъ прелестнаго Царскосельскаго цвѣтника 39
Царскосельскій садъ и Комское озеро 42
Упсала 47
Гора Винтербергъ въ Саксонской Швейцаріи . . 50
Франкфуртъ (на Майнѣ) 55
Островъ Красавицъ (Isola Bella) 58
Тикочинъ 63
Майскій вечеръ . . . . . —
Прогулка верхомъ отъ бивуака къ мосту въ сумерки: встрѣча съ ранеными; очеркъ впечатлѣній съ натуры 65
Бивуакъ 67
Тильзитъ 69
Старинный зàмокъ недалеко отъ Виндзора. . . 72
Горы Іудеи. 80
Пулкова гора 83
Форнарина 87
Пароходъ. 91
Буря. 98
Майское утро 104
Вечеръ въ Тріестѣ 107
Парижскія катакомбы 111
Старый Баденскій зàмокъ 114
Гейдельбергъ 120
Ивангородская твердыня 125
Вечеръ и утро въ Бавено 129

стр.
Пьемонтскіе свѣтлячки 133
Жаворонокъ на Иматрѣ. 136
Церковь Св. Петра въ Римѣ 140
Боппартъ. 144
Вышеградъ. 156
Дѣва Дуная 159
Могилевъ 161
Стокмангофъ 166
Походъ. . . . . —
Штабъ-квартира полка 168
Солдатскій напѣвъ къ генералъ-маршу . . —
Смерть воина 170
Битва 171
Кокенгузенъ 174
Приступъ. 175
Кавалерійская аттака 177
Памяти прапорщика М 178
Памяти штабсъ-капитана Г . . . . . —
14-го Мая 179
Памяти штабсъ-капитана Л . . . . . —
Двина и Наревъ 180
Пѣсня 182
Памяти штабсъ-капитана Л 184
Венеція. 186
Адріатика 190
Островъ Кипръ. 194
Родосъ 197

стр.
Дѣва-рыцарь XI столѣтія. 201
Константинополь 208
Босфоръ. 212
Лютня. 216
Аѳины. 219
Гречанка 224
Кульмъ 227

ГРЮНВАЛЬДЕНЪ.

Вечерній праздникъ съ музыкою и плясками въ Швейцарскомъ селеніи Грюнвальденъ, расположенномъ на холмистой долинѣ, которая съ одной стороны обставлена снѣговыми горами, съ утесами, скалами и между ними пропастьми и щелями во льдахъ, съ разновидными обширными ледниками фантастической красоты, съ другой стороны окаймлена цвѣтистыми лугами, рощами, зелеными, живописными холмами и пригорками, и перерѣзана вблизи горъ обширнымъ потокомъ съ многими каскадами. Отсюда, недалеко, вѣчно снѣговая гора Юнгфрау и водопадъ Штаубахъ: въ немъ потокъ воды низвергается съ вершины отвѣсной гранитной стѣны, вышиною въ 800 футовъ, и внизу превращается въ тонкую, влажную пыль, которая, при утреннихъ, солнечныхъ лучахъ, представляетъ внизу нѣсколько прекрасныхъ радугъ, волнуемыхъ при легкомъ вѣтрѣ.

(Воспоминаніе Іюня 1846 г.)

МОЛОДАЯ ШВЕЙЦАРКА.

Какъ я счастлива, довольна!
Мнѣ чего жъ не достаетъ?
Знать, я милостей достойна:
Богъ мнѣ въ волю все даетъ.

Какъ меня въ семействѣ любятъ,
Больше всѣхъ отецъ и мать!
И всему благому учатъ:
Какъ мнѣ жить, чего желать.

И какая мнѣ забота?
На лугахъ овецъ пасти;
А подъ деревомъ работа—
Изъ цвѣтовъ вѣнки плести.

Слушаю я птичекъ пѣнье
И свирѣли пастушковъ;
Шелестъ листьевъ, водъ паденье
И журчанье ручейковъ;

Божія дѣла читаю
И на небѣ и средь горъ;
И надъ всѣмъ я размышляю,
Что̀ мой поражаетъ взоръ.

Соберутся ли пастушки:
Ахъ, какъ весело поемъ!
Разойдутся ли подружки:
Каждая сидитъ вдвоемъ.

Мы дружочковъ избираемъ:
На примѣтѣ есть всегда.
Вслухъ и шопотомъ гадаемъ,
Скоро ль наша череда?

Шутки, смѣхи, разговоры:
Наслажденья ль перечесть?
Какъ намъ милы наши горы!
Въ нихъ для счастія все есть.

Мы рѣзвимся на лугахъ —
Бархатныхъ коврахъ съ цвѣтами;
Въ зной, въ душистыхъ здѣсь лѣсахъ
Нѣжимся мы со стадами;

Скачемъ по горамъ, долинамъ;
Тамъ зима, а здѣсь весна;
Будто серны по стремнинамъ,
Чрезъ потоки, гдѣ нѣтъ дна.

Тамъ снѣга и льды предъ нами:
Смерть и старость въ нихъ живутъ,
Здѣсь лѣса, луга съ цвѣтами:
Жизнь и юность намъ даютъ.

Ледъ и снѣгъ насъ восхищаютъ;
Сколько видимъ въ нихъ красотъ!
Солнце и луна лобзаютъ,
Свѣтъ ихъ жизнь снѣгамъ даетъ.

Днемъ лучъ съ ледникомъ играетъ,
Отблескъ радужный его
Льды въ алмазы превращаетъ,
Будто чары отъ всего.

Въ свѣтѣ западномъ, игривомъ,
Снѣжные верхи блестятъ,
Свѣтлорозовымъ отливомъ
Поцѣлуй имъ шлетъ закатъ.

Ночь — въ звѣздахъ ли на вершинахъ,
Чудны звѣзды, снѣгъ и льды!
Въ мракѣ соловьи въ долинахъ,
Клокотаніе воды.

Вдругъ заря все накрываетъ
Лучезарной пеленой;
Вскорѣ, солнце выскользаетъ
Между небомъ и горой.

Рано къ Штаубаху мы ходимъ
Пыль кристальную смотрѣть;
Ближе къ радугамъ подходимъ
Въ волнахъ пыли посидѣть.

Въ зной сидимъ у водопада;
Съ шумомъ пѣнится вода,
Съ брызгами летитъ прохлада:
Здѣсь отрадно намъ всегда!

Ахъ, какъ облака и тучи
На горахъ родятся вдругъ,
И какъ солнца свѣтъ могучій
Расцвѣчаетъ ихъ вокругъ!

Такъ же жизнью наслаждаюсь,
Если и гроза въ горахъ:
Громомъ, гуломъ утѣшаюсь,
Хоть наводятъ вихри страхъ.

Кто же грохота боится,
Если и гора трещитъ,
Комъ огромный снѣга мчится,
Все уноситъ, все можжитъ!

Разъ я подъ скалою скрылась;
Вотъ комъ прыгнулъ черезъ насъ;
Страшно буря разразилась;
Мнилось намъ послѣдній часъ.

Днемъ — хорошая погода,
Прелесть зелень и цвѣтки;
Радуетъ насъ вся природа,
Птички, пчелки, мотыльки.

На зарѣ насъ манятъ воды,
Къ нимъ идемъ овецъ поить;
Вечеромъ же хороводы,
Какъ ихъ страстно не любить?

Что̀ за диво пляски наши
На лужкахъ и при лунѣ!
Пьемъ веселье съ полной чаши.
Что̀ же ночью снится мнѣ?

Въ садикѣ здѣсь засыпаю
Между розъ и лилій я.
Рано очи раскрываю
При мелодьи соловья.

Какъ заря съ горъ снѣжныхъ смотритъ,
Богу — Богу я молюсь;
Пѣночка молитвы вторитъ,
Умиленью предаюсь.

Мать, отецъ благословляютъ
На всѣ добрыя дѣла;
Овцы насъ, блея, встрѣчаютъ;
На луга пора пришла.

Съ луга смотримъ, какъ мужчины
Прыгаютъ по ледникамъ;
Иль съ утесныя вершины
Низко кланяются намъ.

Въ облакахъ вдругъ исчезаютъ;
Слышны выстрѣлы одни;
Отголоски возвѣщаютъ,
Что въ странахъ громовъ они.

Если жъ игры молодежи,
По суду даемъ вѣнки;
Хоть мы съ бабочками схожи,
Но межъ нами старики.

Какъ придетъ къ намъ воскресенье,
Собираемся во храмъ;
Чтобъ воздать благодаренье,
Посвящаемъ день мольбамъ.

Богъ для счастья все намъ сдѣлалъ,
Счастье можемъ всѣ имѣть;
Миръ, любовь намъ заповѣдалъ,
Чтобы въ счастьи намъ успѣть.

РИМЪ.

Посѣщеніе Римскихъ катакомбъ, составлявшихъ нѣкогда подземный городъ изъ многочисленныхъ переходовъ въ видѣ лабиринта, на 70 миль въ извилинахъ, въ которыхъ первобытные христіане, во времена преслѣдованій, проживали, молились и хоронили останки пострадавшихъ за Вѣру, и которые теперь, при свѣтѣ факеловъ, представляя пещеры съ различными памятниками, живо припоминаютъ первыя времена христіанства, умиляютъ сердце, возвышаютъ душу и вызываютъ выспреннія мысли.

(Сентября 1843 года).

Кто ты во мнѣ, съ кѣмъ я бесѣдую всегда,
Съ кѣмъ я не разстаюсь нигдѣ и никогда,
Кто мысли мнѣ струитъ, волнуетъ, раздробляетъ,
Умомъ и волею и сердцемъ управляетъ?
Влечетъ меня къ благимъ и мыслямъ и дѣламъ,
Къ противодѣйствію порокамъ и страстямъ,
Жить добродѣтельно, быть вѣрнымъ чести, долгу,
Питать любовь къ Царю, Отечеству и Богу,
И, въ мірѣ, признавать едину власть Творца,
Въ своемъ Монархѣ зрѣть Отечества Отца?
Отсюда-то въ мірахъ союзъ, единство, стройность,
Отсель для Царствъ земныхъ вся сила, счастье, прочность,
Царю и вѣрою и правдою служить,
Его велѣнія и власти сердцемъ чтить,

ШАМУНИ.

Въ Піемонтской Швейцаріи изъ селенія Шамуни видна огромная гора Монбланъ, во всемъ великолѣпіи, съ своими вѣковыми снѣгами ослѣпительной бѣлизны, и ледниками, въ видѣ рѣкъ и моря, будто вдругъ замерзшихъ при сильномъ волненіи водъ, съ громадными остроконечными, мрачными, высунувшимися изъ-подъ снѣговъ утесами, съ быстрыми потоками и сосѣдними, разнообразными, полуразрушенными, гранитными горами, то скалистыми, то покрытыми зеленью.

(Воспоминаніе Іюня 1846 г.)

И Альпы, вижу я, крушатся въ прахъ!
Сатурнъ грызетъ гранитъ на ихъ хребтахъ;
Зима вотще ихъ стережетъ вершины.
Что̀ въ вѣчныхъ льдахъ, снѣгахъ, вамъ, исполины!
Ведутъ борьбу стихіи противъ васъ, —
Пробьетъ и вамъ послѣдній, Альпы, часъ!
Не вѣкъ стоять и гордому Монблану,
Могучему утесовъ великану!
Разрушится, въ прахъ обратится онъ:
Сбѣгутъ его останки въ бездну волнъ.
Къ чему жъ въ горахъ льда, снѣга, водъ громады,
И бури, вихрь, обрывы, водопады?
Здѣсь съ грохотомъ съ горъ глыбы внизъ летятъ,
Лавины въ долахъ груды громоздятъ;
Со всѣхъ сторонъ обломки соскользаютъ,

А воды прахъ съ гранитныхъ скалъ смываютъ.
Рейнъ, Рона, По, Дунай — сей прахъ влекутъ,
Материкамъ въ моряхъ свой бытъ даютъ.
И сколько лѣтъ, какъ Альпы возродились,
Изъ нѣдръ земныхъ граниты взгромоздились,
Прошедъ чрезъ трещины коры земной,
Изъ массы огненной бытъ взяли свой?
И сколько лѣтъ Монбланъ отягощаютъ,
Устройствомъ, видомъ дивнымъ изумляютъ
Здѣсь рѣки, а тамъ море ледниковъ
И толщи ослѣпительныхъ снѣговъ?
Монбланъ и Альпы такъ живутъ вѣками,
Какъ мы считаемъ жизнь свою часами;
Для горъ, какъ мигъ, столѣтія прошли;
Какъ мы, и Альпы гости на земли.
Что́ вѣки всѣ во времени всевѣчномъ?
Что́ и міры въ пространствѣ безконечномъ?
Такъ шаръ земной, какъ цѣлый міръ живетъ:
Здѣсь рушится, тамъ юность возстаетъ.
Гдѣ прежде бушевали океаны,
Теперь цвѣтутъ тамъ полной жизнью страны.
И въ нихъ есть все для счастія людей,
Все Богъ содержитъ въ благости Своей!

Свою жизнь посвящать для блага и для славы,
Достойнымъ сыномъ быть Великія Державы.
Тобой живутъ, блестятъ способности ума,
И въ сердце качества внѣдряешь ты сама,
Тобой и разумъ нашъ познаньемъ богатится,
Тобой разсудокъ нашъ къ добру всегда стремится.
Лучи высокаго, изящнаго въ тебѣ,
Даръ творчества — сей даръ святой хранишь въ себѣ
И озаряешь ты просторъ воображенья;
Тобой духъ искрится въ порывахъ восхищенья:
Онъ съ мыслію паритъ къ желаемымъ мѣстамъ,
Гдѣ бытіе даетъ предметамъ и странамъ.
По нашей волѣ все въ умѣ изображаетъ,
Всѣ впечатлѣнья чувствъ намъ въ сердцѣ обновляетъ.
Тобой и въ памяти прошедшее живетъ
И въ умозрѣніи вся будущность цвѣтетъ.
Въ фантазіи лучи восторга, вдохновенья,
А для Поэзіи свои мечты, видѣнья,
Чтобъ даромъ слова ихъ для всѣхъ изображать,
Или искусствомъ все въ красѣ осуществлять.
Тобою въ твердь свѣтилъ нашъ взоръ и мысль стремятся,
Намъ въ созерцаніи міры разоблачатся,

Явятъ въ величіи и въ славѣ небеса
И всей природы чинъ; въ ней тайны, чудеса.

Тобой слѣдимъ и всѣ ея произведенья,
Въ природѣ прелести, а въ мірѣ всѣ явленья,
Чтобъ сердце услаждать и умъ обогащать,
Съ Поэзіей красы ея живописать.

Тобой стремимся мы въ міръ идеальный, скрытный,
Воображенію и геніямъ доступный,
Гдѣ духъ изъ всѣхъ стихій по волѣ все творитъ,
Даетъ идеямъ всѣмъ иной составъ и бытъ.

Ты зиждешь чудный міръ—міръ нравственный, огромный
Какъ міръ вещественный—разнообразный, стройный,
Въ которомъ дѣйствуешь и волей и умомъ,
Разсудкомъ, совѣстью руководишь во всемъ,
Чтобъ съ честью, пользою въ сей жизни подвизаться,
Достигнуть счастія, здоровьемъ наслаждаться,
Чтобъ въ добродѣтеляхъ и благочестьи жить,
И за щедроты всѣ Творца благодарить!

Тобой намъ существа, стихіи подчинились,
Природа и земля къ служенію явились,
Чтобъ вкупѣ совершать великія дѣла:
Отъ нихъ-то жизнію земля вся процвѣла.

Тобой въ тебя, въ себя, въ составы тѣла вникнулъ
И жизни складъ, и цѣль, и тайны я постигнулъ,
Чтобъ чувства и сердцà для пользы изучать,
Въ нихъ для Поэзіи красоты собирать,
Чтобъ въ пѣсняхъ прославлять великія дѣянья,
Потомству передать людей благотворенья.

Тобой и свѣтъ наукъ умъ, сердце озарилъ,
Къ добру и счастію путъ вѣрный намъ открылъ.
Науки жъ зеркало временъ, людей, природы;
Не исчезаютъ въ нихъ и вѣки и народы.
Науки ихъ хранятъ въ несчетныхъ письменахъ,
Въ нихъ геніи наукъ живутъ, блестятъ въ вѣкахъ.

Тобой искусства ликъ земли весь обновляютъ
И, украшая все, жизнь нашу услаждаютъ.
А для наукъ, искусствъ Поэзія живетъ,
Въ лучахъ величія ихъ смыслъ передаетъ:
Сколь Богъ непостижимъ въ Своихъ мірахъ, творе-
ньяхъ!
Сколь человѣкъ великъ въ своихъ произведеньяхъ!

Кто жъ ты, кѣмъ онъ великъ, полезна жизнь моя?
И слышу гласъ души: «отъ Бога искра я!»

РАМЛЯ.

Рамля, небольшой Турецко-Арабскій городъ, съ Греческимъ и Католическимъ монастырями, въ прекраснѣйшей и плодоноснѣйшей равнинѣ между Яффою, морскимъ берегомъ и Іудейскими горами, ведущими къ Іерусалиму. Ночлегъ поклонниковъ въ Рамлѣ; выѣздъ небольшаго коннаго каравана ихъ, утромъ въ 2 часа, въ Страстную Пятницу, 20-го апрѣля 1850 г.; прохлада, тишина; луна въ послѣдней четверти на темносинемъ небѣ; заря въ 4 часа съ лѣвой стороны дороги и на вершинахъ вдали находящихся горъ Іудеи; въ минуту восхода солнца, быстрые струи отъ него самаго теплаго воздуха; картина разсвѣта неописанной красоты.

(Посвещяно Князю П. А. Вяземскому, очевидцу).

Вотъ Аврора захотѣла
Встрѣтить азіятски насъ,
Пышный свой нарядъ надѣла,
Въ утренній, прохладный часъ.

Небо служитъ ей чертогомъ,
Ложемъ свѣтлый изумрудъ;
Подъ сафировымъ же сводомъ
Всѣ ее съ природой ждутъ.

Вотъ заря на горы стала:
Вспыхнулъ и разсвѣтъ предъ ней;
И луна имъ уступала,
Становилася блѣднѣй.

Вдругъ Аврора превратилась
Въ золотистые власы;
Въ мигъ въ сіянье замѣнилась
Неописанной красы.

Озарились небо, горы,
Свѣтъ разлился по полямъ,
Фебъ въ объятіяхъ Авроры,
И послалъ зефиры къ намъ.

Обдало насъ теплотою,
Какъ же райской не назвать?
Съ восхищенною душою,
Сладко было намъ дышать.

Ахъ, какъ утро насъ лелѣетъ,
И природа къ намъ мила!
Вся цвѣтами здѣсь пестрѣетъ,
Къ наслажденью все дала.

Подъ такимъ прекраснымъ небомъ
Сладко птичкамъ хоромъ пѣть,
И съ такимъ прелестнымъ Фебомъ
Чудно нивамъ зеленѣть.

Палестина передъ нами,
Мы спѣшимъ во Градъ Святой;
Хоть еще онъ за горами,
Но уже мы въ немъ душой.

КАРЛСБАДЪ.

Карлсбадъ, красивый городокъ между живописными Богемскими горами, гдѣ находится около восьми горячихъ минеральныхъ источниковъ и между ними источникъ Шпрудель, естественный артезіанскій колодецъ, представляется въ видѣ удивительнаго, прекраснаго водомета, источающаго, съ необыкновеннымъ стремленіемъ, горячую воду, весьма полезную во многихъ недугахъ, и выходящую (судя по быстротѣ воды въ искусственныхъ артезіанскихъ колодцахъ: Гренельскомъ въ Парижѣ и Шонборнѣ въ Киссингенѣ) изъ неизмѣримой глубины земныхъ нѣдръ.

(Апрѣля 1846 г.)

Откуда ты, кипящій водометъ —
Цѣлебный ключъ? Чьей силой ты струишься
И въ высоту въ жемчужныхъ брызгахъ мчишься?
Какъ искрится алмазный твой букетъ!

Съ непамятныхъ временъ ты существуешь,
Въ своемъ обиліи неистощимъ,
Въ своей цѣлебности неизмѣнимъ,
Людей недуги съ давнихъ поръ врачуешь.

Изъ лона общей матери летишь,
Чтобъ возглашать, сколь Богъ великъ, всесиленъ,
И отъ того составъ воды такъ дивенъ,
И теплоту и жизнь съ собой струишь.

Изъ стройныхъ, оживленныхъ нѣдръ земныхъ
Для всѣхъ существъ берется жизнь и сила;

Природа чудный органисмъ сокрыла,
Внутри земли, какъ въ существахъ живыхъ.

Такъ въ нѣдрахъ всей земли, какъ и во мнѣ,
Вода, какъ кровь, изъ жилъ и лона льется;
Отсюда жизнь природы всей берется,
А жизнь земли кипитъ внутри, извнѣ.

У сердца же земли начало водъ,
Изъ жилъ земля намъ воды источаетъ,
Вода землю и воздухъ наполняетъ.
Предѣломъ ей небесный служитъ сводъ.

Какъ въ тѣлѣ нашемъ кровь по всѣмъ частямъ,
Такъ въ воздухѣ, въ землѣ вода кружится;
Съ водой цѣлебность, пища, жизнь струится
Безчисленнымъ и разнымъ существамъ.

Сей водометъ кипучій и цѣлебный
Являетъ дѣйствіе природы всей:
И быстрота и стройность всюду въ ней,
И жизнь своя, свой міръ и въ каплѣ водной.

Жизнь эта въ капляхъ радугой сверкаетъ,
Въ снѣжинкахъ искрится, во льдѣ блеститъ,
Въ каскадахъ, водометахъ жизнь кипитъ,
Пестрѣетъ въ облакахъ, въ росѣ играетъ.

Она могуща и разнообразна
Въ землѣ и воздухѣ, и на моряхъ,

Въ грозахъ и буряхъ, въ градѣ и дождяхъ,
Вездѣ величественна и ужасна!

И въ каплѣ водъ созданья есть живыя,
И органисмъ сихъ крошечныхъ существъ
Изъ многихъ дивныхъ состоитъ веществъ;
Они живутъ, какъ твари всѣ земныя.

Огромный міръ существъ въ водѣ морей;
Въ ней для того составъ однообразный,
Какъ и въ крови, столь сложный, постоянный,
Что существа находятъ пищу въ ней.

И для того многоразличны воды,
Вездѣ — и въ океанахъ и рѣкахъ,
На всей землѣ въ цѣлительныхъ ключахъ,
Что безъ числа потребности природы.

Вода не только существа питаетъ,
Въ корѣ земной присутствіе воды;
И океановъ зримъ вездѣ слѣды;
Вода и горы, долы устрояетъ.

И тамъ цѣлебные ключи, гдѣ горы;
И горы что̀, какъ не сосцы земли?
Въ горахъ начало рѣки всѣ нашли,
И гдѣ вода, тамъ зелень тѣшитъ взоры.

И розы, лиліи цвѣтутъ съ водою;
Безъ ней дубы и кедры не растутъ,

Въ пустыняхъ жаркихъ пальмы не живутъ,
Крѣпится вся Фауна, Флора ею.

Но Богу воздадимъ благодаренье
За множество цѣлебныхъ, разныхъ водъ,
Повсюду въ немощахъ своихъ народъ
Въ крови земной находитъ исцѣленье.

НЕАПОЛЬ.

Съ высотъ Везувія, огнедышущей горы, самой величественной по своему мѣстоположенію, разнообразной по устройству вершины и скатовъ, живописной по множеству у подошвы разсѣянныхъ зданій и садовъ,— видны (съ эрмитажа) прелестный, въ видѣ амфитеатра, Неаполь, съ его удивительными окрестностями; милый королевскій дворецъ Портичи; очаровательный Неапольскій заливъ съ островами; по берегу его желѣзная дорога съ селеніями; дивная Помпея и прекрасное Кастелламаре, а въ отдаленіи виды неописанной красоты—зрѣлище подъ голубымъ Итальянскимъ небомъ, восхитительное и разнообразное, услаждавшее наши взоры въ концѣ Августа 1834 г., когда Везувій приготовлялся къ огненнымъ изверженіямъ, которыя совершаются такимъ же образомъ, какъ изверженія водъ въ артезіанскихъ колодцахъ естественныхъ и искусственныхъ.

МОЛОДАЯ НЕАПОЛИТАНКА.

Сижу на склонѣ я вулкана,
На море бурное смотрю.
Сердечный другъ погибъ ли въ морѣ,
Или уже мнѣ измѣнилъ?
Въ груди моей бушуютъ страсти!
Въ Везувіи борьба стихій!
Огнь въ сердцѣ: грудь моя вулканъ.
Какъ лава, кровь во мнѣ кипитъ.
Но что̀ мнѣ до подземныхъ гуловъ,

И что̀ до судорогъ горы?
Составы тѣла всѣ въ волненьи.
Изъ сердца рвутся вздохи, стоны!
Вотъ съ трескомъ пламя изъ жерла;
Въ дыму и тучахъ сводъ небесный.
Какъ я, такъ дышетъ и вулканъ,
И помраченъ разсудокъ мой.
Къ чему ко мнѣ стремится лава
И камни изъ жерла летятъ?
Слезами лаву я залью,
А сердцемъ камни отражу!....
Удары сердца въ грудь мою
Такъ сильны, какъ и подъ землею.
Знать, сердце и земли болитъ.
И что̀ жъ Везувій? — грудь земли.
Дымъ, огнь — дыханіе земли,
А пламенный потокъ есть кровь.
Быть можетъ, и земля, какъ я,
Такъ страстно любитъ и страдаетъ!

Такъ, о Боже, ты со мной,
Другъ сердечный, милый мой!
Я колѣна обнимаю,
О прощеньи умоляю!
Сомнѣваться ли въ тебѣ?
Не прощу того себѣ.

Даже думать очень страшно,
Какъ тебѣ было опасно:
Ты на утломъ челнокѣ,
Въ морѣ лишь съ весломъ въ рукѣ;
Прочихъ рыбаковъ покинулъ,
Ихъ пріютъ и пиръ отринулъ,
Полетѣлъ ко мнѣ стрѣлой
И пустился съ моремъ въ бой.
Съ вѣтромъ свирѣпѣло море,
И съ Безувьемъ будто въ ссорѣ.
Въ волнахъ слышенъ свистъ и ревъ,
Море будто звѣря зѣвъ;
Лава въ кратерѣ клокочетъ,
Въ мглѣ багровой, съ трескомъ хочетъ
Огненной рѣкой залить,
Море друга поглотить!
Богъ обоихъ насъ спасаетъ,
Море и вулканъ смиряетъ.
Мы въ объятіяхъ теперь,
Къ счастью намъ отверста дверь.
Вотъ любовь все одолѣла,
Осчастливить насъ хотѣла!
Въ бурю плавала съ тобой,
Освѣщала путь собой.
Но любовь меня терзала,
Ревность на меня послала.

Чѣмъ вулканъ могъ устрашить?
Можно ль ужасы сравнить,
Сколь я испытала муки
Скорби, ревности, разлуки!
Пламень сердца есть — любовь,
Нѣжно грѣетъ нашу кровь;
Но огонь изъ сердца пышетъ,
Если сердце страстью дышетъ:
Такъ любовь тогда сильна,
Кипятитъ всю кровь она,
Въ жертву жизнь принесть готова
Для предмета дорогаго.
Лава близко ужъ была,
Съ мѣста же я не сошла:
Я на море все смотрѣла,
Видѣть милаго хотѣла.
Ярко мнѣ вулканъ свѣтилъ,
Грозно море озарилъ;
Зыбь въ немъ пламень отражала;
Я о миломъ лишь мечтала.
Ты дороже былъ всего!
Что́ мнѣ было до того,
Въ огнь Неаполь превратился,
Заревомъ весь обагрился.
Какъ мгновенье все прошло —
Сердце милаго нашло!

Что жъ желать мнѣ остается?
Пусть мой голосъ раздается:
Другъ сердечный, милый мой,
Вѣчно будешь ты со мной!

ВѢЛИЧКА.

Огромныя, нѣсколько вѣковъ существующія, подземныя соляныя копи представляются, въ нѣдрахъ земныхъ, въ видѣ самыхъ обширныхъ и глубокихъ разнообразныхъ пещеръ, въ которыя или низходятъ ступенями въ извилистыхъ и узкихъ переходахъ, или спускаются черезъ отверзтіе колодцемъ, и въ которыхъ устроены часовня, зала для забавъ, озеро съ паромомъ, мостики, колонны, статуи, обелиски и проч., являющіе поразительную фантастическую картину при тускломъ освѣщеніи факеломъ, или при яркомъ освѣщеніи бенгальскимъ огнемъ, показывающимъ дивный геологическій составъ пещеръ, гдѣ и какъ добываютъ поваренную соль въ шахтахъ.

(Іюня 1850 года).

Земля — да! наша мать
Должна то все въ себѣ вмѣщать,
Что́ насъ живитъ, питаетъ,
Жизнь нашу услаждаетъ.

Земля, природа, твердь небесъ!
Въ средѣ я таинъ и чудесъ!
Что̀ жъ знаетъ мой пытливый умъ?
Онъ лишь наводитъ много думъ.
Вотъ въ нѣдрахъ я земныхъ!
О, мать! въ объятіяхъ твоихъ!
И зрю твоей утробы складъ,
Во всѣхъ составахъ дивный ладъ.
Къ чему жъ веществъ столь много въ нихъ,

Различныхъ въ дѣйствіяхъ своихъ?
Изъ нѣдръ — жизнь для земли самой
И для существъ живыхъ на ней.
Не случай, Промыслъ такъ создалъ,
Разсудокъ въ копяхъ мнѣ внушалъ.
Здѣсь, сколько мой пытливый умъ
Мнѣ наводилъ различныхъ думъ!
Въ средѣ я таинъ и чудесъ!
Предъ всѣмъ — лишь множество завѣсъ!

—

Что̀ можетъ жизнь въ другихъ вливать.
Само должно ей обладать;
Безъ органисма жизни нѣтъ;
Огромный органисмъ—весь свѣтъ;
И прахъ, что̀ попираемъ, жилъ,
Орудьемъ жизни онъ служилъ.

ДѢВУШКА КІЕВЛЯНКА.

Я вся теперь больна,
Разстроена, грустна!
Подъ сердцемъ жметъ, тѣснитъ:
Его тоска томитъ!
Оно, какъ взаперти.
Куда бы съ нимъ уйти?
Къ кому жъ съ нимъ полечу?
Чего жъ я захочу?
Ахъ, хоть бы поглядѣть,
Чтобъ сердце отогрѣть!
Однимъ бы взоромъ онъ
Разсѣялъ слезы, стонъ!
А я должна страдать,
И чувства всѣ скрывать.
Таю давно отъ всѣхъ
Любовь, какъ тяжкій грѣхъ.
Въ мои бъ теперь лѣта —
Одна бъ была мечта:
Весельемъ, счастьемъ жить,
Судьбу благодарить.
Теперь и день и ночь
Нельзя отъ грусти прочь:
И вырваться отъ ней,
Во власти ли моей?

Днемъ нѣтъ покоя мнѣ,
Отрада лишь во снѣ.
Давно бъ заснуть пора.
Какъ счастлива сестра!
Еще я помолюсь,
Вотъ скоро истомлюсь.
Ко мнѣ, мои мечты!
Приснись, явись мнѣ—ты!

—

Какъ легко мнѣ послѣ сна!
Онъ все обновилъ во мнѣ;
Я еще восторжена —
Съ милымъ я была во снѣ!

Ахъ, во снѣ жизнь неземная!
Міръ иной и жизнь иная.
Для души своя тамъ радость
И своя для сердца сладость.

Въ міръ тотъ духомъ мы паримъ,
Въ немъ мечты въ видѣньяхъ зримъ.
Міръ тотъ счастія чертогъ,
Нѣжный, чистый въ немъ восторгъ.

Могутъ въ немъ сердца сродниться,
Чувствомъ чистымъ насладиться.
Въ чувствахъ выспреннихъ блаженство,
Въ чувствахъ прочныхъ совершенство!

—

Утра колоколъ звучитъ:
Къ Богу мысль моя паритъ!
О, услышь мои мольбы!
Въ благости Твоей судьбы!
Вѣра укрѣпитъ терпѣнье,
Въ ней мое все утѣшенье.
Духъ, безъ Вѣры, упадетъ:
Лучъ надежды въ ней мерцаетъ.
Можно ль безъ надежды жить,
Безъ надежды и любить?
Мнѣ семнадцать только лѣтъ,
Мнѣ любовь покажетъ свѣтъ;
Но да будетъ Божья воля,
Каждому своя есть доля.
Должно Бога лишь молить
И благочестиво жить!

ЛОНДОНЪ.

Посѣщеніе Вестминстерскаго Аббатства въ Лондонѣ, древняго, огромнаго, готическаго храма, дивнаго историческаго Пантеона Англіи; разсматриваніе въ немъ многочисленныхъ, разнообразныхъ, величественныхъ, изящныхъ надгробниковъ и памятниковъ Великобританскихъ государей и славныхъ мужей всѣхъ званій и вѣковъ, и воспоминаніе о Гарвеѣ, Англійскомъ врачѣ, открывшемъ и доказавшемъ дѣйствія сердца и систему обращенія крови въ человѣкѣ.

(Сентября 1839 года).

Cor primum vivens, ultimum moriens.

Не видишь и не слышишь ты меня,
А труженикъ я каждое мгновенье,
И есть всему хоть краткій въ тѣлѣ отдыхъ,
А я всю жизнь и всякій мигъ въ работѣ.
Какая трудная моя работа!
То выпрямлюсь, то корчусь,
Чтобъ кровь и собирать и разливать.
Въ семъ дѣлѣ дѣйствую, и какъ насосъ,
И какъ многовѣтвистый водометъ.

Собой я образую древо жизни:
Двумя корнями кровь всю собираю,
Двумя стволами кровь всю разливаю.
Какъ брыжжетъ кровь изъ нѣдръ моихъ струями!
Струи ко всѣмъ стремятся точкамъ тѣла,
Приносятъ къ нимъ жизнь, пищу, теплоту,

И для того вѣтвями служатъ жилы,
Въ стволахъ, въ корняхъ концы вѣтвей въ связи.
Жизнь началась твоя струей крови;
Съ минуты той я вѣкъ тебѣ служу:
На мигъ одинъ устану — меркнетъ жизнь,
Послѣдняя струя уноситъ жизнь;
Послѣдній мой толчекъ есть смерти часъ.
Собой всю жизнь твою я измѣряю:
Прислушайся къ толчкамъ въ груди своей;
Сочти число моихъ въ груди біеній;
Или сочти число біеній жилъ.
Съ біеньемъ каждымъ кровь чрезъ жилы мчится,
Толчкомъ, какъ поршнемъ, движу кровь всю въ жилахъ
И съ тѣмъ сосу чрезъ жилы кровь изъ тѣла,
Чтобъ къ лёгкимъ устремлять для обновленья;
Изъ лёгкихъ снова кровь сосу въ себя,
Чтобъ разливать въ несмѣтныхъ, быстрыхъ токахъ.
Какихъ трудовъ мнѣ стòитъ жизнь твоя!
Еще труднѣй беречь твое здоровье;
А сколько мнѣ еще во всемъ препонъ!
Я съ мыслями и волею въ сношеньи,
И съ чувствами въ связи всегдашней, тѣсной;
Я чувствъ, страстей, порывовъ средоточье;
И я жъ въ себѣ вмѣщаю ощущенья,
А мысли, чувства, страсти — отъ тебя;

Отъ нихъ я счастливо, иль болѣю.
Меня ты воленъ услаждать и нѣжить,
Тревожить, волновать и угнетать;
Но прекратить моихъ работъ не можешь;
Мѣшать же имъ, хоть со вредомъ, ты властенъ.
Какъ часто можешь мнѣ мѣшать, вредить,
Въ томленіе, въ борьбу меня ввергать!
Такъ мнѣ пороки всѣ отравой служатъ:
Тогда отъ совѣсти я какъ терплю!
Мнѣ ненависть, злость, гнѣвъ невыносимы!
Тоска грызетъ, печаль томитъ меня;
Отъ зависти, отъ страха я дрожу.
Порывъ страстей, тревогъ обуреваютъ!
Въ какомъ тогда и кровь волненьи!
Вся кровь тогда въ приливахъ и отливахъ;
И сколько немощей отсель бываютъ!
И я же ихъ одолѣвать должно.
Мнѣ, правда, есть отрада, услажденье:
Всѣхъ сладостнѣй любовь и доброта.
Разъ въ жизни я любовью упиваюсь,
Въ объятіяхъ Поэзіи живу.
Живу лишь для себя и наслаждаюсь,
И въ нѣгѣ и блаженствѣ утопаю.
Но чувства и тогда непостоянны —
И часто я корабль на бурномъ морѣ!
А грудь твоя есть сущій океанъ:

Всѣ страсти могутъ волновать ее.
И знаешь ли, что̀ у тебя въ груди
Такъ сильно бьется и дрожитъ, трепещетъ,
Въ предсердіи болитъ, тѣснитъ, гнететъ?
О, если бъ ты меня тогда увидѣлъ!
Увидѣвъ же, меня бъ ты пощадилъ?
Одна, всю жизнь, отрадна доброта,
Всегда, вездѣ усладой добродѣтель!
Онѣ меня лелѣютъ и покоятъ
И чувства нѣжныя въ меня вливаютъ,
Отъ нихъ во мнѣ довольство и пріятность.
Я ихъ само по тѣлу разливаю,
Само я дѣйствую всегда ко благу!
Самъ ты, когда доволенъ и покоенъ?
А этого ты только ищешь въ жизни.
И такъ всю жизнь въ трудахъ: вращаю кровь,
Тебя живлю, питаю, согрѣваю;
Еще — вести борьбу и съ своевольемъ,
Съ несчастьемъ, горемъ, скорбью и страстями
Соединять въ себѣ печаль и радость,
Беречь твое здоровье и съ трудомъ
Одолѣвать страданія, недуги.
Мнѣ суждено быть маятникомъ жизни,
Помощникомъ безсмѣннымъ и душѣ,
И вѣкъ служить, трудиться и терпѣть!
Но Провидѣнья воля такова!

ФЛОРЕНЦІЯ.

Красивый, славившійся искусствомъ, древній городъ по обѣимъ сторонамъ рѣки Арно, на равнинѣ обширной, плодоносной, разнообразной, окруженной живописными горами, располагаетъ къ воспріятію тѣхъ сладостныхъ впечатлѣній, которыя доставляетъ осмотръ знаменитыхъ дворцовъ, образцовыхъ храмовъ и картинныхъ галерей, въ особенности галерей съ такъ называемой Fabrica degle Ufici, гдѣ находится трибуна, круглая, небольшая зала, вмѣщающая въ себѣ, между прочими рѣдкостями живописи и скульптуры, знаменитую статую Венеры Медицейской.

(Сентября 1843 года).

Люблю всѣмъ сердцемъ я искусства,
Безъ нихъ что̀ были бъ наши чувства?
И славный Фидіевъ рѣзецъ
Искусства истинный вѣнецъ!

Богиня предо мной предстала,
Всѣ прелести безъ покрывала!
Богиня нѣги, красоты,
Венера, диво, это ты!
Въ томъ видѣ и въ томъ положеньи,
Въ томъ миломъ, дѣвственномъ волненьи,
Когда въ тебѣ жизнь разсвѣла,
Изъ пѣны моря ты взошла.
Ты сколько ужъ вѣковъ прельщаешь,
Своими прелестьми плѣняешь!

Въ твоихъ очахъ горитъ любовь,
Отъ нихъ волнуется вся кровь,
Чаруетъ насъ твоя невинность,
И восхитительна стыдливость,
Въ нихъ блещетъ мыслей свѣтъ,
Сокрытъ таинственный совѣтъ.

КЕѲИССІЯ.

На обширной, прелестной, плодоносной, аттической равнинѣ, перерѣзанной рѣчкою Кеѳиссою, выходящею изъ источника Кеѳисса въ видѣ четвероугольнаго водоема, окаймленной пышными историческими горами и между ними самою высокою горою Иметтомъ, и бѣломраморною горою Пантеликосъ, съ вершины которой самые восхитительные, обширные виды на море, острова, цѣпи горъ, на всю Аттику, Мараонъ, Аѳины, Пирей, Саламину, Коринѳъ, — расположено прекрасное Греческое селеніе съ дачами и садами Кеѳиссія (Кифиса), разстояніемъ отъ Аѳинъ на два часа ѣзды и вблизи котораго селенія находится историческій, прославленный поэтами, гротъ Нимфъ, состоящій изъ обширной, почти полукруглой скалы, въ видѣ огромнаго навѣса, изъ-подъ которой внутри въ глубинѣ вытекаютъ ключи самой чистой и холодной воды, а черезъ край этой скалы струится большой ручей, выходящій сверху ея изъ-подъ другой небольшой скалы; вода изъ внутреннихъ ключей и сверху текущаго ручья образуетъ сперва водоемъ, а потомъ извилистый потокъ, окруженный кустарниками, деревьями и лужайками; гротъ посѣщенъ нами вмѣстѣ съ нынѣшнимъ его владѣльцемъ.

(2-го Іюня 1850 года).

Это гротъ Нимфъ предо мной,
Внутрь съ кристальною водой!
Такъ, Киприда здѣсь купалась,
И струями обдавалась!

Вотъ здѣсь нѣжилась она,
Всѣми прелестьми полна;
Тутъ ей Граціи служили,
Нимфы возлѣ ней кружили,

Флора сѣяла красы,
Чтобы въ знойные часы
Освѣжать ее прохладой
Съ ароматною усладой.

Купидонъ за всѣмъ смотрѣлъ
И Амурами владѣлъ,
Что̀ на стражѣ здѣсь стояли,
Фавновъ стрѣлами сражали.

Каждый жаждалъ посмотрѣть,
Не страшась отъ стрѣлъ терпѣть;
А Сатиры къ ней сбѣгались,
Сквозь толпу Наядъ вторгались.

Аполлонъ самъ отъ небесъ,
И съ перунами Зевесъ,
На красавицу взирали,
Очи ею насыщали.

И завидовали тамъ
Филомелѣ, мотылькамъ,
Лаврамъ, маслинамъ тѣнистымъ
И акаціямъ душистымъ.

ЦАРСКОЕ СЕЛО.

Любимое, восхитительное лѣтнее пристанище, гдѣ прекрасное мѣстоположеніе съ живописными окрестностями, здоровый воздухъ, удобства для сельской жизни; гдѣ единственный въ Европѣ, по своей красотѣ, пышности, разнообразію, огромный садъ; гдѣ укрѣпляешься здоровьемъ, ободряешься духомъ, веселишься сердцемъ; гдѣ природа во всемъ величіи, искусство во всемъ великолѣпіи, воспоминанія со всѣми очарованіями, дали жизнь случайно (съ 9 го Августа 1848 г.) *Литературнымъ досугамъ*, и, оживляя память, воображеніе, созерцаніе, осуществляли былыя впечатлѣнія, обновляли воспоминанія изъ событій жизни и путешествій. Любимое чтеніе Овидія заохочивало изображать мысли, живописать мечты, чувства, восторги, посильнымъ, простымъ, скромнымъ, но согрѣтымъ любовію къ Богу, Монарху и Отечеству, стихотвореніемъ, какъ болѣе удобнымъ для себя способомъ, сходно съ требованіями классической Поэзіи и современныхъ наукъ, съ правилами эстетики и чистой нравственности, при тѣхъ средствахъ, которыя доставляли знанія, опытность, свободное отъ вседневныхъ, тяжкихъ трудовъ и мрачныхъ занятій время и преклонныя, недужныя лѣта. Все это должно было служить къ возвышенію души, услажденію сердца не какъ поэту съ дарованіемъ и по призванію, но какъ любителю Поэзіи, Природы, Искусствъ, Наукъ, видѣвшему, наблюдавшему и испытавшему, по своему званію, многое, и желавшему, безъ всякихъ притязаній оставить послѣ себя что либо на память — forsan et haec olim meminisse invabit.

Вотъ подъ вліяніемъ какихъ мыслей начались *Литературные досуги*:

Утро 9-го Августа 1848 года.

Еще вчера я былъ моложе
И завтра повторю я то же,
Сегодня — для меня мгновенье,
Вся жизнь—есть времени стремленье.
Къ чему старѣю съ каждымъ днемъ?
Чтобъ въ мірѣ омладѣть другомъ!

Вечеръ 9-го Августа 1848 года.

О скоро тѣломъ я улягусь въ утломъ гробѣ;
Меня источитъ червь, сгнію въ земной утробѣ.
Душой мы будемъ тамъ, гдѣ нуждъ, печали нѣтъ,
Гдѣ будутъ созерцать Творца, природу, свѣтъ.

—

ВАСИЛЕКЪ ИЗЪ ПРЕЛЕСТНАГО ЦАРСКО-СЕЛЬСКАГО ЦВѢТНИКА.

(На память 21-го Сентября 1848 г.)

Милые мои цвѣты,
Сестры женской красоты;
Вы любимицамъ своимъ,
Всѣ служить готовы имъ,
Краской чувства означать,
Складомъ мысли изъяснять.

Что̀ жъ такъ много васъ на свѣтѣ?
Есть у насъ всѣхъ на примѣтѣ
И свой миленькій цвѣтокъ,
Мнѣ на долю василёкъ.

Мой голубенькій цвѣтокъ,
Скромный, нѣжный василёкъ!
Пожалѣлъ тебя морозъ,
Не щадивъ и пышныхъ розъ.
Образъ ты лазури неба,
Лишь цвѣтешь средь класовъ хлѣба.

Украшалъ ты сердце милой;
Какъ съ дѣвичьей, полной силой
Билось сердце для меня,
Въ тайнѣ страсть свою храня;
Несравненный василёкъ!
Дѣвой избранный цвѣтокъ!

Подмѣчалъ ты сердца шопотъ,
Въ часъ раздумья скрытный ропотъ.
Въ сердцѣ дѣвы все борьба!
Странная его судьба:
Безъ любви и жить не можно;
Сердце жъ съ нею все тревожно.

Чувствамъ сродно наслажденье,
Сердцу жъ суждено терпѣнье,
Взоръ красавицъ — мотылекъ;
Сердце жъ любитъ василекъ.
Наслажденье мимолетно,
Сердце жъ ищетъ все что̀ прочно.

Пусть же дѣва сердце спроситъ:
Счастье въ чемъ оно находитъ?
Въ мимолетной красотѣ?
Въ постоянной добротѣ?
Сердцу красота пріятна,
Добродѣтель благодатна.

Красотѣ любовь награда,
Сердцу жъ въ добротѣ отрада.
Розы на щекахъ цвѣтутъ,
Въ сердцѣ жъ васильки живутъ.
А мы любимъ, въ полномъ цвѣтѣ,
Василекъ и розу вмѣстѣ.

ЦАРСКОСЕЛЬСКІЙ САДЪ И КОМСКОЕ ОЗЕРО.

Виды въ Царскосельскомъ саду, со скамьи, на сѣверо-западномъ берегу обширнаго пруда, на разнообразные предметы, въ особенности очаровательные при полуденномъ солнечномъ сіяніи, и виды въ Комо съ террасы, въ саду Іосифа Франка, впереди на все озеро, вправо на дугообразный городъ, влѣво на многочисленныя миленькія дачи, кругомъ на живописныя горы вдоль береговъ озера.

Май 1846 года.

—

НЕВѢСТА.

Вотъ исполнилось желанье,
Совершилися мечты!
И все кончилось страданье:
Вѣчно будемъ — я и ты.

Я невѣста и блаженна;
Мнѣ о чемъ еще мечтать?
Наша участь совершенна,
Больше мнѣ чего желать?

Мы богаты и мы знатны,
Богъ и Царь все дали намъ.
Мы и молоды и страстны,
Все надеждой льститъ сердцамъ.

Дѣти сильныя Державы,
Вѣрностью къ Царю цвѣтемъ,
И подъ сѣнью счастья, славы,
Въ благочестіи живемъ!

Мы гордимся просвѣщеньемъ,
Образованы вполнѣ;
Свѣтъ намъ служитъ наслажденьемъ,
Льститъ и угождаетъ мнѣ.

Милымъ на конѣ любуюсь
Въ блескѣ Марсовой красы.
Равно милымъ я плѣняюсь
И въ свиданія часы.

Средь блаженства—все жъ мечтаю,
Какъ для счастья должно жить:
Всю на то жизнь посвящаю,
Сердцемъ и душей любить.

Это будетъ ли довольно,
Счастливыми быть всегда?
Счастье всѣхъ непроизвольно,
Въ волѣ Божіей судьба.

Милость Божію заслужимъ
Благочестьемъ, добротой,
Счастіе же усугубимъ
Всей сердечной теплотой.

Ахъ, въ саду всего пріятнѣй
Про любовь свою мечтать;
Что̀ природы благодатнѣй?
Вѣдь любви — природа мать.

Въ Комо я переносилась,
Сидя на своей скамьѣ,
Съ милымъ сердцу здѣсь сдружилась,
Въ милой для меня семьѣ;

Въ Комо страсть моя возникла,
Пищу въ думахъ тамъ нашла,
Въ Царскомъ всю меня проникла
И блаженствомъ расцвѣла.

Тамъ у озера сидѣла,
Здѣсь у дивнаго пруда;
Тамъ красы природы зрѣла,
А здѣсь Граціи всегда.

Тамъ съ простымъ природа сердцемъ,
Здѣсь въ изящной красотѣ.
Тамъ была любовь младенцемъ,
А здѣсь въ юной лѣпотѣ.

Подъ италіянскимъ небомъ
Часто на скамью сажусь;
Въ полдень, съ Царскосельскимъ Фебомъ,
Въ Комо мыслію стремлюсь.

Дѣвы! чаще тутъ садитесь
На волшебную скамью;
Мыслями къ тому неситесь,
Кто любовь внушилъ свою.

И скамья-то ваши мысли
Къ милому вдругъ перешлетъ;
Многія такъ замужъ вышли;
Жизнь ихъ счастіемъ цвѣтетъ.

Сидя на скамьѣ завѣтной,
Вспоминайте старика,
Гдѣ, съ Поэзіей волшебной,
Онъ паритъ за облака.

Мыслью землю облетаетъ,
Видитъ всю природу вдругъ,
Либо вѣки созерцаетъ,
Либо сердце, жизнь и духъ.

Думы и мечты, видѣнья
Мчатъ его и въ міръ иной;
Чары въ немъ воображенья
Бытъ воспринимаютъ свой.

Въ немъ, Италія воспрянетъ,
Греція вся расцвѣтетъ,
И Овидій вдругъ предстанетъ,
И Орфей ему поетъ.

И какъ весело, пріятно
Старику всегда, вездѣ,
Сердцу и душѣ отрадно,
Въ счастьи, въ недугахъ, въ бѣдѣ!

Такъ, съ Поэзіей волшебной,
Онъ въ фантазіи живетъ,
И съ ней, звуки лиры нѣжной,
Лишь въ словахъ передаетъ.

—

ДУШЕНЬКѢ БОГДАНОВИЧА.

(7-го Октября 1850 г.).

Ты, Душенька, все на землѣ жила,
Въ красавицъ дивныхъ всюду превращалась,
Въ послѣднемъ образѣ всѣхъ превзошла,
Въ семъ образѣ Поэту ты являлась.

Отъ Душеньки Амуръ пришелъ въ восторгъ,
И взялъ къ себѣ въ свой розовый чертогъ.
По ней теперь еще Поэтъ вздыхаетъ,
Себя лишь томной лирой утѣшаетъ!

УПСАЛА.

Переѣздъ изъ Венеціи, чрезъ Стокгольмъ, въ Упсалу, Шведскій городъ на сѣверѣ, извѣстный своимъ университетомъ; посѣщеніе гробницы Линнея, великаго естествоиспытателя, ботаника и писателя, и особаго ему памятника съ его бюстомъ и надписью: Principi Botanicorum, — находящихся въ древней готической церкви, гдѣ покоятся Шведскій король Густавъ Ваза и другіе Шведскіе государи; и обозрѣніе съ высокаго холма, гдѣ старинный замокъ, обширнѣйшей равнины, на которой находятся вдали и доселѣ садъ и домъ, гдѣ обиталъ Линней.

(Іюнь 1846 года).

И это онъ, Линней, лишь въ образѣ скелета!
Ученый мужъ давно рубежъ оставилъ свѣта.
Тотъ Божій храмъ въ себѣ его останки скрылъ,
Великій Ваза гдѣ навѣки опочилъ!

Потомство чествуетъ Линнея мавзолеи,
Въ святилищахъ наукъ заслугъ его трофеи.
Вотъ изъ Венеціи я въ Упсалу шагнулъ
И у гробницы здѣсь я мысленно взглянулъ
На то, что̀ гробъ въ себѣ завѣтнаго вмѣщаетъ.
Вотъ мой, въ восторгѣ, духъ Линнея созерцаетъ.
О! поучительно о мудромъ вспоминать,
И въ мысляхъ подвиги его возобновлять.

Жилище генія, сей черепъ—жертва тлѣнья;
Отсюда истекли безсмертныя творенья.

Что̀ сталось съ дивными очами мудреца?
Онъ ими созерцалъ природу и Творца.
Предъ взорами его всѣ Флоры представлялись,
Ихъ прелести въ душѣ его впечатлѣвались.
Въ Линнеевой главѣ таился вертоградъ,
Гдѣ въ нышности блестѣлъ природы всей нарядъ.

Какъ звѣзды искрятся на полуночномъ сводѣ,
Цвѣты красуются въ полуденной природѣ,
Сверкаетъ на челѣ безсмертія вѣнецъ,
И шаръ земной ему начало и конецъ!
Еще на персяхъ сихъ останки рукъ скрещенныхъ;
Покой имъ послѣ всѣхъ трудовъ неизреченныхъ.

Я вижу славы храмъ: Линнея въ немъ дѣла,
Отъ коихъ дивная Наука процвѣла;
Въ ней геній мудрости природу всю объемлетъ,
И тайнамъ бытія всемірныхъ злаковъ внемлетъ.

Я вижу, какъ Линней природу побѣдилъ,
Исторгнувъ у нея познанье скрытныхъ силъ;
Какъ въ нихъ онъ созерцалъ премудрость Провидѣнья,
И съ цѣлью каждаго знакомился творенья;
Зрѣлъ средь живыхъ существъ всѣхъ выше человѣкъ,
Безсмертенъ, какъ его ни кратокъ здѣшній вѣкъ,
И знаменуется высокими дѣлами.

Блистаетъ славы храмъ великими мужами.
Безъ славы, вѣчности, прошла бъ вся жизнь, какъ тѣнь:
Землѣ жъ, всему на ней, придетъ послѣдній день.

Линней былъ убѣжденъ въ существованьи вѣчномъ,
Разстался съ жизнію въ спокойствіи сердечномъ.
Что̀ усладительнѣй, отраднѣе для насъ,
Когда торжественно, въ послѣдній жизни часъ,
Дверь жизни будущей намъ Вѣра отверзаетъ,
Надежда и Любовь намъ вѣчность открываетъ!

Теперь вселенная съ мірами передъ нимъ
Прельщаетъ взоръ его строеніемъ своимъ.
На солнцахъ существа иныя онъ встрѣчаетъ
И, созерцая всѣхъ, ихъ свойства постигаетъ.
И въ міріадахъ звѣздъ, различныхъ безъ конца,
Усматриваетъ власть предвѣчнаго Творца.
Отъ ней единство и законы для вселенной,
Начало стройности и жизни неизмѣнной.
Такъ власть одна въ земныхъ и звѣздныхъ существахъ,
Могущество ея въ пылинкахъ и мірахъ.

ГОРА ВИНТЕРБЕРГЪ.

Почти въ срединѣ Саксонской Швейцаріи возвышается гора, поросшая густымъ лѣсомъ, на вершинѣ которой устроена прекрасная, деревянная гостинница съ балконами и бельведеромъ; отсюда видна обширнѣйшая панорама, которая представляетъ многочисленныя горы, расположенныя по обѣимъ сторонамъ Эльбы, то покрытыя лѣсами, то выдвигающія вверхъ разнообразныя скалы, то заключающія въ промежуткахъ, особенно съ лѣвой стороны рѣки, лощины съ селеніями, лугами, нивами, то Эльбу, извивающуюся широкою полосою и теряющеюся вдали къ западу, гдѣ Дрезденъ.

(Іюня 1850 года.)

МОЛОДАЯ САКСОНКА.

Я сряду восемнадцать лѣтъ
Восхода солнца не видала,
Во снѣ все утро утопала,
Когда блеститъ красой разсвѣтъ.

Съ террасы, въ Дрезденѣ, могла
Закатомъ солнца наслаждаться,
Съ нимъ, съ нѣжностью, всегда прощаться;
При всходѣ жъ солнца не была.

Прелестенъ Фебъ, какъ спать идетъ,
Склонъ бирюзовый позлащаетъ,
Въ рисунки облака сдвигаетъ,
Имъ яркіе цвѣта даетъ.

Кто жъ въ живописи чудной сей
Весь отблескъ камней драгоцѣнныхъ,
Волшебно солнцемъ озаренныхъ,
Напечатлѣлъ въ душѣ моей?

Вечерній, дивный небосклонъ
Не знаменуетъ ли намъ старость?
И въ ней своя и прелесть, сладость,
А смерть тогда отрадный сонъ.

Теперь обширнѣйшій просторъ
На Винтербергѣ предо мною;
Съ вечерней, утренней зарею
Паритъ вокругъ пытливый взоръ.

Вотъ рано, бодро встала я
И въ бельведерѣ помѣстилась,
Съ мольбой здѣсь къ Небу возносилась
Въ горячности душа моя.

Предъ самой утренней зарей
И Эльба тамъ и горъ вершины
Съ лѣсами, нивами, долины
Подернуты волнистой мглой.

Торжественная тишина
Лишь соловьями прерывалась,
И пѣснями ихъ утѣшалась
Со мной природа и весна.

Мы всѣ восхода солнца ждемъ;
Вотъ и заря, хоръ птичекъ чудный,
Востокъ весь палевый, лазурный,
Ужъ яркій блескъ мы видимъ въ немъ.

Вотъ солнце—но взглянуть нельзя;
И волны мглы вдругъ озарились,
На зелень дымкой разложились:
Въ сіяньи панорама вся.

Какъ выразить и описать
Красоты утра, впечатлѣнья,
Восторгъ души, чувствъ упоенья!
Повсюду Божья благодать.

Какъ сила юная лучей
Природу всю вдругъ омладняла,
А юность свѣжестью дышала!
Она вездѣ въ красѣ своей.

На юныхъ, отъ лучей, цвѣткахъ
Роса алмазами сіяетъ
И въ блескѣ красокъ жизнь являетъ,
Жизнь въ капелькахъ и жизнь въ мірахъ.

Жизнь юная во мнѣ теперь:
Что̀ жъ въ сердцѣ, какъ не наслажденье,
Въ душѣ порывы — вдохновенье;
Передо мной и къ счастью дверь.

Мой милый другъ мнѣ объяснялъ,
Какъ свѣтъ все къ жизни воззываетъ
И всѣхъ трудиться побуждаетъ:
На томъ жизнь всѣхъ Богъ основалъ.

Букашки, мушки, муравьи
Межъ травкой пищи тихо ищутъ,
А бабочки съ той цѣлью рыщутъ,
Пчела сосетъ цвѣты свои.

Вотъ тамъ вдали крикъ пѣтуха
Селеніе къ молитвѣ будитъ;
Домашній скотъ въ луга выводитъ
Свирель младаго пастуха.

Надъ крышами тутъ вьется дымъ:
Хозяюшки, знать, суетятся,
Пока малютки не рѣзвятся,
Готовятъ завтраки своимъ.

А земледѣльцы въ полѣ тамъ
Съ восходомъ солнца на работѣ;
Хотя они весь день въ заботѣ,
За то закатъ — вѣнецъ трудамъ.

Имъ утро жаворонковъ шлетъ,
Обѣдомъ полдень угощаетъ,
Тѣнь ихъ прохладой услаждаетъ,
А вечеръ крѣпкій сонъ даетъ.

Но скоро день трудовъ и мой:
Свершится и мое призванье,
Творецъ благословилъ желанье;
Исполню жизни долгъ святой.

—

Таинственны восходъ, закатъ,
Тамъ солнца, а здѣсь нашей жизни;
Въ нихъ блага наши скрылъ Всевышній;
Вездѣ Его щедроты зрятъ.

Науки, Вѣра учатъ насъ,
Сколь Богъ великъ и благъ въ твореньяхъ;
Въ природѣ и ея явленьяхъ
Красоты умиляютъ васъ.

Во всемъ изящность въ простотѣ;
Какъ простъ лазурный сводъ небесный,
Какъ простъ восходъ, закатъ прелестный!
Къ чему жъ прикрасы къ красотѣ?

Есть все въ природѣ — въ насъ самихъ
Всегда для нашего блаженства;
Намъ нужно только совершенства
Достигнуть въ качествахъ своихъ.

———

ФРАНКФУРТЪ (НА МАЙНѢ)

Посѣщеніе (въ Іюнѣ 1846 г.) ратуши, извѣстной подъ названіемъ Römer, достопамятной своими историческими событіями, торжествами и воспоминаніями, — съ соотечественницею К. А. Р., скончавшеюся 22-го Сентября 1848 года.

—

Возможно ль въ чувствахъ постоянство,
Въ любви и дружбѣ совершенство?

Ты съ горнихъ мѣстъ улыбкою даришь,
За прежнюю пріязнь благодаришь,
За то, что я, хотя съ тобой въ разлукѣ,
Люблю еще и въ радости и въ скукѣ,
И чувство дружбы воскрешать въ себѣ,
И помышлять и помнить о тебѣ,
И окрилять порывъ воображенья,
И обновлять прошедшія мгновенья,
Ихъ озарять твоей душей, умомъ,
И украшать плѣнительнымъ лицомъ,
И созерцать твои всѣ совершенства,
Искать въ былыхъ мечтаніяхъ блаженства.

Я о любви, о дружествѣ мечталъ
И прочности ихъ степень познавалъ:
Любви основа—пламень жизни, чувство,
А въ дружбѣ видно болѣе искусство.
Любовь сокровище природы всей,

А дружба достоянье лишь людей.
И есть ли чистая любовь и дружба,
Когда душа, страстей и видовъ чужда,
Сливается съ другой душей она,
Однимъ желаньемъ съ ней оживлена?

Рѣши: тебѣ сердца людей открылись,
Ихъ помыслы, ихъ чувства обнажились.
О чувствахъ разно все толкуетъ свѣтъ.
Дай на вопросъ нашъ спорный мнѣ отвѣтъ.

Твои я слышу рѣчи неземныя:
Любовь и дружба—сестры двѣ родныя
И чистыя въ источникахъ своихъ,
Но шатка въ свѣтѣ прочность ихъ.
Вотъ солнце вамъ: оно вовѣки ясно,
Для всѣхъ живительно, прекрасно!
Но что же? Есть ему восходъ, закатъ.
Премѣнчиво лучи его горятъ;
И яркость ихъ была бъ невыносима,
Когда бъ она была неизмѣнима.

Зависитъ свѣтъ отъ воздуха, воды,
Повсюду ихъ могущества слѣды;
Стихіи же вездѣ непостоянны,
Въ природѣ перемѣны непрестанны.
Отъ вихрей, грозъ и частыхъ непогодъ
Измѣнчивъ столь прелестный неба сводъ.

Въ насъ солнце есть душа, свѣтъ — чувства смертныхъ.
Стихіи служатъ для потребъ тѣлесныхъ;
Для крови пища, воздухъ и вода,
Отъ нихъ то кровь въ волненіи всегда.
Вотъ сердца, чувствъ откуда коловратность,
Желаній, думъ, страстей разнообразность.

Вся жизнь течетъ въ тревогѣ, суетахъ,
Боренье въ ней, какъ въ воздухѣ, въ моряхъ,
И въ сердцѣ все то радость, то тревога.
Гдѣ жъ прочность, гдѣ покой? — На лонѣ Бога,
А на землѣ тамъ, гдѣ едина власть
Державѣ силу, твердость, счастье дастъ.

ОСТРОВЪ-КРАСАВИЦЪ (Isola bella).

Великое озеро — Lago maggiore — между Піемонтомъ, Швейцаріею и Ломбардіею, есть одно изъ прелестнѣйшихъ по своему плѣнительному мѣстоположенію: оно окружено Альпійскими горами, живописными долинами, бѣлокаменными городами, селеніями, монастырями, дачами, расположенными то по берегамъ, то по высотамъ и равнинамъ; на этомъ-то озерѣ находится островъ такъ называемый *Красавицъ* (Isola bella), который былъ прежде огромною скалою и потомъ превращенъ искусствомъ въ изящный небольшой островъ; на немъ теперь съ одной стороны великолѣпный дворецъ графовъ Баромеевъ со многими драгоцѣнными рѣдкостями, а съ другой садъ удивительной красоты, заключающій въ себѣ многія растенія жаркихъ странъ, фонтаны статуи; въ немъ устроена терраса красивой отдѣлки, состоящая изъ десяти отдѣльныхъ ярусовъ; съ этой-то террасы, вышиною въ 120 футовъ, очаровательный видъ на другіе Баромейскіе острова, на озеро и его окрестности, извѣстныя своимъ плодородіемъ и разнообразіемъ природы.

НА ПАМЯТЬ НЕЗАБУДКѢ ВЪ ІЮНѢ 1846 Г.

Вотъ теперь-то вижу я,
Что здѣсь милая моя,
Въ незабудку превратилась,
На Красавцѣ поселилась,

Вотъ тебѣ мой поцѣлуй,
Незабудка — мой цвѣточикъ!

Въ зеркалѣ прекрасныхъ струй,
Прелесть каждый лепесточикъ!

Ты на Озерѣ-Волшебницъ:
Чудной красоты оно,
И среди Наядъ-прелестницъ;
Имъ чертогомъ служитъ дно.

Средь величественныхъ горъ,
Ты на Островѣ-Красавцѣ;
Всюду нѣжится твой взоръ,
Въ сей прекраснѣйшей дубравѣ.

На скалистомъ бережку
Ты смиренно поселилась,
И въ пушистомъ уголку,
Въ тѣнь отъ зноя пріютилась.

Альпы снѣжные глядятъ
На цвѣтокъ мой благосклонно,
Бури горъ тебя щадятъ.
Все тобой вокругъ довольно!

Островъ этотъ будто рай:
Розы, лиліи, нарциссы
Оживляютъ вѣчный Май;
Лавры, мирты, кипарисы.

И въ чертогахъ и въ саду,
Все, искусство и природа,

Въ дивномъ создали ладу,
Въ блескѣ голубаго свода.

Юной Флоры пышный тронъ —
Всѣмъ на чудо, обаянье,
Въ сихъ мѣстахъ сооруженъ,
И струитъ благоуханье.

Васъ плѣняетъ красота,
Померанцевъ тѣнь лелѣетъ,
Чувства нѣжитъ теплота,
Съ озера прохлада вѣетъ.

На террасѣ вы со мной:
И съ ней, видами природы
Взоръ насытите ли свой?
Вотъ лѣса и горы, воды.

Тамъ бѣлѣютъ города
И Красавца сестры видны;
По водамъ бѣгутъ суда,
Стаямъ птицъ разгулъ обширный.

Вы подъ розовымъ кустомъ
И всѣ Феи передъ вами;
Васъ покоятъ сладкимъ сномъ
Съ оживленными мечтами.

Входите ль въ прохладный гротъ,
Нимфы мило васъ встрѣчаютъ,

Чашею кристальныхъ водъ
И плодами угощаютъ.

Вотъ букетомъ вòды бьютъ,
Чрезъ прекрасные фонтаны;
Нѣжно соловьи поютъ;
Здѣсь павлины, тамъ фазаны.

Для чего жъ должна была,
Въ дивный островъ превратиться,
Безобразная скала?
Незабудкѣ поселиться.

И не пышный изъ цвѣтовъ:
Чтò такъ любятъ незабудку?
Средь роскошныхъ здѣсь кустовъ,
Чтó лелѣютъ, какъ голубку?

Незабудка зиждетъ вновь
Всѣмъ намъ молодые годы;
Съ ними дружбу и любовь,
Прелесть юной и природы.

Дружбы и любви младой
Такъ глубоки впечатлѣнья,
Незабудочкѣ простой
Ихъ возможно обновленье.

Сколько разъ мнѣ «не забудь!»
Милая все повторяла,

«Дружбѣ, сердцу вѣренъ будь!»
И цвѣточикъ мой лобзала!

Незабудочки моей
Никогда я не забуду;
Часто, часто мыслью къ ней,
Съ сѣвера носиться буду.

Поцѣлуи полетятъ
Къ ней любовію согрѣты;
Вспоминанья оживятъ
Дружбы вѣчныя примѣты.

Жизнь въ природѣ есть любовь,
Дружба въ жизнь вливаетъ сладость,
Память зиждетъ были вновь,
А изъ мечтъ струится младость.

Если бъ Богъ не даровалъ
Памяти, воображенья:
Мракъ бы сердцемъ обладалъ,
Мигомъ были бъ наслажденья.

ТИКОЧИНЪ.

Воспоминаніе бивуака Лейбъ-Гвардіи Драгунскаго, нынѣ Конно-Гренадерскаго, полка, послѣ битвы у моста 9-го Мая 1831 года, на правомъ берегу Нарева, недалеко отъ Тикочина, города, окруженнаго съ юга высотами и расположеннаго на лѣвомъ берегу этой рѣки, протекающей на рубежѣ Гродненской и Августовской губерній.

—

МАЙСКІЙ ВЕЧЕРЪ.

Царю, Отечеству служить,
Для насъ сыновъ священный долгъ:
Имъ жизнію полезнымъ быть,
Повелѣваютъ Вѣра, Богъ.

Какъ пышенъ благодатный Май!
Какъ солнце нѣжитъ здѣшній край!
Природа весела весной
И дышетъ радостью одной.

И въ безмятежности она
Вся наслажденью предается;
И кликъ восторговъ, какъ волна,
Далеко въ воздухѣ несется.

—

Въ тихій Майскій вечерокъ
Знаетъ свѣжій вѣтерокъ
Какъ кипитъ въ природѣ кровь,
Какъ таинственна любовь!

Громкимъ хоромъ соловьи
Серенады намъ даютъ,
Чувства и слова свои
Звучной пѣснью въ воздухъ льютъ.

Какъ пернатыхъ хороводъ
Воздухъ пѣснью оглашаетъ,
Такъ стоячихъ житель водъ
Радость крикомъ выражаетъ.

—

И эхо звукомъ въ даль разноситъ
Мелодіи и вдохновенья,
Къ Отцу природы всей возноситъ
Сей общій кликъ благодаренья.

Давно природой я плѣненъ,
И въ прелести ея влюбленъ;
Какъ сладко сердцу съ ней спознаться
И ею всюду восхищаться!

Въ ней сколько истинныхъ красотъ!
Она ихъ всѣмъ передаетъ;
Ихъ созерцаньемъ утѣшаюсь,
Въ душѣ и сердцѣ освѣжаюсь.

Меня подъ вечеръ отъ работъ
Къ себѣ природа заманила,
И послѣ всѣхъ моихъ заботъ
Меня отрадой угостила.

—

ПРОГУЛКА ВЕРХОМЪ ОТЪ БИВУАКА КЪ МОСТУ ВЪ СУМЕРКИ; ВСТРѢЧА СЪ РАНЕНЫМИ; ОЧЕРКЪ ВПЕЧАТЛѢНІЙ СЪ НАТУРЫ.

Природа силилась меня развлечь
И прелести свои напечатлѣть,
А дума прошлое живописала,
Что̀ видѣлъ, слышалъ, мнѣ напоминала.
Какъ быстро дни и ночи протекли,
Которые средь ратныхъ грозъ прошли!
Межъ жизнью, смертью про себя забыли:
Мы долгу, чести всей душей служили.
Теперь, тамъ грохотъ пушекъ, трескъ гранатъ,
Вечернихъ залповъ перекатъ,
Гдѣ, днемъ, штыки, и пули, и картечи,
Отчаянье, безстрашье были въ сѣчи.
Вотъ, надъ прибрежьемъ и мостомъ багровой дымъ,
И тутъ озарены войска и городъ имъ.
И здѣсь одинъ Наревъ спокойно лишь струился,
Сюда теперь со мной усталый конь стремился.
Въ пути я раненыхъ своихъ встрѣчалъ:
Я помощь имъ свою здѣсь подавалъ,
Богъ укрѣплялъ ихъ въ тягостной дорогѣ,
Природа ихъ лелѣяла въ тревогѣ.
И лобзала свѣтомъ ихъ
Яркоглазая луна,

И въ объятіяхъ своихъ
Согрѣвала ихъ весна.
  Марсъ надъ храбрыми простеръ
Вѣчно-звѣздный свой шатеръ.
Имъ вѣнки изъ звѣздъ сплетаетъ,
Лучъ безсмертья въ нихъ блистаетъ.
  Всѣ затѣи Марса чудны:
Блескъ и слава неразлучны;
Посмотрите же вокругъ,
Что̀ для храбрыхъ сдѣлалъ вдругъ! *
  Западъ чуть мерцалъ зарею,
Посребренъ востокъ луною,
Звѣздами весь испещренъ
Яхонтовый небосклонъ.
  Зарево зажглось на югѣ:
Врагъ въ отчаянномъ испугѣ,
Раззоривъ свою отчизну,
Празднуетъ свою тамъ тризну.
  Сѣверъ тучею покрытъ;
Струйки молніи въ ней льются:
Дальнимъ гуломъ громъ грозитъ;
Отголоски къ намъ несутся.

---

* Дѣйствительно такъ было: съ натуры списано.

БИВУАКЪ.

Насладившися природой,
Подышавъ ея свободой,
Вотъ я снова на бивакѣ
Въ временной своей палаткѣ.

У бивачныхъ мы огней
Всѣ столпились въ шумный кругъ;
Насъ покоитъ мягкій лугъ,
Слухъ нашъ нѣжитъ здѣсь ручей.

Помаваетъ лѣсъ намъ гибкой;
Флора насъ даритъ улыбкой
И намъ стелетъ мураву,
Гдѣ бы пріютить главу.

Насъ Морфей за полночь ждетъ,
Крѣпкій сладкій сонъ даетъ,
Воздухъ свѣжій — силу, бодрость,
А походъ — здоровье, твердость.

И какъ весело межъ нами,
Между ратными друзьями:
Пьемъ за здравіе живыхъ,
И на память убылыхъ.

Здѣсь въ раздумьи напѣванье,
Говоръ храбрыхъ средь огней,
Тамъ вкругъ бивуака ржанье
Утомившихся коней.

—

Какъ на бивакахъ, послѣ битвы,
Весь искрится воинскій духъ!
И вспоминанья и молитвы,
Заботливость и радость вдругъ!

Ахъ, братцы, кто изъ васъ гадаетъ,
Вамъ завтра жить, иль умереть?
Лишь каждый жаждетъ въ бой летѣть,
И бой какъ брачный пиръ встрѣчаетъ,

Что жъ на войнѣ живитъ такъ кровь?
Надежда, Вѣра и Любовь;
Въ Царѣ и Богѣ утѣшенье,
Въ небесной жизни убѣжденье.

Земная жизнь къ небесной шагъ;
Землѣ оставимъ мы свой прахъ.
А вѣчная награда тамъ
Всѣмъ по заслугамъ и дѣламъ.

ТИЛЬЗИТЪ.

Выѣздъ изъ Петербурга 2-го Апрѣля 1846 года; пріѣздъ 8 Апрѣля въ Тильзитъ, прекрасный городъ на равнинахъ Нѣмана; прогулка вечеромъ въ прелестную весенную погоду по историческимъ мѣстамъ; кладбище съ храмомъ на берегу рѣки; свѣжая могила малютки, украшенная цвѣтами.

—

Судьбы людей непостижимы,
Законы Божіи неизмѣнимы,
Во всемъ Святое Провидѣнье,
Во всемъ надежда, утѣшенье.

На сѣверѣ зима была,
Отсюда къ западу я мчался,
Хоть насъ вездѣ весна ждала,
Но все Борей за нами гнался,
Въ пути я отъ того терпѣлъ:
Вездѣ зима съ весной сражалась;
Къ веснѣ въ Тильзитъ я прилетѣлъ
И вдругъ душа ей наслаждалась.
Въ восторгѣ отъ всего я былъ:
Въ весеннемъ, юномъ одѣяньи,
Рѣка и храмъ среди могилъ;
Вечерній лучъ, въ своемъ сіяньи,
Поля, лѣса, гладь водъ златитъ.
Смотря на Нѣманъ, я мечтаю,
И память къ прошлому паритъ,
Исторію въ умѣ читаю.

Все оживилось предо мной:
Зрю время то величья, славы,
Когда здѣсь возсіялъ покой
На двѣ великія Державы.
Великія дѣла живутъ,
Въ исторіи, въ сердцахъ безсмертны;
Во всѣхъ концахъ земли ихъ чтутъ,
Потомкамъ образцы въ нихъ вѣчны.
Природа славныя дѣла
Хранитъ на поприщахъ дѣяній;
Она способность имъ дала
Насъ увлекать въ міръ вспоминаній.
Гдѣ мужи славные теперь?
Вотъ глубь земли — видать далеко
И къ вѣчности отверста дверь,
Судьбы ихъ созерцаетъ око.
Вотъ тѣней сонмъ! вдругъ слышу сто
Здѣсь мать надъ свѣжею могилой;
Какъ взоръ ея къ ней устремленъ!
Въ ней прахъ ея малютки милой;
И мать, прильнувши сердцемъ къ ней,
Весенніе цвѣты сажаетъ,
И грѣя ихъ душей своей,
Слезами грустно поливаетъ.
Мать взоръ вперила въ небеса,
И вотъ малютки словеса:

«Богъ далъ на мигъ мнѣ жизнь земную,
«Его зримъ волю въ томъ святую;
«Теперь я духомъ въ небесахъ,
«Блаженна въ горнихъ сихъ странахъ;
«Молюсь за васъ—и все съ тобою;
«На мигъ въ разлукѣ ты со мною!»

О, материнская любовь
Находитъ въ Вѣрѣ утѣшенье,
Надѣется съ дѣтьми жить вновь,
Въ путяхъ благаго Провидѣнья!

СТАРИННЫЙ ЗАМОКЪ, НЕДАЛЕКО ОТЪ ВИНДЗОРА.

(Іюня 1843 г.)

—

ЗАМѢТКИ АНГЛИЧАНКИ XVIII ВѢКА.

Гдѣ пища чувствамъ и страстямъ,
Тамъ самолюбію пріятно;
Въ любви къ супругу и дѣтямъ
Душѣ и сердцу все отрадно.
Въ душѣ супруги совершенства,
Въ самомъ же сердцѣ ключъ блаженства.
Кто жъ счастія ея содѣтель?
Образованье, добродѣтель.

За полночь — пиръ еще кипитъ,
Веселье, радость тамъ въ разгарѣ,
Тамъ роскошь, пышность въ полномъ блескѣ,
Всѣ блага міра въ немъ стеклись!
Владычицей на балѣ — я,
Среди всѣхъ обольщеній свѣта,
Всѣ чтутъ мою любезность, ловкость,
Твердятъ о красотѣ, умѣ.
О чемъ я думала, мечтала
И въ вихрѣ танцевъ, средь бесѣдъ?
Скорѣе покормить малютку,
Съ супругомъ быть наединѣ.
И вотъ на лонѣ первенецъ!
У сердца онъ — и что̀ отраднѣй?
Что̀ для души моей умильнѣй?

Улыбочкой меня даритъ
Его взоръ, устремленный въ мой,
Ручонками меня ласкаетъ.
И вотъ супругъ отецъ у насъ,
Супругъ и первенецъ у сердца,
Могу ль я выразить всѣ чувства
И нѣжности и умиленья?
Надъ нами Божья благодать.
Вашъ каждый взглядъ мнѣ нѣжной пищей,
Вашъ каждый поцѣлуй мнѣ нектаръ!
И вотъ на балѣ вновь порхаю,
Какъ прежде весела, пріятна,
И думаютъ въ весельи счастье,
А счастіе мое въ одномъ:
О сынѣ и супругѣ думать;
Еще одна мысль занимаетъ:
Что̀ такъ таинственные взоры
Преслѣдуютъ давно меня?
Любви основа и вѣнецъ —
Сочувствіе душъ и сердецъ,
Ихъ прочное соединенье
И Божіе благословенье:
Любовь сія всегда горитъ,
Отрадный свѣтъ всегда струитъ;
Въ любви иной хаосъ желаній,
Міръ наслажденій и страданій.

Ахъ! Провидѣнію угодно,
Чтобъ насъ враги всего лишили,
Чтобъ мы скитались по пустынямъ
Среди опасностей и скорбей.
Я, ваша, милые, слуга!
За васъ и жизнь отдать готова,
Для васъ лишь сердце и душа.
Отъ умиленья плачу я,
Какъ мужъ и другъ несутъ малютку.
Все жъ думаю, какъ взять скорѣе
И покормить дитя мое.
Съ нимъ на травѣ иль на скалѣ
Теперь, какъ прежде, я блаженна;
И сердце и душа въ восторгѣ,
Когда супругъ и сынъ при мнѣ.
Голодна ль — взорами сыта;
Я жажду ль — поцѣлуй мнѣ нектаръ.
Отъ ласкъ малютки и супруга
Вся полной жизнію горю!
Хоть мы въ тревогѣ каждый мигъ,
Враги насъ, какъ добычу, ищутъ,
Въ опасностяхъ насъ укрѣпляютъ
Надежда, Вѣра и Любовь!
Надъ нами Божья благодать.
Жаль васъ, таинственные взоры!
Ахъ! чѣмъ могу васъ усладить?

Вновь пиръ, мечты, наединѣ;
У сердца вновь супругъ и сынъ.
Гдѣ жъ другъ, таинственные взоры?
Любилъ меня, погибъ за насъ!
Усердно каждый день молюсь
За милыхъ и еще — за друга.

Спи, сыночекъ, почивай.
Ты у сердца́ почиваешь;
Жизнь мою въ себя вдыхай,
Жизнь мою въ себѣ вмѣщаешь,
И впивай любовь мою;
Чувства съ ней мои внѣдрятся,
Грѣй душею кровь свою,
Качества съ ней водворятся.
Грудь такъ кормитъ молокомъ,
Сердце кровью какъ питало;
Счастіе мое въ твоемъ,
Я тебѣ во всемъ зерцало.
Будь таковъ ты, какъ и я —
Христіанинъ всей душею!
Пусть душа отчизнѣ вся!
Будь утѣхою моею!

Давно вдова, уже ветха.
Вотъ чувства, силы покидаютъ;
Во мнѣ недуги водворились,

Надежды нѣтъ освободиться,
И съ каждымъ днемъ они сильнѣе,
И разрушаютъ все во мнѣ!
Гдѣ память, гдѣ воображенье?
Въ нихъ тускло все—чуть-чуть мерцаетъ!
Былое все — все какъ во мглѣ:
Вдали мерещится лишь что̀-то.
И жизнь вся — будто сновидѣнье.
И ликъ любезнаго супруга
Во снѣ теперь яснѣе вижу;
А такъ припомнить не могу;
Онъ на портретѣ, какъ чужой,
Хоть въ сердцѣ онъ — въ душѣ же образъ!
Сама ль я то, что̀ я была?
Я — въ зеркалѣ и на портретѣ:
Вотъ рядомъ дряхлость, рядомъ младость,
Да, младость въ блескѣ красоты!
О, тѣло! что̀ съ тобою сталось!
Къ чему же ты такъ исказилось,
Что страшно на тебя взглянуть!
Какъ будто хочеть такъ наскучить,
Чтобъ легче мнѣ съ тобой разстаться.
Что̀ жъ будешь ты, какъ буду въ гробѣ,
Какъ будетъ червь тебя глодать?
Но нечего тебя жалѣть:
Ты было и теперь лишь важно потому,

Что сердце и душу вмѣщаешь.
И вы одни не измѣнились:
Отъ васъ струится все жъ любовь,
Отрада и услада жизни;
По прежнему я всѣхъ люблю,
А въ сердцѣ сладостный жаръ чувствъ;
Въ душѣ восторженность, какъ прежде.
И въ дряхлости все Богъ намъ далъ
Для счастія и утѣшенья.
Вотъ дѣти, внуки предо мною!
Любовь къ нимъ сладостна, сильна;
Они любовью утѣшаютъ,
Въ меня вливаютъ бодрость, младость.
Я въ нихъ живу, себя въ нихъ вижу,
И въ нихъ я долго буду жить,
Старѣться и омладѣвать.
За нихъ благодарю я Бога,
Я и теперь, когда молюсь,
Молиться жъ я могу всечасно —
Полна отрадой и любовью:
Надежда, Вѣра предо мною
Блаженство вѣчности являютъ.
Отрадно съ ними я умру!
Взирая на дѣтей своихъ,
Душевно радуюсь тому,
Что всѣ они, отцу подобно,

Полезно и усердно служатъ
И Государю и Отчизнѣ:
Любовь къ обоимъ безпредѣльна.
И все, что̀ слышу я объ нихъ,
Волнуетъ кровь еще теперь
И радуетъ и веселитъ;
Послѣдній вздохъ имъ посвященъ!
Какъ высказать, сколь мнѣ пріятно
Учить своихъ дѣтей и внуковъ:
Любить по-христіански ближнихъ,
Добра желать, добро имъ дѣлать!
Какъ счастлива и тѣмъ еще,
Что я сама могу благотворить,
И это всякій день возможно!
А съ чѣмъ сравнить то чувство въ насъ,
Какъ слышимъ мы благословенья
И мыслимъ: Богъ услышитъ ихъ!
Да! добродѣтель — утѣшенье.
Какъ всякій день пришлось мнѣ думать:
Быть можетъ—мой послѣдній день!
Какъ жаль теперь, что время быстро!
Минуты дороги для насъ;
Минуты близятся прощанья.
Все бросимъ здѣсь: что̀ жъ съ нами въ путь?
Лишь добродѣтель съ нами въ вѣчность.
И такъ — и сердце и душа,

Однѣ во мнѣ не измѣнились,
Всѣ служатъ мнѣ отрадой, счастьемъ —
Тогда, какъ тѣло только бремя,
И жизнь столь тяготитъ меня,
Что съ нею мнѣ не жаль разстаться
И жду я смерти, какъ отрады;
Смерть усыпитъ меня такъ сладко,
Какъ путника покоитъ сонъ:
Его умчитъ сонъ въ міръ видѣній,
Меня смерть воскрылитъ въ міръ вѣчный!
И такъ, равно всѣмъ намъ отрадно
И засыпать и — умирать!

ГОРЫ ІУДЕИ.

Выѣздъ изъ Іерусалима въ Яффу, въ 7 часовъ утра, 30 Апрѣля 1850 г., въ субботу на Святой недѣлѣ; утомительный переѣздъ верхомъ на лошади чрезъ скалистыя, крутыя и высокія горы, сперва безплодныя, дикія, утесистыя, потомъ покрытыя кустарникомъ и деревьями, по тропинкамъ и прекраснымъ доламъ, во время самаго сильнаго зноя; отдыхъ въ 11 часовъ на холмѣ подъ одинокою акаціею, среди обширныхъ, прелестныхъ нивъ съ созрѣвшимъ ячменемъ, испещреннымъ краснымъ макомъ, укропомъ и другими цвѣтами. Подъ акаціею молодая, смуглая, миловидная Аравитянка, съ огненными глазами, съ двумя малолѣтными дѣтьми. Разговоръ съ нею спутника, молодаго Француза Готье, негоціанта въ Бейрутѣ; завтракъ и утоленіе жажды водою изъ узорчатаго кувшина Аравитянки.

—

АРАВИТЯНКА.

Сердце женщинъ изучать —
Всю природу узнавать.

Но довольна я судьбой:
Вотъ малютки всѣ со мной!
Ужъ сынокъ мнѣ помогаетъ,
А грудной меня ласкаетъ.
Какъ ихъ съ страстью не любить,
Для ихъ счастья не служить?
Возлѣ сердца спитъ сынъ младшій,
А бѣжитъ съ кувшиномъ старшій.

Хоть сиротками они,
Не остались же одни.
Богъ сироткамъ покровитель,
Человѣкъ имъ благодѣтель.
Подъ акаціей сидимъ,
Путниковъ водой поимъ;
Тѣнь даетъ намъ въ зной прохладу,
Щедрость за труды награду.
А когда уйдемъ отсель,
Намъ подъ небомъ домъ, постель.
На землѣ сонъ дастъ здоровье,
Грудь малюткамъ изголовье;
А въ ненастье свой пріютъ
Люди добрые даютъ;
Съ нами пищу раздѣляютъ
И малютокъ утѣшаютъ.
Сколько жъ пищи нужно намъ!
А какъ ходимъ по полямъ!
Вѣдь насъ солнце вдоволь грѣетъ,
Зелень всюду насъ лелѣетъ.
Птички, бабочки, цвѣты,
Средь древесной густоты,
Служатъ дѣтямъ утѣшеньемъ,
Мнѣ ихъ говоръ развлеченьемъ.
Мужа я могу ль забыть?
Безъ него пришлось мнѣ жить!

Ахъ, какъ я его любила!
И сама его зарыла!
За меня онъ жертвой палъ.
Какъ меня онъ защищалъ!
Грудь врагу я подставляла,
Защищать его желала.
Дѣтки, ради васъ живу;
Знаютъ всѣ меня вдову.
Но врагу я отомстила,
Въ грудь ему кинжалъ вонзила.

ПУЛКОВА ГОРА.

На высотахъ, между Петербургомъ и Царскимъ Селомъ, воздвигнута Обсерваторія, единственная въ Европѣ по своему живописному мѣстоположенію, по обширнымъ, разнообразнымъ видамъ, на приморской равнинѣ, вмѣщающей столицу, и равно по своему внутреннему устройству, великолѣпію и богатству астрономическихъ снарядовъ. Въ ней-то обращаетъ на себя особенное вниманіе огромный телескопъ, чрезъ который наблюдаются неподвижныя и преимущественно двойныя звѣзды. Онъ устроенъ такимъ образомъ, что самъ собою движется совершенно однообразно съ движеніемъ неподвижныхъ звѣздъ отъ востока къ западу, такъ что во всякое время можно видѣть неподвижную звѣзду, на которую онъ направленъ; чрезъ этотъ-то телескопъ разсматриваема была двойная неподвижная звѣзда, въ Августѣ 1844 года.

Глядятъ двѣ звѣздочки, обнявшись,
Съ высотъ небесныхъ на меня.
Среди сафирнаго пространства,
Какъ ярко искрятся онѣ!
И вы отъ насъ вдали безмѣрной,
Но глазъ нашъ видитъ васъ вблизи;
Вы—звѣздочки, но вы огромны;
Какъ глазъ въ себѣ вмѣщаетъ васъ?

Какъ ночью твердь свѣтилъ небесныхъ
Живописуется въ глазу?

Что̀ глазъ передъ громадой солнцевъ!
Но видимъ ихъ въ единый мигъ:
Какъ свѣтъ отъ цѣлаго свѣтила
Сосредоточится въ зрачекъ,
И какъ съ небесъ лучи струятся
И въ точку сходятся въ глазу:
Въ сей точкѣ звѣздный сводъ мѣстится,
Сей точкой съ міромъ мы въ связи;
Къ тому нужна лишь малость свѣта.
  Взоръ облетаетъ твердь небесъ;
Его къ ней мчатъ лучи мгновенно
И съ свѣтомъ мысль туда паритъ.
Со взоромъ мысли неразлучны,
А мысли быстры, какъ и свѣтъ.
Но гдѣ конецъ полету мыслей?
Свѣтъ лучезарный вездѣсущъ.
  Чрезъ свѣтъ въ связи глазъ со вселенной,
Чрезъ свѣтъ въ связи глазъ и съ душей,
А мысли изъ души струятся,
Со свѣтомъ мчатся и къ мірамъ.
И такъ всегда мы съ мірозданьемъ
Въ связи чрезъ мысли и чрезъ свѣтъ.
Не то ль свѣтила въ мірозданьи,
Что̀ въ человѣкѣ и глаза?
Въ звѣздахъ величье Бога видно,
Чрезъ очи дѣйствіе души.

Вотъ мы во храмѣ Ураніи,
Свѣтила видимъ здѣсь вблизи,
Бесѣдуемъ удобно съ ними.
Чрезъ телескопъ мы близимъ твердь;
Сей глазъ, устроенный наукой,
Являетъ множество міровъ,
Въ безмѣрномъ отдаленьи сущихъ.
Умъ оживилъ сей телескопъ,
Ему давъ чудное движенье,
Чтобъ самъ собой могъ сторожить
Теченіе свѣтилъ небесныхъ.
Великій Геній храмъ воздвигъ,
Въ немъ торжество ума, науки!
Глазъ съ телескопомъ твердь слѣдитъ,
Наука ими управляетъ;
Умъ бытіе звѣздъ познаетъ;
Душа объемлетъ небо мыслью.
Кто жъ мѣрой могъ опредѣлить
Пространство, время и движенье,
И Астрономію создать,
Науку вѣдать мірозданье,
Законы, силы, связь свѣтилъ,
Величину, размѣръ и даль,
И правильность и быстроту,
Постигнуть цѣлое и части,
И съ точностью все исчислять

И въ дивномъ храмѣ Ураніи
Вселенную осуществлять;
Слѣдить ее ежеминутно,
Чтобъ можно было наконецъ
Извѣдать тайны мірозданья,
Постичь, что сила, стройность въ немъ
Изъ единоначалья льются?
Едина надъ мірами власть
Содержитъ все въ связи взаимной!

ФОРНАРИНА.

Дивный портретъ Форнарины, написанный Рафаэлемъ, находится въ Флоренціи, въ той залѣ картинной галлереи, которая называется Tribuna и гдѣ статуя Венеры Медицейской.

(Воспоминаніе Сентября 1843 г.)

—

Форнарина красавица!
Рафаэля любимица!

Какъ смотрѣла на него,
Такъ ты на меня глядишь,
Свѣтомъ взора своего
Сердце и мое живишь.
Очи взорами плѣняютъ;
Чрезъ нихъ мысли, чувства льются.
Чувства сердцемъ обладаютъ
Мысли изъ души несутся.

Форнарина красавица!
Рафаэля любимица!

Все на очи я гляжу,
Чтобы душу разгадать;
Въ нихъ за чувствами слѣжу,
Чтобы мысли всѣ понять.
Какъ очами не плѣняться,

Видны въ нихъ любви пружины,
Не съ восторгомъ отзываться:
Что за очи Форнарины!

Форнарина красавица!
Рафаэля любимица!

Въ нихъ смотрѣлся Рафаэль,
Вдохновенье почерпалъ:
Въ нихъ желаній пылкихъ цѣль,
Мысли милой въ нихъ читалъ.
Блескъ очей и взоровъ живость
Душу въ зеркалѣ являли;
Взглядовъ нѣжность и игривость
Сердце призмой отражали.

Форнарина красавица!
Рафаэля любимица!

Ликъ твой Рафаэль вмѣщалъ
Въ зеркальныхъ своихъ зрачкахъ,
Образъ твой когда писалъ,
Зря себя въ твоихъ глазахъ.
Мощный геній и искусство
Образъ милой оживили;
Страсть и нѣжность, пылкость, чувство,
Ликъ любовью озарили.

Форнарина красавица!
Рафаэля любимица!

А какъ прелесть и любовь
И для славы и вѣнца,
Существились кистью вновь,
Каковы были сердца
Рафаэля, Форнарины?
Мнѣ картина отражаетъ
Чувства пламенны, взаимны;
Страсть досель ихъ освѣжаетъ.

Форнарина красавица!
Рафаэля любимица!

Уже вѣки ты живешь,
И теперь ты предо мной
И красавицей слывешь,
И прельщаешь всѣхъ собой!
Отъ чего жива, прекрасна
Форнарина и доселѣ?
Такъ нѣжна и такъ же страстна,
Какъ на лонѣ Рафаэля?

Форнарина красавица!
Рафаэля лыбимица!

Кто потомству передалъ
Милый Форнарины ликъ

Въ Форнаринѣ показалъ,
Какъ и Рафаэль великъ?
Геній—творческая сила,
Человѣка принадлежность;
И какъ даръ—въ мирахъ возникла,
И ея удѣлъ есть вѣчность.

ПАРОХОДЪ.

Переѣздъ моремъ отъ Амстердама до Гамбурга. Первый день, понедѣльникъ, 9-е Сентября 1843 г. Начало бури и качки. Морская болѣзнь. Убѣжище у острова Шеллинга. Маякъ на немъ съ огромнымъ, вогнутымъ зеркаломъ изъ фасетокъ, вокругъ медленно обращающимся.

Нашъ самолетъ по зыбямъ водъ
Скользитъ, несется все впередъ!
Задернулося солнце дымкой,
И стало вскорѣ невидимкой.
За тучей тучу сѣверъ гналъ,
Ихъ вѣтръ по небу разметалъ.
Какъ свѣтъ ведетъ борьбу со мглою,
А вѣтры съ буйною волною!
Вотъ въ напряженьи сила водъ,
Готовъ на бой и пароходъ.

Смотрите, въ судорогахъ море!
О! близко намъ, плывущимъ, горе!
Тритоны рищутъ по водамъ,
Взбиваютъ пѣну по буграмъ.
Какъ страшно даль кипитъ и воетъ!
Морскую бездну вѣтеръ роетъ;
Онъ ударяетъ въ самолетъ,
Чтобъ задержать его полетъ;

Валы горами воздымаетъ,
Въ грудь судна ими напираетъ.
Взлетѣлъ, въ него ударилъ валъ,
Но вмигъ отпрянулъ и пропалъ.
Но пусть валы ревутъ, бугрятся,
На приступъ грозные стремятся:
Грудь выситъ гордо пароходъ,
И попираетъ массу водъ.
Мы по волнамъ стрѣлою мчимся,
Угрозъ Эола не страшимся —
Онъ, будто въ колыбели, насъ
Качаетъ!..... Боже! страшный часъ!

Хрустятъ колеса парохода,
На насъ возстала вся природа.
Клокочетъ море, какъ волканъ.
Къ намъ мчится ярый ураганъ,
И низвергаетъ всѣ препоны;
Свиститъ Борей неугомонный,
Горами пѣну къ намъ клубитъ,
И вихремъ бездну водъ крутитъ.
Вдругъ поворотъ—и хлябь раскрылась, *
Волна надъ нами очутилась,
И издаетъ протяжный ревъ,

---

*Видя начавшуюся страшную бурю, мы вдругъ круто поворотили влѣво къ острову Шеллингу.

Пожрать насъ хочетъ бездны зѣвъ.
Уже въ ней самолетъ нашъ бокомъ;
Но выпрыгнулъ отважнымъ скокомъ,
И вновь явился въ вышинѣ,
Насъ не далъ поглотить волнѣ.
Онъ мчится гордо переваломъ,
А въ бокъ его бьетъ валъ за валомъ;
Волна всей силою вспрыгнетъ,
Отпрянетъ вдругъ и обдаетъ
Лишь пылью насъ вокругъ жемчужной.
Нашъ исполинъ трудится дружно,
Съ Эоломъ борется на смерть,
Не дастъ себя въ пучину стерть.

Вотъ мглистый воздухъ весь тускнѣетъ,
Отъ вечера ужъ даль чернѣетъ.
Но, погрузясь совсѣмъ во тьму,
Мы освѣтили носъ, корму.
Свѣтъ сумрачный вокрукъ разлился;
Въ гробъ пароходъ нашъ превратился,
Хотятъ въ могилу насъ столкнуть,
Какъ будто къ тартару нашь путь.
Вотъ призраками воды полны,
Въ усопшихъ превратились волны,
И рыщутъ въ саванахъ во мглѣ,
Съ печатью смерти на челѣ.

Труба, какъ факелъ погребальный,
Клубитъ все дымъ бэгровый, длинный;
И сыплетъ искры, средь валовъ,
На черный нашъ ночной покровъ.
Намъ качка кажется опаснѣй,
Стихій возстаніе ужаснѣй;
И вѣтровъ вой, и моря плескъ,
Въ колесахъ парохода трескъ.

Съ душей тревожной и унылой,
Я въ думѣ объ отчизнѣ милой.
Какъ сердце давитъ мнѣ печаль!
Чрезъ бурную нестись мнѣ даль!
И въ маякѣ намъ нѣтъ надежды!
Во мракѣ тяжелѣютъ вѣжди;
Но неизвѣстность гонитъ сонъ;
Не подкрѣпитъ терпѣнья онъ.
Я на волканѣ-огнеметѣ,
Въ морской пучинѣ на полетѣ.
Въ борьбѣ стихій; что̀ жизнь моя?
Но, Боже! всюду власть Твоя!

Въ душѣ надежда промелькнула:
Во мракѣ звѣздочка сверкнула *
Какъ бы зари вечерней свѣтъ.

---

* Это былъ маякъ на голландскомъ островѣ Шеллингѣ.

Мерцаетъ все — и снова нѣтъ!
Опять окружены мы тьмою,
И внемлемъ только бури вою:
О, страшенъ этотъ мракъ густой!
Какъ будто здѣсь ужасный бой!
То валъ горой на насъ нагрянетъ,
То съ яростью отъ насъ отпрянетъ,
То въ бокъ подастся пароходъ,
То вынырнетъ изъ бездны водъ.
Межъ жизнью мы и смертью!....Боже!
Опять звѣзды мерцанье тоже!
Откуда ты, отрадный лучъ?
Зачѣмъ, скользнувъ межъ грозныхъ тучъ,
Ты снова постепенно меркнешь?
Ужель, надежда, ты исчезнешь,
Не полетишь за нами въ путь?

Томится сердце, ноетъ грудь!
Страдаю я невыносимо!
Страданье то невыразимо!
И весь въ себя я погруженъ,
Томленьемъ смерти изможденъ;
Слухъ притупѣлъ и мутно зрѣнье:
Померкнуло воображенье.
То я забудусь, то очнусь,
И снова жизни я лишусь;

То въ жилахъ, нервахъ пытки ада,
То въ чувствахъ сладкая отрада.
И мнится, ближе къ намъ звѣзда,
Бушуетъ менѣе вода.

Вотъ я, какъ птичка, встрепенулся.
Не въ царствѣ ль мертвыхъ я очнулся?
На пароходѣ тишина;
Лишь плещетъ тихо здѣсь волна.
Во мракѣ всюду вся природа,
Вдали жъ бушуетъ непогода;
И ты со мной, съ маяка свѣтъ,
Отраденъ милый твой привѣтъ.
Что̀ жъ исподволь во мракъ уходишь,
Свой блескъ алмазный ты уносишь?...
Такъ здѣсь желанный намъ пріютъ!
Меня покой, раздолье ждутъ:
Въ каютѣ весело пируютъ,
Свою побѣду торжествуютъ.
Смогли мы бурю одолѣть,
И сквозь опасность пролетѣть,
Во мглѣ ночной избѣгнуть мели,
Достигнуть вождѣленной цѣли!
Я веселъ, счастливъ, свѣжъ и бодръ,
И ждетъ меня покойный одръ.
Здѣсь яства и вино предъ нами.

Теперь, вообразите жъ сами,
Какъ послѣ бѣдъ былъ сладокъ намъ
Успокоенія бальзамъ.
Но впереди все жъ треволненье, —
Надежда вся на Провидѣнье.
Кто въ Вѣрѣ непоколебимъ,
Вездѣ въ душѣ отрада съ нимъ:
Вездѣ спокойствіе доступно;
Отчаянье ему преступно.

БУРЯ.

Пребываніе парохода у острова Шеллинга 11-го — 12-го Сентября. Голландское селеніе. Маякъ съ 300 ступенями. Въ четвертокъ, въ 6 часовъ утра отплытіе парохода отъ острова. Продолженіе бури. Переѣздъ чрезъ толчею (Brandung). Въ 11-ть часовъ утра морская болѣзнь. Съ 12-ти часовъ четверга до 5-ти часовъ утра пятницы безпамятство. Въ ночи съ 12-го на 13-е опасность кораблекрушенія. Поврежденіе колесъ и мачтъ; 15-ти-часовое закрытіе люковъ. 13-го, утромъ, устье Эльбы. *

Гостепріимный островокъ!
Богатство все твое — песокъ;
Но ты искусствомъ изукрашенъ.
И городокъ чистъ, милъ, изященъ!
И вотъ устроенъ здѣсь пріютъ,
Гдѣ странники въ тиши живутъ,
Гдѣ имъ не страшны непогоды,
Бушующіе вѣтры, воды.
Здѣсь обитаютъ простота,
Радушіе и доброта:
Здѣсь и для взора все пріятно,
И сердцу и душѣ отрадно.
Быть можетъ, скука никогда
Не смѣетъ заглянуть сюда.
И я, сложивъ заботы бремя,
Вкусилъ спокойствіе на время,

---

* Очеркъ съ натуры.

Въ семъ безмятежномъ уголкѣ,
Отъ думъ тревожныхъ вдалекѣ,
Среди привѣтливыхъ Голландокъ,
Природы дщерей — поселянокъ.
Меня пришлось имъ угостить;
Изъ рукъ ихъ сладко было пить.
Лице ихъ здравіемъ блистаетъ,
Въ ихъ взорахъ жизни огнь играетъ.
Какъ тѣломъ крѣпки, духомъ бодры,
Такъ, вѣрно, сердцемъ милы, добры;
Живя средь моря въ тишинѣ,
Съ душею свѣтлою онѣ.

Но вотъ пробилъ урочный часъ,
И скоро здѣсь не будетъ насъ.
Прощайте, милыя Голландки,
Природы дщери, поселянки!
Прощай, радушный островокъ!...
Прощай! намъ путь еще далекъ.
И мы опять на пароходѣ,
Летимъ по морю на свободѣ.
Прощальный кликъ несется къ намъ,
Скользя, какъ эхо, по водамъ:
Стихаетъ — смолкнуло прощанье;
Осталось лишь воспоминанье. —
Прости жъ и ты, маякъ-коллосъ!

Средь здѣшнихъ бурныхъ водъ фаросъ!
Ты бодрствуешь и дни и ночи,
На даль, на тьму раскрывши очи.
Твой дивный, лучезарный глазъ
Отъ гибели ужъ многихъ спасъ.
На всѣхъ ты свѣтъ свой проливаешь,
Надежно къ цѣли направляешь.

Впередъ, туда нашъ самолетъ,
Гдѣ буря и водоворотъ!
Громады пѣны передъ нами,
Даль будто устлана снѣгами.
И слышенъ страшный шумъ вокругъ,
Вездѣ гулъ раздается; вдругъ
Какъ будто вьюга тамъ несется;
То свѣтъ, то мгла надъ зыбью вьется.
Борей враждуетъ съ моремъ тамъ,
И быстро гонитъ волны къ намъ,
И дождикомъ насъ осыпаетъ,
И мелкимъ градомъ угрожаетъ.
Борей! несносенъ холодъ твой,
Пронзителенъ и рѣзокъ вой;
Невольный страхъ ты намъ наводишь
И насъ опасностью тревожишь!
Но мы себя одушевимъ,
Бодрѣй чрезъ волны полетимъ.

Хоть бездны все страшнѣй зіяютъ,
И намъ могилу разверзаютъ.

Вотъ ринулись мы въ толчею:
Не въ ней ли кончимъ жизнь свою?
Средь бушеванія природы,
Вздымаются, клокочутъ воды.
Какія гряды снѣжныхъ горъ!
Вездѣ огромный имъ просторъ.
Изъ нихъ однѣ лишь исчезаютъ,
И ужъ другія возникаютъ.
О, какъ ихъ зыблются хребты,
Стремятся въ бездну съ высоты!

Борей летаетъ въ хляби пѣнной,
И ищетъ жертвы обреченной;
Но, какъ предъ враномъ голубокъ,
Предъ вѣтромъ нашъ скользитъ челнокъ.
То вспрянетъ моря на вершину,
То съ волнъ низвергнется въ пучину.
Вотъ, кажется, готовъ тонуть,
Но вдругъ себѣ прорѣжетъ путь.
Змѣей искусно изовьется,
И тѣмъ отъ гибели спасется.

Мы все несемся вдаль стрѣлой.
Вдругъ вихрь объялъ насъ страшной мглой;

Поверхъ насъ волны воздухъ роютъ;
Какъ мертвецы надъ нами воютъ.
Насъ хладомъ, пѣной обдаютъ,
И въ хлябь подводную зовутъ.
Но, Боже, Ты защита наша!
Да мимоидетъ эта чаша!
И вотъ замкнулась гроба дверь,*
Въ каютѣ мрачной я теперь,
Ежеминутно смерти ждущій,
И только къ Богу вопіющій;
Я заживо въ могилу слегъ,
Недвижимъ, хладенъ, одинокъ;
Вокругъ меня лишь сумракъ ночи,
И смертъ въ меня вперила очи.
Лишь слышны скрипъ въ стѣнахъ и трескъ
И ярыхъ волнъ унылый плескъ;
Прерывистый въ колесахъ грохотъ,
Какъ будто нѣкій адскій хохотъ.
Протяжный гулъ терзалъ мой слухъ,
Горнило раздувалъ злой духъ. **

---

* Въ 11 часовъ утра мы сошли съ палубы, въ каюту; и за нами закрыли люки.

** Какъ вдругъ съ вала опускался пароходъ въ пучину, въ пароходной трубѣ дѣлалась пустота, но какъ снова онъ подымался, воздухъ устремлялся въ трубу съ гуломъ, ко-

Какъ перевалы нестерпимы!
Я гасну, муками томимый,
И жизнь чуть держится во мнѣ:
Она мерцаетъ, какъ во снѣ;
Но я, слабѣя, забываюсь,
И вотъ я съ жизнью разлучаюсь.

торый страшно, то прерывался, то возобновлялся, причемъ стѣны такъ скрипѣли и трещали, что, казалось, пароходъ готовъ растреснуться и разлетѣться въ куски.

МАЙСКОЕ УТРО.

Памяти восемнадцати-лѣтней дѣвицы, только-что вышедшей изъ городскаго пансіона и впавшей въ меланхолію, съ припадками временнаго помѣшательства и страшной болѣзни, вслѣдствіе безразсуднаго поступка ея брата—поступка, которымъ сильно потрясено было ея воображеніе.

(Ржекунь, деревня. Мая 1831 г.)

—

Былъ Май; въ красѣ: все радостью блистало,
И все цвѣло и нѣжилось въ саду;
Часъ утренній — и солнце разливало
Сіяніе, и жизнь, и теплоту.
Меня къ себѣ привѣтно птички звали,
Манили мило юные цвѣтки,
Тамъ рѣзво бабочки вокругъ порхали,
Здѣсь съ травкою шептались ручейки;
И съ нѣжностью Зефиръ ко мнѣ ласкался.
Была восхищена душа моя;
Вдругъ взоръ съ Маріей повстрѣчался:
Извѣстна мнѣ была судьба ея.
Она мнѣ въ изступленьи говорила:
«Гдѣ милый мой теперь, скажи хоть ты?»
Мнѣ указать его, въ слезахъ просила,
«Стократно я, и птичекъ и цвѣты,
И оказать тѣмъ мнѣ свои услуги.
Я и сама ихъ нѣжно берегла:

Пернатыя—всегда мои подруги;
Цвѣты же? — Ахъ, засуха ли была,
Своими я слезами орошала
Поникшія головки сихъ цвѣтовъ.
Лишь къ людямъ я съ вопросомъ не бѣжала, —
Они моихъ не понимали словъ.
Вотъ я усердно Богу помолилась,
Въ моей бесѣдкѣ сѣла я одна;
Закрывъ глаза, я въ мысли погрузилась,
Но кто-то пробудилъ меня отъ сна.
И, о, восторгъ! я зрю того въ мерцаньи,
Съ кѣмъ вѣчно бы хотѣла говорить,
Съ кѣмъ, въ сладостно-сердечномъ созерцаньи,
Вездѣ, всегда желала бъ вмѣстѣ жить!
Ахъ! лишь о немъ я въ думѣ безпрестанно:
Я мыслію вездѣ за нимъ лечу.—
Какъ пристально я на него глядѣла!
Ахъ, какъ хотѣлось мнѣ его обнять!
Увы! порхнуть къ нему я не умѣла,
И къ сердцу не могла его прижать.
А грудь моя кипѣла, трепетала;
Не сердца ли просилъ онъ моего?
Возьми жъ его, вотъ сердце, мой желанный!
Не нарушай обѣтовъ лишь своихъ!
Ко мнѣ всегда являйся, несказанный,
Такимъ, какъ ты предсталъ мнѣ въ этотъ мигъ!

Когда ты предо мной, то я блаженна;
Сокрылся ты, — не узнаю себя;
Въ разлукѣ, скорбью, грустью изможденна!
Во снѣ и на яву я для тебя»....
Тутъ взоръ Маріи сталъ вращаться дико,
И выразилъ отъ призрака испугъ;
Раздался вопль пронзительнаго крика:
Она безъ памяти упала вдругъ.

ВЕЧЕРЪ ВЪ ТРІЕСТѢ.

Терраса предъ церковью Св. Іуста, на скатѣ горы; влѣво отъ террасы четвероугольная ограда; въ ней, вправо, памятникъ антикварію Винкельману, который былъ умерщвленъ въ Тріестѣ; между кустами цвѣтущихъ розъ разные остатки древности. Съ террасы прекрасный видъ на городъ, море и окрестности.

(Очеркъ съ натуры. 29-го Апрѣля 1846 г.)

—

Солнце клонится туда,
Гдѣ слилося небо съ моремъ.
Какъ прекрасна моря гладь,
Дивенъ неба сводъ лазурный!
Пышно воздухъ освѣщенъ,
Пламенемъ объятъ весь западъ,
Какъ лучи его играютъ,
Въ зеркалѣ водъ отражаясь!
На водахъ просторъ и жизнь,
Пароходы, барки мчатся;
Весело на нихъ пловцамъ:
Что̀ за дѣятельность въ портѣ,
Гдѣ красуются суда
И пестрѣютъ флаги, мачты!
Люди, словно муравьи,
Въ пристани тамъ суетятся.
У подножія Тріестъ:
Онъ любуется супругой,
Адріатикой своей.

Солнце алое, прощаясь,
Между небомъ и водой,
Посылаетъ поцѣлуи,
И на одръ свой, въ пурпуръ волнъ,
Начинаетъ опускаться.
Ниже, ниже все — и вотъ
Скрылся пламенный ликъ Феба.
И лишь занавѣсь осталась
Изъ блестящаго эѳира
Въ видѣ чудной пелены,
Изъ сліянныхъ дивныхъ красокъ.
Ахъ! какъ разноцвѣтенъ сводъ
Надъ прелестнымъ ложемъ солнца!
Снизу дымкой алый паръ,
Сверху отблескъ золотистый,
Бирюзовый небосклонъ.
Надо мною синій куполъ;
Скоро звѣзды въ немъ зажгутся.
На горахъ лучей мерцанье;
На востокѣ ужъ луна
Робко смотритъ изъ-за горъ.
Я жъ въ объятіяхъ весны,
Между розъ благоуханныхъ,
Средь останковъ старины,
У гробницы Винкельмана,
Подъ мелодьей соловья,

Средь дыханія зефира,
Въ благодатной теплотѣ,
Съ миловидною артисткой,
Съ нами Винкельмана тѣнь.
Винкельманъ намъ міръ открылъ,
Міръ художествъ и искусствъ
Всѣхъ вѣковъ и всѣхъ народовъ.
Видимъ славныхъ мы мужей:
Съ ними ихъ произведенья,
Отпечатки ихъ идей,
Ихъ трудовъ и ихъ усилій.
Каждый же предметъ искусствъ
Есть намъ книга мыслей, дѣйствій
И возвышенныхъ идей:
Геній мысли существилъ,
Украшалъ труды изящнымъ,
И высокимъ оживлялъ. —
Съ творческою чудной силой
Умъ художника сближалъ. —
Здѣсь Эстетика парила
Музы, Граціи были.
Тутъ Поэзія сіяла
Въ блескѣ всѣхъ своихъ красотъ,
И природу обнимала
Средь всѣхъ прелестей ея.
Здѣсь поэтъ, какъ и художникъ,

Для своихъ изящныхъ дѣлъ
Избирали лишь предметы,
Средь высокихъ всѣхъ красотъ,
Тѣ, которые достойны
Ихъ безсмертныя души
И Зиждителя вселенной.
Что̀ жъ хранитъ отъ истребленья
И отъ времени руки,
Сокрушающей нещадно
Существующее все,
На землѣ, что̀ охраняетъ
И художествъ и наукъ
Драгоцѣнные останки?
Добрый геній указалъ
На любимца Винкельмана,
На творенія его,
Гдѣ плоды искусствъ ужъ вѣчны,
Гдѣ ихъ время не грызетъ.
Тутъ безсмертіе и слава
Занавѣсъ спустили вдругъ —
Слышу только звукъ органовъ,
Звуки пѣнья и звонка.
Я въ восторгѣ, въ древнемъ храмѣ,
У подножья алтаря,
И въ священномъ созерцаньи
Предъ Творцемъ міровъ молюсь.

ПАРИЖСКІЯ КАТАКОМБЫ.

Посѣщеніе огромныхъ каменоломень подъ Парижемъ, которыя доставили матеріалы для постройки зданій, и теперь вмѣщаютъ въ себѣ человѣческія кости, собранныя сюда изъ всѣхъ кладбищъ Парижа и расположенныя здѣсь фантастически.

(11-го Сентября 1839 г.)

Великимъ даромъ обладаетъ
Воображеніе мое:
Міръ идеальный созидаетъ,
Гдѣ мысль пріемлетъ бытіе,
И превращается въ видѣнья,
Даетъ имъ воля естество;
Здѣсь пламенностью вдохновенья,
Все оживаетъ существо.
Какъ вижу, слышу въ натуральномъ,
Или въ магнитно-чудномъ снѣ,
Бываетъ то жъ и въ произвольномъ
Ясновидѣніи во мнѣ.
Такую мощь воображенья
Я въ катакомбахъ испыталъ,
Гдѣ, отъ его я восторженья,
Въ міръ призраковъ перелеталъ.
Здѣсь, подъ ногами Парижанъ,
Ихъ предковъ вѣчное жилище,

Они, со всѣхъ столицы странъ,
Стеклись въ подземное кладбище;
Расположились всѣ рядами,
Образовавъ картинный видъ;
Предъ любопытными глазами
Огромный этотъ гробъ раскрытъ.

Вотъ вижу сорокъ поколѣній;
Отъ нихъ здѣсь тысячи головъ,
Останки мысливших творений,
Отжившихъ нѣсколько вѣковъ.
При свѣточи, здѣсь въ подземельи,
Всѣ черепы на насъ глядятъ;
Въ своемъ просторномъ новосельи,
Своимъ потомкамъ говорятъ:
«Хотите ль знать, кто мы такіе?
Успѣйте въ полночь видѣть насъ:
Тогда мы существа иныя.
На то рѣшится ль кто изъ васъ?»

Къ сей трудной цѣли устремленный,
Мой духъ препоны сокрушилъ;
И созерцаньемъ восторженный,
Онъ въ міръ видѣній воспарилъ.
И вотъ среди глубокой ночи,
Какъ утромъ, дивно разсвѣло,
Мнѣ мнится — превратились очи

Въ фантасмотворное стекло.
Я вижу оживаютъ кости,
Преображаются въ людей
И, какъ на пиръ, явились гости
Блеснуть здѣсь жизнію своей.

Тутъ вѣки олицетворились,
Свѣтъ оживленья въ нихъ разлитъ,
Всѣ полы, возрасты столпились
И приняли свой прежній видъ.
И вотъ бесѣдую я съ ними.
Доволенъ мой пытливый умъ,
И веселъ я, какъ межъ своими;
Владѣетъ мной одна изъ думъ:
Межъ жизнью вѣчной и земною
Предѣловъ и разрыва нѣтъ,
Какъ межъ вселенною и мною:
Въ единствѣ всюду Богъ и свѣтъ.

СТАРЫЙ БАДЕНСКІЙ ЗАМОКЪ.

Развалины близъ Баденъ-Бадена. Замокъ близъ вершинъ горы окруженъ лѣсомъ и скалами; вблизи порфировая скала; башня и на ней терраса, съ которой необъятный видъ на окрестности и долину Рейна.

(Вечеръ 12-го Мая).

Марія, красота, одна предъ алтаремъ,
Колѣна преклонивъ предъ всеблагимъ Отцемъ,
Въ фамильномъ склепѣ здѣсь, у матерней могилы,
А полночь ужъ близка. Маріи таютъ силы,
И взоръ смыкается перстомъ свинцовымъ сна;
Но борется еще съ усталостью она,
И къ Богу теплыя молитвы возсылаетъ.
Ахъ! завтра жизнь для ней другая наступаетъ:
Ей съ обрученіемъ минетъ осьмнадцать лѣтъ,
И вдругъ раскроется невѣдомый ей свѣтъ.

Изъ кельи боковой вошелъ монахъ согбенный,
Наставникъ, духовникъ и другъ ея вседневный,
И крестъ ей на чело съ молитвой возложилъ,
И, помолясь, ее водою окропилъ.
На Матерь Божію она, вздохнувъ, взглянула,
И старца обняла, къ груди его прильнула.
Марія въ трепетѣ и тихо слезы льетъ:
Отъ друга матери судьба ее влечетъ.

Въ часъ вечера она привыкла здѣсь молиться,
А въ день къ полезному и доброму стремиться:
Душа хотѣла лишь Спасителю служить,
Здѣсь на землѣ отца, на небѣ мать любить,
А сердце знало лишь одни благотворенья,
Въ природѣ же для чувствъ искало услажденья.

Вотъ гробъ поцѣловавъ, простившись съ старикомъ,
Въ извилинахъ пошла Марія съ фонаремъ;
Передъ окномъ однимъ остановилась дѣва,
И подаетъ она въ окно вина и хлѣба.
Томится рыцарь здѣсь въ темницѣ много лѣтъ.
Ахъ! онъ любилъ, и вотъ его источникъ бѣдъ:
Онъ гибнетъ, местію постигнутый жестокой,
И не спасли его богатства, санъ высокой.
Изъ груди узника исторгся тяжкій стонъ
И гостьи ангела лобзаетъ руку онъ.
Марія вновь идетъ все выше на ступени, —
И вотъ раскрылась дверь: предъ дѣвой мрачны сѣни.
Толпятся воины: всѣ вооружены,
Тревогой общею какъ-бы поражены.
При этомъ зрѣлищѣ Маріи стало страшно
И, поспѣшая вверхъ, она взошла на башню,
И смотритъ на луну, на лѣсъ, на мрачну даль:

Разсѣялась ее постигшая печаль;
Ей воинъ указалъ, гдѣ все костры пылали,
Заклятые враги отца ея стояли.
Туда-то ратниковъ созвала злая месть,
И завтра будетъ бой не на животъ, на смерть.
Но взоромъ утонувъ въ привѣтномъ лунномъ свѣтѣ,
Забыла дѣва все въ мечтательномъ полетѣ.
Уставясь на скалу, что̀ думаетъ она?
И, ахъ! теперь у ней ужъ дума не одна.
Съ мечтами и скалой придется ей разстаться,
И съ за̀мкомъ отческимъ, съ природой распрощаться.
Предъ ней: свѣтъ суетный, домъ чуждый и супругъ. —
На башнѣ звукъ рожка раздался громко вдругъ.
Марія внизъ спѣшитъ, и вотъ подъ сводомъ темнымъ
Она, въ святилищѣ своемъ дѣвичьемъ, скромномъ,
Остановилася въ раздумьи у окна.
Ей соловей поетъ, глядитъ въ глаза луна;
Но дѣва внемлетъ лишь унылымъ звукамъ лютни
И звуки и слова таинственны и чудны!
Изъ-подъ скалы они всегда въ полночный часъ:
И это — пламенной и томной страсти гласъ.
Ей звуки и слова знакомы и пріятны,

Но выраженья чувствъ для ней въ нихъ непонятны.
Теперь мечтается ей кто-то на скалѣ:
Онъ тамъ всегда сидитъ, таясь въ вечерней мглѣ,
Когда съ террасы вдаль Маріинъ взоръ блуждаетъ,
И къ Господу она молитвы возсылаетъ.
Но кто же сей пѣвецъ? Вотъ мысль ея о томъ:
И образъ чей-то все чертитъ въ умѣ своемъ,
И въ сердце отъ него струится утѣшенье,
Но непонятное Маріи ощущенье!
Какъ часто образъ сей являлся ей во снѣ,
Когда покой во всей природѣ и мечтѣ!
Марія призракъ сей въ душѣ своей ласкаетъ,
Мечты своей она свершенья ожидаетъ.
Вотъ къ ней взошелъ отецъ: онъ весь вооруженъ;
Всегда былъ ласковъ, добръ; теперь суровъ, смущенъ.
Она у ногъ его, въ томленіи разлуки;
Въ слезахъ, съ горячностью его лобзаетъ руки;
А онъ ее къ груди прижалъ, перекрестилъ,
Потомъ Распятіемъ съ молитвой осѣнилъ.
Онъ удалился, страхъ объялъ ее невольно;
Не праздникъ завтра,—бой; отрадно ей и больно.
Какъ страшно, горестно ей помышлять о томъ,
Что надобно судьбу ея рѣшать мечомъ!
О! для Маріи бы желательно побѣды;

Но сердце для себя предчувствуетъ въ ней бѣды.
Вотъ входитъ няня къ ней; за всѣмъ слѣдитъ она;
Всѣ тайны вѣдаетъ, и набожна, вѣрна.
Отъ ней Марія все о женихѣ узнала,
И будущность свою навѣрно разгадала.
Женихъ богатъ и храбръ, извѣстенъ, титломъ графъ;
Но страшны для нея его лѣта и нравъ;
И видѣла его лишь на пирахъ, ристаньи.
Она дала обѣтъ отцу при разставаньи
Исполнить свято все: любовь къ отцу сильна;
Но сердцу вопреки должна идти она —
И сердце вопіетъ. Несчастная крушится,
И борется съ собой, предчувствіемъ томится;
Грядущій кажется Маріи страшнымъ путь,
Волненіе души ей не даетъ уснуть;
Но есть всему конецъ, и вотъ она забылась,
И въ міръ видѣній вдругъ душей переселилась:
И образъ передъ ней любимаго пѣвца;
И проситъ брачнаго пѣвецъ у ней вѣнца
Въ награду за свои сердечныя страданья,
За многолѣтнія усилія, старанья.
Покойся кроткая невинность отъ тревогъ,
Да къ радости потомъ тебя пробудитъ Богъ!
Теперь она во снѣ средь упоенья
И слышитъ незнакомца звуки пѣнья:

Ахъ, будь! ахъ, будь моей подругой!
Жить безъ тебя я не могу.
Ахъ, будь! ахъ, будь моей супругой!
Жизнь для тебя лишь берегу.

Давно я мучусь и терзаюсь,
Давно минутно, издалека
Въ тебя я взорами впиваюсь.
Коснется ли тебя моя рука?

Тебя коснусь ли я устами?
Я въ пламени отъ мысли сей!
Ахъ! я, съ кипучими слезами,
Прильну, прильну къ рукѣ твоей!

II можетъ ли воображенье
Любви блаженство начертать,
Любви взаимной упоенье?
Но, ахъ! мнѣ можно лишь мечтать!

Съ поэзіей, моей подругой,
О прелестяхъ твоихъ судить,
И мнѣ съ надеждою сугубой,
Все пламеннѣй еще любить.

ГЕЙДЕЛЬБЕРГЪ.

На высотѣ древній рыцарскій зàмокъ, въ видѣ прекраснаго обширнаго дворца, который теперь уже опустѣлъ, но хорошо сохранился съ рыцарскою залою, часовнею и башнями по сторонамъ, и достопримѣчателенъ какъ своею величиною, отдѣлкою и мѣстоположеніемъ, такъ и тѣмъ, что въ одномъ изъ подваловъ сохранилась старинная огромная бочка, вмѣщавшая въ себѣ 236,000 бутылокъ. При входѣ въ этотъ подвалъ противъ бочки помѣщена человѣческая фигура въ старинномъ одѣяніи, представляющая, по словамъ путеводителя, знаменитаго шута. Съ террасы, окруженной зеленью, далекій видъ на городъ, внизу расположенный, на рѣку Неккаръ и на обширныя, разнообразныя за нею виднѣющіяся окрестности.

(Іюня 1846 г.)

Вотъ рыцаркій завѣтный гласъ:
«О, слава, долгъ и честь — и ближній!
«Послѣдніе мои, для васъ,
«И жаръ крови и искра жизни».
И рыцарь ли измѣнитъ слову, чести;
Скорѣе вытерпитъ всѣ муки смерти.

Огромная изъ дуба бочка,
Желѣзная въ ней оболочка,
Рейнвейномъ старымъ все полна,
Струитъ веселость всѣмъ она,
Съ ней стражъ ея, шутъ-чародѣй,
Она ему во всѣмъ послушна;
Шутъ подчуетъ виномъ гостей,
И съ нимъ рейнвейна сила чудна.

Такъ на пиру, лишь шутъ захочетъ,
Виномъ всѣхъ дѣлаетъ смѣшными:
Тотъ плачетъ, а другой хохочетъ;
Всѣхъ тѣшитъ шутками своими.
Веселье и вино
Въ отраду намъ дано!
Смотрите, вотъ прощальный пиръ,
Всѣмъ завтра жить иль умереть;
Всѣмъ завтра въ бой—не на турниръ,
Въ бою жъ самоуправна смерть.
Что лица рыцарей сіяютъ,
Какъ латы шлемы ихъ блестятъ;
Глаза такъ радостью горятъ,
Какъ ихъ мечи въ бояхъ сверкаютъ?
Уже ли шутъ, своимъ виномъ,
И остроумьемъ, колдовствомъ,
Возмогъ на бой воспламенить
И жизнь, и свѣтъ, и все забыть?
Въ душѣ дѣламъ причины,
А въ сердцѣ чувствъ пружины.
Вотъ въ залѣ, тамъ, на возвышеньи,
Красавицы вѣнки плетутъ.
Менестрели вокругъ поютъ;
У рыцарей вся кровь въ волненьи.
У каждаго тамъ свой предметъ:
Ихъ взоры и сердца встрѣчались,

Взаимно чувствами мѣнялись;
Любви взаимной ярокъ свѣтъ.
Что̀ выше чести, долга?
И къ славѣ въ нихъ дорога.

Среди всѣхъ, въ пышности княжна
На рыцарей взоръ устремляла,
И прелестьми всѣхъ оживляла,
Владычицей была одна.
Ея и сердца доброта,
Души и тѣла красота
Не безоружили враговъ:
Врагъ погубить княжну готовъ.
Бой завтра! Что жъ? лишиться можетъ,
Въ комъ счастіе ея живетъ;
Умретъ или враговъ низложитъ:
Таковъ княжнѣ вождя обѣтъ.
Лишь долгъ и честь въ сердцахъ,
А жизнь въ чіихъ рукахъ?

Вотъ громъ литавровъ, трубъ раздался;
Провозглашалъ всѣмъ тосты шутъ;
Съ мечемъ въ рукѣ здѣсь каждый клялся:
Они отечество спасутъ.
При каждомъ тостѣ восклицали,
Красавицы рукоплескали;—
И всѣ руку княжнѣ лобзали,
Шарфъ на колѣняхъ получали:

Столы исчезли—все молчитъ;
Межъ рыцарей идетъ княжна,
Своимъ дворомъ окружена;
И рыцарямъ такъ говоритъ —

Внемлите благородству,
Величію и чувству!

«На васъ мои взираютъ предки,
«Трофеи ихъ вамъ говорятъ:
«Насъ взяли предки ваши съ боя;
«Побѣда славой всѣхъ вѣнчала».
Княжна съ своими на террасѣ;
За Неккаромъ—тамъ вражій станъ,
Враги стеклись съ сосѣднихъ странъ,
Казались страшными лишь въ массѣ.
Княжна къ своимъ такъ говоритъ:
«Вотъ непріятели тамъ наши,
«Вашъ долгъ и честь—ихъ побѣдить,
«Отечество и мы наградой».

Что̀ раны, боль и смерть,
Гдѣ польза, слава, честь!

Бойцевъ съ копьями и мечами,
Смерть сталкивала межъ собой;
И кровь изъ ранъ лилась струями,
Вѣдь тутъ—все рукопашный бой.

Княжна съ терассы видитъ бой.
Уже враги стремглавъ бѣгутъ;
Къ княжнѣ трофеи ихъ несутъ;
Самъ вождь израненный предъ ней.
Лавръ первый на главѣ его;
Глаза вновь жизнью заблистали,
Княжнѣ милѣе онъ всего,
Сердца ихъ жизни лишь желали.

Побѣда и любовь
Жизнь воскриляютъ вновь:

И много роздано вѣнковъ,
И многіе изъ нихъ остались,
Да—жребій смертныхъ всѣхъ таковъ,
Что скорбь и радость здѣсь смѣшались.
И снова пиръ и снова шумъ,
Вино изъ дивной бочки пьютъ,
Съ красавицами и княжна,
Что жъ!— съ сердцемъ борется она?
И все прошло — смерть всѣхъ скосила,
Въ руины зàмокъ превратила,
Осталась бочка — съ нею шутъ,
Лишь странниковъ къ себѣ зовутъ.

Я странникъ — сладко мнѣ
Внимать здѣсь старинѣ.

ИВАНГОРОДСКАЯ ТВЕРДЫНЯ.

Древняя, превосходно сохранившаяся и нынѣ хорошо поддерживаемая огромная каменная крѣпость, въ видѣ рыцарскаго зàмка, находится на правомъ берегу Наровы, насупротивъ Нарвы, возлѣ самой рѣки.

—

Гдѣ есть любовь къ Отечеству, Монарху,
Тамъ слабодушью мѣста нѣтъ, и страху;
Гдѣ славы блескъ и гдѣ гласъ долга, чести,
Тамъ меркнетъ ужасъ, тихнутъ вопли смерти.

МОСКВИТЯНКА.

И послѣ ужасовъ смертельныхъ дня,
Чтò молнія, чтò громъ, чтò буря въ полночь!
Но, слава Богу! милые мои спокойно спятъ:
Здѣсь раненый мой мужъ,
А здѣсь больной сынокъ;
Я рада, что другое ихъ страданье — голодъ
Кускомъ послѣднимъ утолила.
Хотѣла бъ все на нихъ смотрѣть.
Предъ образомъ лампада чуть мерцаетъ!
Все жъ буду я, сидя при нихъ, молиться,
Богъ укрѣпилъ и насъ на новый подвигъ:
Служить Царю и ближнимъ,
Въ бою полезной быть хоть тѣмъ,
Чтобъ раненыхъ переносить.
Ухаживать за ними, жажду утолять.

Днемъ рада я была все сдѣлать,
Хотя малютка голоденъ и боленъ,
А бомбы сыпались какъ градъ.
Богъ милостивъ надъ всѣми нами.
Но все на мужа часто я глядѣла,
Какъ Шведовъ на стѣнахъ разилъ;
Но вижу, рухнулся вдругъ со стѣны.
Какъ сердце сильно у меня забилось!
Несу его я на себѣ: онъ сильно раненъ.
Вдругъ слышимъ крикъ: ура! побѣда!
Отъ приступа отбили Шведовъ!
Вотъ милые мои со мной!
Я помолилась и поцѣловала ихъ.
Какъ мнѣ на сердцѣ было — тò мнѣ извѣстно:
Все сдѣлала для блага ихъ.
Вотъ утро, но глазъ я не могу сомкнуть.
Все тихо. Ахъ, взрывъ! земля и крѣпость потряслись,
И пушки загремѣли, и ружья затрещали!
Проснулись милые — чтò жъ дѣлать мнѣ?
Вотъ бомба лопнула — бѣгу на помощь!
Богъ васъ да сохранитъ, родные!
День роковой!
Едва Аврору Фебъ послалъ
Устроить торжество побѣды,
Самъ чуть твердыню осѣнялъ;

Спѣшили къ ней на приступъ Шведы.
Предъ ними былъ проломъ въ стѣнахъ,
А сзади пушки ихъ стрѣляли;
Чтобъ разбудить въ твердынѣ страхъ,
Гранаты, бомбы посылали.
Отъ нихъ-то можетъ вспыхнуть страхъ,
Отъ нихъ трескъ, пламя, дымъ, осколки,
Иль мигомъ смерть, иль раны въ прахъ;
Вокругъ же дребезги, обломки!
Враговъ въ твердынѣ страхъ не ждетъ.
Здѣсь есть любовь къ Царю, Отчизнѣ,
Она въ сердца отвагу льетъ
Тамъ, гдѣ опасность, какъ въ пучинѣ.
Горсть нашихъ храбрыхъ ждала сѣчь,
Бросая въ вѣроломныхъ Шведовъ,
И ядра, пули и картечь,
Въ награду страшныхъ ихъ набѣговъ,
Въ проломѣ рукопашный бой:
Порывы храбрости и силы,
Здѣсь каждый жертвуетъ собой;
Здѣсь каждый на краю могилы;
Ударъ здѣсь каждый нанесетъ
Иль смерть, иль раны, иль страданье,
Кровь брыжжетъ, иль ручьемъ течетъ;
Тутъ крики, вопли и стенанье;
Впивались прямо въ грудь штыки,

И сабли, топоры сверкали,
Рубили лѣзущихъ въ куски,
И головы врагамъ ломали.
Въ проломѣ груды мертвыхъ тѣлъ,
Полѣзли и на стѣны Шведы,
Уже на нашихъ Шведъ насѣлъ,
Но кончились и нашихъ бѣды.
Вотъ вдругъ нечаянный ударъ
Отбросилъ Шведовъ отъ твердыни;
Свершилъ все мужества разгаръ
Съ отвагой Русской Героини.

ВЕЧЕРЪ И УТРО ВЪ БАВЕНО.

Бавено, Піемонтское селеніе, близъ горы, называемой Кругловатою, съ вершины которой обширнѣйшій видъ на окружныя Альпы; на берегу Піемонтскаго Озера Великаго (Lago maggiore), въ виду трехъ Баромейскихъ островковъ: Isola Bella, Isola Madre, Isola Piscatore.

(22 Мая 1845 г.—Очеркъ съ натуры).

О, прелестное Бавено!
Видъ меня твой восхищалъ,
Ты осталось незабвенно,
Счастье я въ тебѣ вкушалъ.
У пяты горы высокой
Ты роскошно разлеглось,
Возлѣ глади водъ широкой
Виноградомъ обвилось.
Озеро тутъ съ островками:
Гдѣ чертоги и сады,
Берега же съ городками,
А лѣсочки вдоль воды.
Альпы небо подпираютъ
Сѣдовласою главой;
Всѣ вершины горъ сіяютъ,
А сводъ неба голубой.
Солнца какъ закатъ прекрасенъ
Посреди огромныхъ горъ;
Тѣсный небосклонъ все ясенъ,
Солнца жъ не встрѣчаетъ взоръ.

Здѣсь ужъ солнце закатилось,
Рано сумерекъ пора.
На горѣ ужъ распростилось
Съ нами солнце до утра.
На крутомъ утеса скатѣ
Солнца ликъ прекрасенъ былъ,
Въ преждевременномъ закатѣ
Свѣтомъ даль еще живилъ.
Вотъ надъ озеромъ разлился
Томный, нѣжный полусвѣтъ,
Вечеръ тихій низпустился:
Въ чарахъ каждый здѣсь предметъ.
Посмотрите: тамъ отъ снѣгу
Алый отблескъ на горахъ;
Все струитъ мнѣ въ душу нѣгу;
Я парю въ своихъ мечтахъ,
Въ памяти все оживляю:
Вечеръ, утро живы въ ней, —
Все прекрасно, но не знаю,
Утро ль, вечеръ ли милѣй?

Лучезарнѣе блистало
Солнце въ первый утра мигъ,
Какъ всплывая, озаряло
Верхъ утесовъ снѣговыхъ.
Какъ комета, показалось
Прежде свѣтлое чело,

А потомъ все выдвигалось
Свѣтозарное лицо.
Но въ минутномъ наслажденьи
Блескъ глаза мнѣ ослѣплялъ;
Въ радужномъ воображеньи
Я картину дополнялъ.

Вотъ порхнули вы съ долины —
И мы очутились вдругъ
Средь подоблачной вершины;
Что̀ же видимъ мы вокругъ?
Горизонтъ необозримый,
Солнце гдѣ давно взошло.
Міръ чудесъ неизъяснимый!
Море въ скалы перешло,
Ихъ вершины будто волны;
Въ уровень всѣ гряды горъ,
Льдовъ, утесовъ, снѣгу полны,
На обширнѣйшій просторъ,
Дымкой утренней покрытый;
Сверху въ купахъ бѣлизна,
Низъ же долами изрытый,
По утесамъ крутизна.
Горы здѣсь идутъ обрывомъ,
Дикій камень обнаженъ,
Тамъ съ зеленымъ скатъ отливомъ

И цвѣтами испещренъ.
Съ быстротой потоки льются,
Какъ кристаллъ, чиста вода,
А внизу стада пасутся:
Пажить здѣсь для нихъ всегда.

Я любуюся природой
У пастушья шалаша,
И съ орлиною свободой
Разлетаются глаза;
Въ тишинѣ здѣсь слухъ плѣняли
И напѣвы пастуховъ,
Звуки рога и свирѣли,
Колокольчики коровъ.
Лакомое угощенье
Масломъ, сыромъ, молокомъ,
Довершило наслажденье
Надъ пастушьимъ очагомъ.
Человѣкъ здѣсь жизнь проводитъ
Въ трудолюбьи, простотѣ,
Мать-природу здѣсь находитъ
Въ ея дикой красотѣ.
Что̀ же на пути къ блаженству
Долженъ онъ себѣ искать?
Въ сердцѣ средства къ совершенству,
Душу Вѣрой услаждать.

ПЬЕМОНТСКІЕ СВѢТЛЯЧКИ.

Маленькія мушки съ жесткими темными крылышками. Онѣ, летая по вечерамъ, блестятъ фосфорическимъ свѣтомъ. Прогулка близъ Бавено на берегу Великаго озера, 21-го Мая 1845 г.

—

На гору взошла луна,
Смотритъ, окрестъ улыбаясь.
Ахъ! какъ хороша она,
Въ зелень лѣса упираясь!
Горы, озеро, сады
Чуть-чуть свѣтомъ серебрятся;
Въ чистомъ зеркалѣ воды
Островки въ красѣ глядятся.

Въ сѣни виноградныхъ лозъ
И въ объятьяхъ юной ночи,
Посреди душистыхъ розъ,
Я свои лелѣю очи.
Но пора къ своимъ друзьямъ,
Чтобы съ ними распрощаться, —
Къ Піемонсткимъ свѣтлячкамъ,
Ими вновь налюбоваться.

Вы, какъ прежде шалуны,
Все порхаете, рѣзвитесь,
Въ честь красавицы-весны
Легкимъ роемъ веселитесь.

Вѣрно, здѣсь, среди цвѣтовъ,
Вьются ваши хороводы,
Въ сумракъ теплыхъ вечеровъ,
Въ лонѣ матери-природы.

На узористомъ лугу,
Средь кустарниковъ цвѣтущихъ,
На каскадномъ берегу,
Близко соловьевъ поющихъ,
Средь мечтаній и средь думъ,
Дýхъ восторгу предавался,
Но мой любопытный умъ
Тайны разгадать пытался.

Чтò такое свѣтъ отъ васъ?
Вамъ къ чему сей блескъ прелестный,
Въ сладостный вечерній часъ,
Столь въ Италіи чудесный?
Свѣтъ ихъ молніей для глазъ,
Самыхъ мушекъ и не видно;
Мушка каждая — алмазъ,
Но таинственна и скрытна.

Видно, вы сотворены
На веселье и на родость:
Можетъ быть, вамъ врождены
Средства ощущать и сладость?
Знать, у васъ и чувства есть,

И тѣ чувства пылки, нѣжны,
Есть угодливость и лесть,
Даже страсти неизбѣжны.

Здѣсь для пламенной любви
Все весной благопріятно:
Жизнь, огонь у всѣхъ въ крови,
Солнце свѣтитъ благодатно.
Какъ оно прекрасно здѣсь!
Какъ живитъ и согрѣваетъ!
Здѣшній край имъ счастливъ весь,
Въ немъ природа процвѣтаетъ.

И откуда въ солнцѣ свѣтъ,
Для планетъ необходимый.
Тамъ свѣтлякъ свой блескъ беретъ
Для его чувствъ совмѣстимый?
Сколько жъ мушекъ на землѣ,
Тварей мелкихъ, разновидныхъ,
И во свѣтѣ и во мглѣ,
Для потребъ непостижимыхъ!

ЖАВОРОНОКЪ НА ИМАТРѢ.

Водопадъ Иматра, въ Финляндіи, въ разстояніи отъ Выборга къ сѣверу на 58 верстъ, мѣстится въ разсѣлинѣ гранитныхъ скалъ, длиною около 600 шаговъ и шириною сажени въ 4, наклоненной отъ СВ къ ЮЗ такимъ образомъ, что уровень верховья рѣки гораздо выше уровня рѣки въ истокѣ. Сжатая въ этомъ ложѣ, рѣка Иматра стремится по порогамъ и представила 23 Іюня 1852 года, послѣ зари во всю ночь, восхитительное, очаровательное зрѣлище, въ 2 часа утра, при восходѣ солнца, которое наблюдателю, стоявшему внизу водопада и смотрѣвшему на него вверхъ къ востоку, освѣщало продольными лучами всю волнующуюся поверхность водопада; чудное это зрѣлище продолжалось около двухъ часовъ, пока солнце не поднялось выше и не повернуло вправо къ востоку.

—

Подлѣ хора птицъ пѣвучихъ,
Подлѣ гула водъ гремучихъ,
Подлѣ Иматры сердитой,
Въ ложѣ каменномъ укрытой,
Будто полосы морской,
Съ бурной, вспѣненной водой,
Въ видѣ длиннаго потока
И наклоннаго съ востока,—
Онъ, прорвавшись между скалъ,
Мчится по скаламъ въ провалъ,
Страшно волны кипятитъ,

По порогамъ ихъ клубитъ,
Объ утесы ударяетъ
И валами вверхъ швыряетъ
Въ видѣ пыльныхъ водометовъ,
Бѣлоснѣжныхъ водопадовъ, —

На полянѣ луговой,
Вижу вотъ любимецъ мой,
Жаворонокъ съ звонкой пѣснью,
Прямо мчится къ поднебесью,
И его несетъ зефиръ
Въ нѣжный, утренній эѳиръ;
Солнцу онъ поетъ привѣтъ:
Солнце лучезарный свѣтъ
Разлило по всей природѣ,
Блещетъ на небесномъ сводѣ,
Гдѣ заря недавно скрылась,
Въ бдѣньи ночью утомилась.

Чтобы солнце замѣнить
И топазами свѣтить,
По закатѣ небосклонъ
Для зари поставилъ тронъ,
Тихо подвигалъ къ востоку,
Чтобы солнце встрѣтить съ сроку.

Присмотритесь же къ денницѣ,
Въ золотистой багряницѣ

И съ вѣночкомъ изумруднымъ,
Съ радужнымъ сіяньемъ чуднымъ,
Подъ сафирнымъ балдахиномъ,
На небесной тверди видномъ,
Томный свѣтъ разлитъ по немъ,
Въ полночь свѣтло чуть не днемъ,
Будто утренній разсвѣтъ.
Это ночь, но звѣздокъ нѣтъ.
Все, что̀ видимъ, будто дремлетъ,
Либо сладкій сонъ объемлетъ.
Кратко нѣжитъ сонъ природу,
Близокъ такъ закатъ къ восходу,
Жаворонокъ чуть заснетъ,
Скоро снова пѣть встаетъ;
Слышимъ, какъ кратка весна,
Въ жизни дорога она,
Счастіе — намъ краше ею,
И весна — длиннѣй зарею,
Чтобъ природѣ средство дать
Больше жить, произрастать.
Но мнѣ къ Иматрѣ пора,
Ждетъ въ ней чудная игра.

Солнце встало на востокѣ,
Свѣтомъ уперлось въ потокѣ,
Вдоль его лучи бросаетъ,
Въ волнахъ, въ брызахъ преломляетъ.

Воды въ блескѣ и сіяньи,
Всѣ въ жемчужномъ одѣяньи,
Отъ волненья, чудно пышномъ,
Безконечно разновидномъ;
Брызги искрятся снопами
И сребристыми гребнями
Вверхъ алмазами летятъ,
Надъ всѣмъ радуги стоятъ.
Водопада весь просторъ,
Снизу вдругъ объемлетъ взоръ,
Межъ гранитныхъ темныхъ стѣнъ
Край ихъ лѣсомъ окаймленъ.

ЦЕРКОВЬ СВ. ПЕТРА ВЪ РИМѢ.

Воспоминаніе лунной ночи, 6-го Сентября 1843 года, въ 10 часовъ пополудни, въ день въѣзда нашего въ Римъ, во время котораго путешественники внезапно очутились съ путеводителемъ своимъ на площади Св. Петра.

(Очеркъ съ натуры.)

— Увижу Римъ и храмъ Апостола Петра;
Увижу куполъ въ немъ, и тѣнь Микель-Анжело!—
Среди мечтаній, я взглянулъ на сводъ небесный:
Луна едва взошла, и звѣзды чуть мерцали.
Вотъ куполъ всей земли! Его устроилъ Богъ;
На немъ утверждены несчетные міры.
«Вотъ Римъ!» — слова сіи пресѣкли созерцанье.
Вдругъ, неожиданно, меня поставилъ случай
Предъ церковью Петра, передъ громаднымъ храмомъ.
Его лице луна мнѣ съ юга освѣщала;
Подъ куполомъ небесъ былъ куполъ дивный храма.
Изъ-за него горой простерлась въ небѣ туча *,
Какъ будто мѣриться она хотѣла съ храмомъ,
И оттѣняла блескъ креста на высотѣ:
Огромный шаръ подъ нимъ, какъ шаръ земной на тверди,

* Такъ было дѣйствительно.

Казалось, шаръ и крестъ парили въ небесахъ.
Съ чела святыни сей благословляетъ
Спаситель міра средь Своихъ Учениковъ.
А съ пышной паперти, на мраморныхъ ступеняхъ,
Привѣтствуютъ гигантскія колонны;
А глубже — славныя врата, въ числѣ пяти*;
Съ боковъ — два всадника, великіе Монархи:
Здѣсь Императоръ Карлъ, тамъ Константинъ Святой.
Что̀ значитъ этотъ строй столбовъ въ двухъ полукругахъ?
Въ объятіяхъ столбовъ пространнѣйшая площадь,
Гдѣ тысячи людей колѣна преклоняютъ.
Стоитъ средь площади и обелискъ Египта,
Тысячелѣтія прожившій на землѣ!
На немъ сіяетъ кресть поверхъ іероглифовъ:
Какія истины они гласятъ вселенной!
Съ боковъ его струи двухъ водометовъ пышныхъ:
Какъ влага, искрится въ сребристомъ лунномъ свѣтѣ!
Чрезъ край чашъ прыгаетъ, каскадами стремится!
Какъ въ тишинѣ ночной таинственъ говоръ токовъ!
Къ себѣ и Батиканъ манитъ за колоннадой;
Въ немъ всѣхъ временъ и странъ плоды искусствъ изящныхъ.

---

* Въ храмѣ Св. Петра пятеро воротъ съ фасада.

Вотъ вся картина вамъ съ единой точки зрѣнья,
Подъзвѣзднымъкуполомъ,прилунномъосвѣщеньи!
Исторія вѣковъ картину осѣняетъ,
И озарила мнѣ она воображенье.
Видна надъ куполомъ и тѣнь Микель-Анжело.
Парю я мысленно съ вопросами къ нему:
«Откуда истекли идея и возможность,
Чтобъмысль осуществить:воздвигнутькуполъсей,
Столь славный красотой, громадностью своей,
И прочно утвердить на дивной высотѣ?»
На небо и главу, въ отвѣтъ, онъ указалъ:
«Ты видишь неба сводъ; сводъ черепа ты знаешь;
Вотъ образцы мои на крайнихъ двухъ размѣрахъ
Подъ ними зиждутся великія дѣла!
Что̀ если бъ всѣ могли идеи существиться,
Перебывавшія подъ черепомъ моимъ?
Достало бы идей моихъ для всей земли.
Строеньемъ свода въ немъ всегда я изумлялся.
Но такъ и быть должно: въ немъ чудный храмъ ума!
И здѣсь алтарь души, и таинства ея,
Идеи, мысли здѣсь родятся безъ конца.
Подъ куполомъ моимъ алтарь Творцу во храмѣ,
Гдѣ всемогущество Его да славословятъ.
Подъ куполомъ небесъ алтарь Ему—земля,
Гдѣ всемогущество Его повсюду видно.

Смотри со мной на Римъ, и нынѣшній, и древній!
Познай, какъ человѣкъ могущъ во всѣхъ искусствахъ.
Всмотрись, во храмѣ семъ, глазами знатока,
Въ строеніе его, во всѣ предметы въ немъ:
Вездѣ ты видишь здѣсь величіе, изящность;
Приводитъ все тебя въ восторгъ и умиленье.
Ахъ, сколько здѣсь идей осущевлялись съблескомъ
Въ ваяньи, зодчествѣ, въ дѣлахъ живописанья!
И въ нихъ читаемъ мы мужей великихъ мысли.
Мысль оживляетъ все — и мраморъ и металлъ,
Чѣмъ болѣе предметъ изображаетъ мысли,
Тѣмъ впечатлѣнія пріятнѣй и сильнѣй».
Какая книга — храмъ Апостола Петра!...

БОППАРТЪ.

Городокъ на лѣвомъ берегу Рейна, полуокруженный горами. Надъ ними высится Маріенбергъ, прежде бывшій католическій женскій монастырь, въ новѣйшія времена упраздненный. Въ огромномъ этомъ зданіи теперь помѣщается гидропатическое заведеніе. Изъ оконъ его видна, на сосѣдней высокой горѣ, каменная часовня, гдѣ былъ нѣкогда рыцарскій замокъ. Воспоминаніе пребыванія моего, въ 1839 году, въ Сентябрѣ, и посѣщенія старинной часовни въ зданіи Маріенберга, гдѣ и понынѣ находятся памятники погребенныхъ здѣсь инокинь.

—

ДВѢ СЕСТРЫ.

Сестра и я, мы близнецы;
Кормили насъ однѣ сосцы.
Какъ два цвѣтка мы расцвѣтали,
Въ весельи, нѣгѣ утопали:
Всѣ видѣли въ насъ красоту,
И умъ, и сердца доброту.
И въ зàмкѣ молодежь толпилась,
Лишь угождать намъ суетилась.
Прелестны были мы; нашъ взглядъ
Счастливилъ, выше всѣхъ наградъ,
И рыцарей на всѣхъ турнирахъ,
Вассаловъ на семейныхъ играхъ.
Весь Боппартъ къ нашимъ палъ ногамъ

Природа вся служила намъ:
Она, какъ въ сихъ горахъ, прелестна!
На пышномъ Рейнѣ жизнь чудесна.
И насъ любилъ отецъ равно;
Мать въ небесахъ уже давно.
И въ дни свои благополучны
Всегда мы были неразлучны;
И намъ казался раемъ свѣтъ, —
До осьмнадцати лишь лѣтъ.

Другъ друга страстно мы любили:
Душа одна была у насъ;
Одно въ томъ счастье находили—
Не разставаться ни на часъ.
Сердца свои мы услаждали
Любовью къ Богу и отцу;
Блаженство въ ней все полагали;
Но счастье близилось къ концу.
Сестры характеръ пылкій, видный:
Она игрива, весела,
А мой харктеръ тихій, скрытный,
И я застѣнчива была.
Но вотъ мы обѣ измѣнились:
Сестра уныла и скучна;
Во мнѣ мечтанія явились,
Ихъ знала только я одна.

Мы графа братомъ называли,
И другомъ искреннимъ считали.
Онъ, правда, дальній нашъ родной,
И счастьемъ ущедренъ судьбой.
На брата, юношу, красавца,
На общаго у насъ любимца,
При всѣхъ чуть взглядывать могла,
Но втайнѣ только имъ жила.
Я стала вся — воображенье....
Блаженство было все въ мечтахъ;
Но сердце будетъ ли спокойнымъ
Средь искушенія, довольнымъ
Воображеніемъ однимъ,
Когда дѣйствительность предъ нимъ?
Но и сестра имъ пламенѣетъ
И также страсть свою лелѣетъ,
Любовь предъ братомъ не таитъ,
Со мной о немъ лишь говоритъ.
Мы обѣ мучились всечасно;
Но ожиданіе напрасно:
Онъ любитъ ли изъ насъ кого?
Не знаемъ счастья своего.
Я Провидѣніе молила,
Отраду, твердость находила.
Въ отчаяньи была сестра....
Ахъ! блекла милая сестрица

Отъ скрытности ея любимца.
Но измѣнился самъ и онъ;
Не отъ того ли, что влюбленъ?

Такъ, я любима братомъ страстно;
Навѣрно знаю я о томъ;
Страдаетъ милый мой ужасно
Въ мечтахъ о сердцѣ лишь моемъ.
Отвѣтъ мой былъ неизмѣнимымъ,
Я слушала и плачъ и стонъ;
Чтобъ мной взаимно быть любимымъ,
Чего ни дѣлалъ съ горя онъ!
Но сердцу стоило открыться:
Вѣдь счастіе во мнѣ самой;
Но чтобъ его мнѣ не лишиться,
Молчать разсудокъ долженъ мой.
Когда бъ я покорилась страсти....
Что́ было бы тогда со мной?.....
Но я въ монастырѣ молилась
Надъ гробомъ матери своей,
Подругѣ здѣсь во всемъ открылась,
Ждала совѣта я отъ ней.
Но, ахъ, какое впечатлѣнье
Тотъ произвелъ во мнѣ совѣтъ!
Мое, сестры, лишь въ томъ спасенье,
Чтобъ мнѣ навѣкъ оставить свѣтъ! —

Твердъ волей, графъ, какъ мужчина,
Онъ можетъ страсти одолѣть;
Не сокрушитъ его кручина,
Разсудкомъ силенъ онъ владѣть.
Любовь моя — навѣки тайна;
Извѣстна брата страсть лишь мнѣ;
Сестры любовь пылка и явна.
У всѣхъ насъ лишь мечты однѣ. —
И такъ, на мнѣ все вдругъ свершилось....
Отрѣчься отъ любви я поклялась!
Душею къ Небу вознеслась.

Но сердце все жъ во мнѣ осталось,
Вскипѣло, вспыхнуло оно.
Мнѣ сколькихъ стоило усилій
Отнять у брата всю надежду.
Ахъ, какъ мнѣ часто измѣняли
И воля, и языкъ, и взоры!
Меня онъ, вѣрно, понималъ.
Сестру могла я успокоить,
Любовь, надежду оживить.
Въ душѣ моей отрадно было,
И ободрялъ разсудокъ все;
Но сердце страшно вопіяло
За тайное страданіе свое!
Сгибаемой тугой пружинѣ

За безнадежность сердце мститъ:
И живостью воспоминаній
Былыя чувства мнѣ струитъ,
И сколько мыслей и желаній!
Невольно предаюсь мечтамъ,
Смотря съ окна на замокъ отчій,
И мыслями живу я тамъ,
И милыхъ сердцу видятъ очи!
Лишь явится ко мнѣ сестра,
Мое вскипитъ воображенье;
Тогда вечерняя пора
Меня приводитъ въ искушенье.
И какъ не вѣрить мнѣ словамъ
Возлюбленной моей подруги:
Во снѣ хожу я по ночамъ;
О, мнѣ какіе толки, слухи!
Ахъ, искусители мечты!
Во снѣ покоя не даете;
Сонъ—отдыхъ намъ отъ суеты;
И что жъ! вы пламень въ жилы льете.
Но я молюсь, на жесткомъ сплю,
Блуждаю въ склепѣ межъ гробами,
И отъ дневныхъ работъ терплю;
Грѣхи смываю я слезами.
Отъ сердца же не отлегло
И въ изнуреніи занятій.

Оно уже изнемогло
Отъ треволненій и препятствій!
Хоть духомъ я бодра, крѣпка,
Но тѣломъ ужъ ослабѣваю.
И вотъ дрожитъ моя рука,
Съ трудомъ писать я начинаю.
Вся голова моя въ огнѣ;
Тускнѣютъ взоры, мысль мутится.
Вотъ леденѣетъ кровь во мнѣ,
Изъ сердца жизнь чуть-чуть струится!

Ахъ, я могу уже писать,
Я жизнью новою живу;
Какъ изъяснить ея пріятность!
Вокругъ меня все занимаетъ;
Смотрю я съ тихимъ наслажденьемъ:
На Боппартъ, Рейнъ, лѣса и горы,
И все привѣтствуетъ меня,
Все дышетъ радостью со мной:
На за̀мокъ нашъ смотрю спокойно,
Я думаю, что̀ тамъ теперь?
Съ какимъ я въ сердцѣ наслажденьемъ
Былое все припоминаю;
Хочу прижать и милыхъ къ сердцу.
Вотъ на груди моей сестра!
О, какъ она меня цѣлуетъ,

Оно подобилось во всемъ:
Тѣмъ было нужно болѣй силы,
Чѣмъ больше чувства покорялись:
Я всѣ мученья испытала,
Невыносима сердца боль!
Но все, я все преодолѣла. —
Отецъ уже благословилъ
Сестру въ замужество за графа,
Меня—въ Маріенбергѣ жить!
Душа моя благоговѣла;
Разсудокъ мой торжествовалъ;
А сердце бѣдное—молчало!

И вотъ сестра обручена,
И женихомъ восхищена!
И я веселой всѣмъ казалась,
Но втайнѣ сердцемъ я терзалась,
И силъ во мнѣ недостаетъ!
Покоя сердце не даетъ!
Но вотъ ударилъ страшный часъ:
Навѣки расторгаютъ насъ!
Въ минуту роковой разлуки
Какія я терпѣла муки:
Какъ брата за руку взяла,
И въ храмъ сестру съ нимъ повела!
Все совершилось наконецъ.

Вотъ на сестрѣ моей вѣнецъ!
Я искренно ихъ поздравляла,
Обоихъ нѣжно цѣловала....
Была ль спокойна я потомъ,
Успѣвъ въ усиліи своемъ,
Ихъ видя во взаимномъ счастьи,
И внемля голосу ихъ страсти?
Рвалась я прочь отъ нихъ скорѣй;
Казалось — адъ въ душѣ моей!
Мольбы отца не отклоняли,
Лишь раны сердца растравляли;
И вотъ я вырвалась изъ рукъ,
Гдѣ претерпѣла столько мукъ!

Ужъ полночь — въ кельѣ я одна.
Лучи въ окно мнѣ проливаетъ
Унылая, какъ я, луна,
Во мнѣ мечтанья пробуждаетъ.
Но вотъ Распятье предо мной:
Мольбы спасутъ отъ искушенья
И водворятъ во мнѣ покой,
Мнѣ столько нужный для спасенья.
Но я вольна ли, чтобъ во снѣ
Мечты не олицетворялись,
Чтобъ впечатлѣнія во мнѣ
Такъ глубоко не оставались?

Слезами руки мнѣ кропитъ,
И какъ меня благодаритъ!
Уже ль она мою узнала тайну?
Такъ, — я въ горячкѣ все раскрыла:
Изъ грезъ моихъ сестра узнала,
Съ кѣмъ именно, въ странѣ видѣній,
Я полной жизнію жила.
Не отъ того ль теперь еще
Воображеніе такъ пылко,
Что мнѣ мечты живописуетъ?
Теперь, средь темноты ночной,
Когда я въ мысли погружаюсь,
Мерцаютъ тѣни милыхъ мнѣ,
По волѣ ихъ осуществляю,
Бесѣдую, по волѣ, съ ними.
И какъ я счастлива, довольна!
Ахъ, скоро сердцемъ я прильну
Ко гробу матери своей!
Я буду созерцатъ ее,
Внимать сердечнымъ наставленьямъ;
Какъ Бога всей душей любить,
Единому служить всю жизнь,
И въ добродѣтеляхъ, трудахъ
Все наслажденье находить,
Съ Надеждой, Вѣрою предстать
Предъ страшнымъ Божіимъ судомъ.

Течетъ вся жизнь моя спокойно,
И сердце всѣмъ мое довольно;
Душа къ Творцу воскрилена,
Любить Его — лишь мысль одна.
Отъ этой выспренней любви,
Любовь ко всѣмъ проистекаетъ;
И чувства, мысли всѣ мои
Она одна воспламеняетъ.
Ее что̀ можетъ измѣнить?
Ее съ чѣмъ можно ли сравнить?
Любовь такая благодатна,
И безмятежна и отрадна.
О, Боже! твердость мнѣ внуши;
О свѣтѣ вовсе не жалѣю;
Любовь и сердца и души
Теперь вполнѣ цѣнить умѣю.
Любовь души есть благодать;
Сердечная любовь есть страсть;
Страсть ненасытима въ желаньяхъ,
Все болѣе живетъ въ страданьяхъ.
И что̀ жъ? сестра еще теперь
Отъ пылкой страсти все страдаетъ;
Но ей отверзта къ счастью дверь,
Что̀ жъ ей блаженствовать мѣшаетъ?
Все счастіе въ душѣ моей,
И сердце веселится съ ней;

Душа любовь ко всѣмъ питаетъ,
Тѣмъ сердце вѣчно услаждаетъ.
  Земное счастье всѣмъ доступно,
Всѣ средства имъ даетъ сей свѣтъ;
Но наслажденіе минутно,
И всѣмъ желаньямъ мѣры нѣтъ.
  А здѣсь цѣль наша вся — Творецъ,
Желаніямъ, мечтамъ конецъ.
Въ мольбахъ минутный вѣкъ проводимъ,
Съ Надеждой, Вѣрой въ гробъ низходимъ.
  Вотъ протекли ужъ многи годы,
Всѣхъ милыхъ сердцу погребла:
Своихъ родныхъ, подругъ—народы
Съ Творцемъ въ душѣ пережила.

ВЫШЕГРАДЪ.

Развалины древнихъ, нѣкогда великолѣпныхъ и богатѣйшихъ палатъ, ознаменованныхъ историческими событіями, на высокой, уединенной горѣ, близъ Дуная, находящейся на правомъ его берегу, между городами Граномъ и Офеномъ; съ вершины горы прелестные обширные виды на окрестныя горы, холмы, долины, селенія и на широкій Дунай.

(Воспоминаніе 16 Іюня 1850 г.).

—

Ты видишь—я неустрашимъ въ бояхъ.
Кто въ мірѣ могъ внушить мнѣ страхъ?
А трусость—смѣла ли быть въ нашемъ родѣ!
Она несоотвѣтственна твоей природѣ.
И ты лихой наѣздницей слывешь,
Средь ужасовъ войны со мной живешь,
Бойка и на охотѣ, на турнирахъ,
Дерешься копьями и на рапирахъ.
И что̀ жъ, не можешь въ залу ты войти?
Уже ли думаешь тамъ смерть найти?
Нигдѣ бояться смерти намъ не должно:
Намъ отъ судьбы нигдѣ уйти не можно.—
Еще не зрѣли предки всѣ тебя;
Въ день свадьбы, въ блескѣ, покажи себя;
Дай имъ, хоть разъ, собой налюбоваться;

И что̀ тебѣ портретовъ ихъ пугаться?
Пойду съ тобой — самъ отворю я дверь!
Будь такъ! — не слушайся меня теперь;
Но вотъ женихъ: тебя онъ любитъ страстно;
Ужели сердце надъ тобой не властно!

Преодолѣвъ предчувствіе и страхъ,
Марія ужъ была одна въ дверяхъ;
На всѣхъ, на мать, въ слезахъ, взглянула
И вдругъ въ фамильной залѣ дверь замкнула:
Въ ней отпѣвали предковъ — графовъ всѣхъ;
Они въ ней пировали средь утѣхъ.
Вотъ вскорѣ въ залѣ трескъ глухой раздался,
Къ чему отецъ стремглавъ туда ворвался?
Несчастный, что̀ увидѣлъ предъ собой?
Марія вѣчный обрѣла покой!
Лишь сѣла, какъ огромная картина пала,
Подъ ней несчастная безъ чувствъ лежала.
То дѣда былъ, въ огромный ростъ, портретъ.
Высокимъ доблестямъ его дивился свѣтъ;
И что̀ жъ? средь блеска, пышности и славы...
Могло ль когда прійти на мысль ему,
Что онъ конецъ положитъ роду своему!

Судьбы Маріи такъ судили:
Въ объятіяхъ ее Дуная помѣстили,

И дѣвою Дуная здѣсь слыветъ;
Она въ Вышградѣ часто такъ поетъ:

«Я въ объятіяхъ Дуная,
Сколько ужъ вѣковъ живу!
Жизнь въ водахъ намъ не земная;
Счатіемъ инымъ дышу!

«Наши пляски и купанья,
Всякій день и на зарѣ,
Поцѣлуи, обниманья—
Каждой дѣвѣ, какъ сестрѣ.

«Дѣвы—тѣни—на свободѣ;
Можемъ всюду мы летать;
И мы, по своей природѣ,
Можемъ образъ измѣнять.

«Мы, какъ тѣни, недоступны,
Легки, быстры, какъ Зефиръ,
И какъ мысли, такъ повсюдны,
Въ существѣ же мы эѳиръ.

«Кто заслужитъ, тотъ насъ видитъ,
На яву, во снѣ, въ мечтахъ;
Даже рѣчи наши слышитъ;
Въ ихъ тогда живемъ сердцахъ.

«Властны надъ воображеньемъ,
Возжигаемъ и любовь;

Управляемъ ощущеньемъ
И волнуемъ сильно кровь.

«Долго такъ я проживала
Въ миломъ сердцѣ жениха,
Мысли въ образъ превращала,
Часто звала на брега.

«Въ блескѣ дивной красоты
Здѣсь прельщать его старалась,
Зрѣла всѣ его мечты,
Пыломъ страсти любовалась.

«Дѣвы, какъ его любили,
Всѣ рѣзвились передъ нимъ,
Ручками къ себѣ манили,
Братомъ кликали своимъ.

«Здѣсь любовь, какъ пламень чистый,
Какъ свѣтъ солнца и луны,
Тверда, какъ алмазъ лучистый,
Ею тѣни сроднены.

«Милый хоть теперь со мною,
Взялъ Дунай къ себѣ его,
Но разлучены водою:
Я гляжу лишь на него.

«Я и взглядами довольна;
Счастливой могу ли быть?

Правда, жизнь моя раздольна,
Все жъ хочу я въ сердцѣ жить».

—

И повѣрья, и преданья,
И всѣ были, вспоминанья
Въ историческихъ мѣстахъ,
На прекраснѣйшихъ горахъ
Эльбы, Рейна и Дуная,
И гдѣ старина сѣдая,
Въ зàмкахъ рыцарскихъ живетъ,
Иль останки ихъ грызетъ,
Гдѣ паритъ воображенье,
Для поэта вдохновенье,
На обломкѣ, подъ луной,
Какъ бесѣда съ стариной
И полезна и пріятна,
Сердцу и душѣ отрадна!

МОГИЛЕВЪ.

—

Здѣсъ жизнь свою я воспріялъ,
Здѣсь тайны жизни изучалъ,
Здѣсь юной жизнью насладился
И здѣсь съ природою сдружился.
Природа въ мірѣ есть чертогъ,
Гдѣ обитаетъ всюду Богъ.

Вдругъ предо мной жизнь разъяснилась,
Природа мнѣ наставницей явилась.
Всегда я жаждалъ жизнь свою познать
И въ тайны жизни нашей проникать.
И что̀ жъ? природа тайны раскрываетъ
И въ очеркахъ такъ жизнь изображаетъ:
«Вотъ вашъ первѣйшій въ мірѣ организмъ!
Зри, чудно какъ устроенъ механизмъ:
Въ немъ отражается все мірозданье,
Его законовъ, силъ онъ сочетанье.
Системы, органы въ связи одной
И въ тѣлѣ составляютъ чудный строй,
И всѣ они въ движеньи непрырывномъ
И всѣ они въ сношеньи неразрывномъ.
Смотри, частичка каждая живетъ
И цѣлому свою жизнь отдаетъ.
Но лишь свое прослужитъ въ тѣлѣ время,
Какъ для него она ужъ больше бремя.

Мѣстечко оставляетъ здѣсь свое,
Иная замѣняетъ вдругъ ее.
Что̀ въ тѣлѣ вещество, то̀ скоротечно,
Одно духовное начало вѣчно.
Хоть съ возрастомъ измѣнчивъ человѣкъ,
Душевный свѣтъ неизмѣнимъ весь вѣкъ.
Смотри, какъ мозгъ свѣтъ жизни источаетъ,
Чувствительность, движенье разливаетъ.
Свѣтъ мчится нервами ко всѣмъ частямъ,
Во всемъ подобенъ солнечнымъ лучамъ,
Струитъ и теплоту и электризмъ,
Магнитность и таинственный химизмъ.
Въ тебѣ лучи свѣтятся жизни сложной:
Растительной, животной и духовной.
Изъ блеска трехъ живительныхъ лучей
Единъ свѣтъ жизни есть — въ душѣ твоей.
Растительная жизнь въ пищевареньи,
Въ дыханіи и кровообращеньи,
И чтобъ работать мнѣ для дѣйствій сихъ,
Для пользы всѣхъ тѣлесныхъ силъ твоихъ,
Механика и Химія совмѣстно
Устроили снаряды всѣ чудесно:
Чтобъ сокъ питательный приготовлять
И кровь производить, и обновлять,
И разливать ее по всѣмъ каналамъ,
Съ ней пищу, теплоту по всѣмъ составамъ.

Кровь, чтобъ питать, частички отдаетъ,
Отъ всѣхъ частички вредныя беретъ,
Изъ тѣла ихъ тотчасъ же извергаетъ:
Такъ, тѣло наше зиждетъ и разрушаетъ.
Оно тѣмъ схоже съ матерью своей:
Съвмѣстилищемъсуществъживыхъ—землей,
Существъ и колыбелью и могилой,
Гдѣ зиждется такъ творческою силой,
Что существа родятся и растутъ
И той же силой жить перестаютъ.
Въ животной жизни чувства и движенья,
Къ желаньямъ, дѣйствіямъ всѣ побужденья,
Мозгъ, средоточіе орудій всѣхъ,
Его устройство совершенства верхъ,
И отъ него развитъ снарядъ весь нервный.
Смотри, какой составъ его чудесный:
Вотъ изъ многоразличныхъ нервовъ сѣть;
И можно ли ихъ въ тѣлѣ перечесть?
Они съ концами жилъ ткань составляютъ,
Въ ней животворный свѣтъ свой разливаютъ.
Но болѣй присмотрись къ орудьямъ чувствъ;
Устройство ихъ есть свыше всѣхъ искусствъ.
Ты чрезъ глаза въ сношеньи со вселенной,
Чрезъ слухъ въ связи съ гармоніей небесной,
Движеньямъ служитъ мышечный снарядъ,
Какой, съ системою костей, въ немъ ладъ!

Для воспріятія всѣхъ впечатлѣній,
Для средоточья чувствъ и всѣхъ движеній,
Системы нервовъ, мышицъ и костей
И органы всѣхъ чувствъ въ связи своей.
Скажи: и нужно ль было все умножить?
И можно ль лучше и точнѣй устроить?
До совершенства все доведено
И сколь премудро все сотворено!
Богъ вашъ ущедрилъ организмъ дарами
И въ связь привелъ со всѣми существами.
Духовная жизнь ваша безконечна,
Душа, какъ искра Божества, безсмертна;
Отъ ней способности ума текутъ,
Желанія и мысли въ ней живутъ.
Отъ ней всѣ дѣйствія и разума и воли,
Струи сердечныхъ радостей и боли;
Она источникъ дивныхъ совершенствъ,
Восторговъ, наслажденій и блаженствъ.
И ты душей въ связи со всей вселенной,
Въ единый организмъ соединенной,
И ты одинъ міръ можешь созерцать
И въ немъ Творца вселенной познавать,
Въ немъ почерпать науки и искусства
И всѣми услаждать умъ, сердце, чувства.
Такъ ущедрилъ тебя душею Богъ,
Чтобъ ты Его и міръ познать возмогъ.

—

Я былъ, съ трехъ лѣтъ, ужъ сиротой,
Сроднился, въ дѣтствѣ, съ нищетой.
Трудами мать меня вскормила.
Закону Божію учила.
Въ преклонныхъ ты была лѣтахъ,
И въ тяжкихъ, каждый день, трудахъ,
Но занималась воспитаньемъ,
И твердымъ, строгимъ было тщаньемъ,
Къ трудамъ и горю пріучать,
И къ Вѣрѣ, къ Церкви привязать;
Любовь къ Монарху ты внѣдряла,
Любовь къ Отечеству внушала.
Благословилъ тебя Творецъ,
Воззрѣлъ Отечества Отецъ;
Насъ просвѣщеньемъ озарили,
Къ земнымъ всѣмъ благамъ путь открыли.
Гдѣ жъ счастья моего заря?
Она — отъ Бога и Царя;
За все любовь, благодаренье,
Отечеству всю жизнь служенье!
Теперь-то зритъ душа твоя,
Благочестива ль жизнь моя,
И сколь она еще полезна?
О, такъ ли и тебѣ отрадна!

(Кладбище Мышаковка, Августа 1827 г.)

СТОКМАНГОФЪ.

Воспоминаніе третьяго зимняго похода съ Лейбъ-Гвардіи Драгунскимъ, нынѣ Конно-Гренадерскимъ полкомъ изъ В., въ первыхъ числахъ Октября, до Стокмангофа, мызы въ Лифляндіи, вблизи Двины, въ первыхъ числахъ Декабря.

—

ПОХОДЪ

сперва въ осеннюю, потомъ зимнюю, наконецъ снова осеннюю погоду.

Ноябрь ужъ близился къ концу,
Зима походъ сопровождала;
Съ ней были мы лицемъ къ лицу;
Она намъ каждый день надоѣдала.
То снѣгомъ въ очи хлещетъ намъ,
Велитъ собою любоваться,
Раскинетъ кудри по лѣсамъ,
Чтобъ бѣлизной ихъ ослѣпляться.
Или же въ солнечныхъ лучахъ
Красы своихъ снѣговъ являетъ,
Ихъ блескъ и стужа на поляхъ
Изъ глазъ намъ слезы исторгаетъ.
То злой на насъ нашлетъ морозъ,
То въ ярости мятель подниметъ,

На лица всѣхъ насыплетъ розъ,
Отъ нихъ лице, какъ ледъ, остынетъ;
Напудритъ волосы тотчасъ,
И вьюгой рѣзко поласкаетъ.
Здѣсь саваномъ одѣнетъ насъ,
Тамъ оттепелью потѣшаетъ.
То дождь промочитъ до костей,
То рѣзкій вѣтръ гнететъ съ коней.....
Зимой въ походѣ, на конѣ,
Мы шагомъ путь свой совершаемъ;
За то въ гостепріимной сторонѣ
Мы сколько сладостей вкушаемъ!
Что̀ день, то новый намъ пріютъ,
Знакомство, встрѣча и забава,
Радушье и любезность ждутъ;
Насъ осѣняютъ блескъ и слава.
Пойметъ ли, кто не испыталъ,
Что̀ жизнь военная въ походѣ?....
Исполнить сладостно священный долгъ,
На насъ который налагаютъ
Отечество, Монархъ и Богъ;
Лишь воззоветъ къ намъ чести гласъ,
Нашъ долгъ — запечатлѣть жизнь кровью.

ШТАБЪ—КВАРТИРА ПОЛКА,

на мызѣ Стокмангофъ съ начало Декабря 1831, по конецъ Января 1832 г.

Къ чему Декабрь прогналъ зиму?
Мы безъ того бъ благополучно
Пришли къ пріюту своему;
Но въ Стокмангофѣ все жъ намъ скучно.
Не вдалекѣ мы отъ своихъ,
Вблизи своей родной столицы.
Ужъ годъ, какъ мы не видимъ ихъ,
Въ семъ зàмкѣ, будто средь темницы.
Походный маршъ насъ не зоветъ;
Въ путь далѣй, утромъ собираясь,
Солдатъ ужъ больше не поетъ,
Съ хозяйкой милой разставаясь.

—

СОЛДАТСКІЙ НАПѢВЪ КЪ ГЕНЕРАЛЪ-МАРШУ.

Трубачъ голосъ—голосъ подаетъ;
Любезная слезы—слезы льетъ;
Ты прости—прости красотка,
Не забудь меня молодка
во вѣкъ!

По приказамъ мы живемъ,
Счастье ваше бережемъ.

Въ мирѣ, на войнѣ, въ походѣ
И при всякой непогодѣ.
Каждый мы готовы часъ
Жизнью жертвовать для васъ.
На войнѣ — намъ служба сладость,
Бивуакъ и марши радость;
Небо и земля даютъ
Свой покровъ и свой пріютъ,
Хлѣбъ и соль намъ наслажденье,
А забавою сраженье,
А походомъ уголокъ,
Милъ хозяйскій намъ кусокъ,
А хозяюшки радушье
Всякихъ угощеній лучше.
Вѣдь насъ малость веселитъ;
Каждый счастьемъ дорожитъ;
Ласки мы цѣнить умѣемъ,
И услугъ тутъ не жалѣемъ.
Такъ, за службу и труды,
Все готово — нѣтъ нужды:
Богъ во всемъ, вездѣ отрада,
Въ Государѣ вся награда.
Жизнь мила — и легка смерть,
Лишь бы съ славой умереть....

—

СМЕРТЬ ВОИНА.

Воспоминаніе смерти лейбъ-драгуна, Мая 1831 года; въ авангардномъ дѣлѣ; воспоминаніе въ томъ видѣ, какъ оно было написано подъ вліяніемъ дѣйствительныхъ впечатлѣній.

Драгунъ упалъ съ коня: все тщетно—
Жизнь съ смертью борется замѣтно.
Откуда ни взялось ядро
И ранило ему бедро.

Тутъ вновь я видѣлъ, сколь отрадно
Быть истиннымъ Христіаниномъ,
И тотъ блаженъ, блаженъ стократно,
Кто Православной Церкви сыномъ.

Святителя благословенье
Страдальца боли утолило,
И словомъ Вѣры утѣшенье
Душевны силы оживило.

«За Вѣру, и Царя, и братій,
«Ты нынѣ терпишь столько страсти:
«На полѣ чести твой конецъ.
«Тебя ждетъ въ небесахъ вѣнецъ!»

И вотъ счастливъ неизрѣченно,
Священныхъ Таинъ удостоенъ.

Достигъ чего желалъ сердечно,
И въ совѣсти своей спокоенъ,

«Легко—уже боль стихла въ ранѣ»,
Страдалецъ тутъ взоръ томный бросилъ.

«Друзья, сонъ клонитъ—все въ туманѣ.»
И дремлетъ—вздрогнулъ, будто ожилъ;
И вспыхнули еще разъ силы
Взглянуть на свѣтъ—уже съ могилы.

«Прощайте, милые друзья,
Уже приспѣла смерть моя!» —
И снова смерть сомкнула вѣки;
И тихо онъ заснулъ навѣки.

—

БИТВА.

25 Августа.

Воспоминаніе въ томъ видѣ, какъ оно очерчено на мѣстѣ.

—

Тутъ думалъ я, на бой взирая,
— И сколько есть теперь такихъ,
Которые, лишь роскошь зная,
Пьютъ полной чашей нѣги сладость,
Летятъ, гдѣ ихъ лелѣетъ радость!
И что жъ?—въ привольѣ, на пирахъ,

Гдѣ ихъ въ смятеньи сильномъ чувства
Въ кругу красавицъ, на балахъ,
Гдѣ поприще для ихъ искусства,
Иль умствуютъ краснорѣчиво
О битвахъ, доблестяхъ военныхъ,
Иль судятъ, рядятъ горделиво
О подвигахъ ужъ несомнѣнныхъ.
Тогда, какъ вы теперь средь боя
Средь грома, молній, рева, воя,
Средь дыма—града пуль, картечь,
И гдѣ аттаки, свалки, сѣчь,
Смятенье, крики, вопли, стоны,
Гдѣ натиски, гдѣ обороны,
Гдѣ все забыто, кровь кипитъ,
Все внѣ себя—въ огонь летитъ,
Гдѣ алчность смерти, жажда мести,
Порывы къ славѣ—чувства чести:
Опасность, гибель—все ничто
И жизни не щадитъ никто.
Гдѣ врагъ одинъ передъ глазами,
Летятъ, гдѣ льется кровь ручьями.
Гдѣ залпами изъ батарей,
Огонь батальный изъ ружей;
Картечи мчатся, пули свищутъ,
Трещатъ гранаты, ядра рыщутъ,
Ура! на пушки и въ штыки,

Рѣдѣютъ цѣлые полки;
Гдѣ конница стремглавъ стремится,
Другая ей на встрѣчу мчится;
И къ пикамъ, саблямъ, палашамъ
Летятъ въ подмогу пушки тамъ.
Колонны, гдѣ идутъ стѣною;
На приступѣ все ждетъ ихъ къ бою;
Гдѣ въ ровъ и на окопъ бѣгутъ
Огонь, штыки, и сабли ждутъ;
Гдѣ въ тѣсномъ мѣстѣ бой ужасный,
Кипитъ бой въ свалкѣ рукопашный....
Явился имъ Священный Ликъ!
И грянулъ вдругъ завѣтный крикъ!
Такъ ринулись на страшный бой,
Поправши валы предъ собой!

КОКЕНГУЗЕНЪ.

Старинный рыцарскій зàмокъ съ бойницами, теперь хотя въ развалинахъ, однако довольно уцѣлѣлъ отъ разрушенія; онъ расположенъ на высотѣ, ограниченной съ одной стороны берегомъ Двины, съ другой оврагомъ, а съ третьей рвомъ, гдѣ лежатъ двѣ старинныя пушки; посѣщеніе сего зàмка, на нѣсколько верстъ отстоящаго отъ мызы Стокмангофа, 12 Декабря, когда, послѣ продолжительной оттепели, нигдѣ не было снѣгу и Двина разошлась: видъ окрестностей угрюмый, осенній.

—

О, Русь! Отчизна, мать моя!
Одна мила, драга на свѣтѣ!
Тебя люблю всѣмъ сердцемъ я,
Любовь, жизнь въ каждомъ здѣсь предметѣ.

Вотъ зàмокъ—рыцарскій скелетъ,
Среди природы обнаженной,
Уже въ обоихъ жизни нѣтъ,
Отъ времени въ нихъ сокрушенной.
Жаль, время весь скелетъ сгрызетъ,
Еще онъ много вспоминаетъ,
Столѣтій память въ немъ живетъ
И путника умъ занимаетъ.
У ногъ сердитая Двина,
Стряхнувъ съ себя зимы оковы,

Кипитъ всей жизнію одна.
Наяды разсказать готовы,
Какъ рыцари живали здѣсь,
Какія волновались страсти,
Какъ гордость и любовь и месть
Ихъ подвергали всѣхъ напасти.
Призвавъ въ посредники молву,
Теперь бесѣдую съ руиной,
И съ пушками уже во рву,
И съ древней воинской дружиной.
Въ воображеніи моемъ
Картина приступа явилась —
И вотъ въ величіи своемъ,
Мной видѣнное обновилось:

ПРИСТУПЪ

26 Августа ровно съ часу пополудни до полуночи.

Вдругъ грянулъ залпъ огромный, страшный,
Градъ ядеръ и гранатъ летитъ,
Изъ всѣхъ орудій залпъ внезапный
Вдругъ воиновъ ряды громитъ.
Такъ грянулъ приступъ межъ полками!
Поднялся всюду громъ и трескъ
Передъ Сарматскими стѣнами,
Въ дыму сверкалъ лишь молній блескъ!
Среди окоповъ смертоносныхъ,

Къ стѣнамъ бой тихо подступалъ;
Видъ ратоборства полчищъ грозныхъ
Лучами вечеръ осѣнялъ;
А въ сумеркахъ багрово подымался
Огромныхъ факеловъ огонь *
И межъ валовъ, окоповъ стлался
Съ пожара дымъ со всѣхъ сторонъ.
При заревѣ полки штыками
Себѣ прокладывали путь,
Повсюду стройными рядами
Препоны нужно имъ столкнуть.
У самыхъ стѣнъ бой рукопашный;
Покрыла ночь все темнотой,
Все озарялъ пожаръ ужасный!
Средь зданій и валовъ былъ бой.
Батальный трескъ и грохотъ залповъ,
Тутъ крикъ ура, а тамъ пальба,
Средь пуль, картечи и заваловъ
Рѣшалась каждаго судьба.
Багровый дымъ бой покрывалъ.
Дымъ въ черномъ небѣ разливался,
Внизу же пламя обнималъ,
Какъ изъ жерла огнь исторгался.
Огромный огненный просторъ

---

* Вечеромъ пылали многія вѣтряныя мельницы.

Кровавымъ заревомъ обвился,
Разилъ своимъ величьемъ взоръ,
Какъ будто тамъ волканъ раскрылся.
Дѣйствительно земля дрожитъ,
Отъ гула залповъ будто стонетъ,
И стоны—будто смерть вопитъ:
Она въ крови людской тамъ тонетъ.
А издали, казалось мнѣ,
Потѣшные огни виднѣлись. —
Вотъ торжество: конецъ войнѣ;
Крамолы прахомъ разлетѣлись.
И все прошло, и осталось
О славныхъ подвигахъ преданье,
Въ солдатской пѣсни излилось
Аттаки славной вспоминанье.

КАВАЛЕРІЙСКАЯ АТАКА
въ три часа пополудни.

Рубиться съ ними мы рвались,
Впередъ маршъ-маршемъ понеслись,
И сквозь двойной окоповъ рядъ,
Гдѣ смертоносный весь снарядъ,
Дымъ, облаками изрыгая
И ревомъ, визгомъ оглушая,
Металъ ужасные перуны,
Неслись гвардейскіе драгуны.

Средь лѣса пикъ, алкая сѣчи,
Надѣясь на свои картечи,
Насъ ждали недруги-уланы.
Заслона—пушки ихъ попраны,
Орлами наши налетѣли
И грозно на уланъ насѣли.
Слетѣвшись, кинулись рубиться;
Было на чемъ намъ похрабриться,—
И ринулись уланы вспять;
За ними по пятамъ летятъ,
Мы гнали ихъ къ самимъ стѣнамъ.
Драгуны! честь и слава вамъ!
И полководцу слава, честь:
Съ нимъ славу мы могли обрѣсть!

Памяти прапорщика М.

Тебя-то встрѣтила картечь,
Какъ ты летѣлъ съ дружиной въ сѣчь.
Тебя не стало здѣсь въ мгновенье.
Родители! вамъ утѣшенье:
Вашъ умеръ сынъ въ бою со славой,
Царю служилъ онъ вѣрой, правдой.

Памяти штабсъ-капитана Г.

Въ аттакѣ смерть его ядромъ сразила,
То юный и прекрасный былъ цвѣтокъ;

Любовь, въ слезахъ, въ могилу проводила,
А доблесть положила свой вѣнокъ.

—

14 Мая.

И вотъ! въ прелестный майскій полдень,
Надъ городомъ багровый пламень;
И превращенъ прекрасный градъ
Въ огромный факелъ—будто въ адъ.
Казалось кровь съ огнемъ струилась,
Тамъ смерть грозою разразилась,
И молніи и громъ средь дня;
И свистъ и гулъ и трескотня
Отъ пуль, гранатъ, изъ ружей, пушекъ,
Весь ужасъ Марсовыхъ пирушекъ!
Звукъ трубный, барабанный бой,
Ура, и музыкальный строй,
Средь вихрей страшнаго пожара,
Среди безщаднаго разгара.

Памяти штабсъ-капитана Л.

Тебя Наревъ въ объятія принялъ,
Какъ ты, съ коня, ядромъ сраженный, палъ,
Ты палъ при нашей памятной Арколѣ,
Здѣсь мчались наши, сквозь огонь, чрезъ мостъ;
Мы разгромили ихъ полки ужъ въ полѣ,
Поправъ сперва ихъ пушечный оплотъ.

ДВИНА И НАРЕВЪ.

На Двинѣ, въ Кокенгузенскихъ развалинахъ, послѣднее свиданіе между невѣстою и женихомъ 1830 г.; на Наревѣ смерть отъ пули Прапорщика Б. — красавица, во время переплыванія его на конѣ черезъ рѣку, послѣ дѣла подъ Р., въ Апрѣлѣ 1831; встрѣча, въ Кокенгузенскомъ зàмкѣ, съ дѣвицею Л., которой разсказана смерть ея жениха очевидцемъ, въ Декабрѣ 1831 года.

—

Знакомку вижу я одну;
Она на камнѣ и съ слезами
Свой взоръ вперила на Двину,
И вѣрно занята мечтами.
«Разсказъ твой силу мнѣ могъ дать,»
Марія нѣжно говорила,
«Смерть жениха воображать,
И мѣсто, гдѣ его могила.
Съ Двины переношусь душой
На берегъ тотъ крутой Нарева,
Гдѣ Эдуардъ летѣлъ на бой,
И ринулся въ рѣку съ обрыва.
За жизнь его свою отдамъ,
Онъ только бъ переплылъ безвредно;
Подставлю грудь мою врагамъ,
Чтобъ защитить его навѣрно.

Смерть вижу друга своего:
Вотъ врагъ въ безуміи и гнѣвѣ,
Пронзилъ вдругъ пулею его;
Погибъ женихъ съ конемъ въ Наревѣ.
Что ты не взялъ меня съ собой?
Къ тебѣ бы крѣпко я прижалась!
Въ могилѣ хладной я съ тобой,
Ахъ, вѣчно бъ счастьемъ наслаждалась!
Въ послѣдній разъ на мѣстѣ семъ
Мы поклялись въ любви взаимной;
И въ сердцѣ онъ живетъ моемъ
Съ любовью чистой, неизмѣнной.
Кольцо его вотъ на рукѣ:
Со мною вѣчность, постоянство;
Мое жъ кольцо теперь въ рѣкѣ,
А съ нимъ и все мое блаженство!
Съ послѣднимъ вздохомъ онъ послалъ
И мысль и слово: «до свиданья!»
Бывать здѣсь чаще завѣщалъ,
Для облегченія страданья....
Меня хотятъ ужъ обручить;
Какъ это сердцу больно, больно!
Отцу должна послушной быть,
Любить все жъ Эдуарда вольна!
Марія, посмотрѣвши вдругъ
На небо и Двину, сказала:

«Ахъ, до свиданья, милый другъ!»
И удалиться поспѣшала.

—

Въ вечерній часъ я посѣтилъ
Цвѣтокъ сей утренній, прекрасный.
Какъ онъ прелестенъ, нѣженъ, милъ;
Но, ахъ, удѣлъ его несчастный!
Марія съ арфою была,
И вотъ одна ея подруга!
И арфа въ звукахъ ожила
Очаровательныхъ для слуха.
Маріи голосъ выражалъ
Завѣтныя всѣ мысли, чувства,
И сердце все изображалъ
Средь блеска прелестей искусства.
Послушайте ее со мной,
Внемлите слабымъ выраженьямъ:
Они составлены душой,
По всѣмъ сердечнымъ ощущеньямъ.

ПѢСНЬ.

Ты за Царя на брани палъ,
Ты за Отчизну пострадалъ.
Я чувствую свою потерю,
Въ Святое Провидѣнье вѣрю,
И не терзаюсь, не томлюсь,

Усердно Богу лишь молюсь,
Лью только слезы умиленья,
Ищу лишь въ Вѣрѣ утѣшенья.
  Съ тобой на мигъ разлучена;
И здѣсь съ тобой, я не одна:
Въ моемъ ты сердцѣ обитаешь,
Меня ты нѣжно утѣшаешь.
Живемъ мы вмѣстѣ и во снѣ,
Блаженствуемъ наединѣ;
То мыслью я въ твоей могилѣ;
Любовь здѣсь наша въ полной силѣ;
То мчишься къ намъ ты на конѣ,
Чтобъ водворять покой во мнѣ.
Меня къ себѣ взять не замедлишь,
Какъ радостно меня тамъ встрѣтишь,
Свой раздѣлишь со мной вѣнецъ:
Имъ наградилъ тебя Творецъ!
Ахъ, бодрствуй больше надо мною,
Какъ я удручена судьбою!
Устрой ты участь самъ мою:
Тебѣ отдавъ всю жизнь свою,
Тебѣ все сердце я вручила,
Тебѣ всю душу посвятила,
И въ каждый мигъ мысль о тебѣ,
Тебя лишь чувствую въ себѣ;
Ты знаешь, что̀ мнѣ угрожаетъ

И что̀ меня уже терзаетъ.
Возьми жъ, возьми жъ къ себѣ скорѣй
И назови меня своей.
Жить будемъ младостію вѣчной
Въ любви сердечной, безконечной!

Памяти штабсъ-капитана Л.

Въ битвѣ подъ Р. въ Апрѣлѣ.

Милый другъ мой! ты, въ походѣ,
Часто пѣлъ мнѣ заунывно:
«Тамъ, гдѣ море вѣчно плещетъ
На пустынныя скалы»,
Въ роковой часъ повторилъ
На пустынномъ берегу,
Тамъ, гдѣ Наревъ вѣчно плещетъ,
Гдѣ тебя сразили пули!
Врагъ твое намъ отдалъ тѣло,
И намъ Наревъ его вручилъ;
Изъ ладьи тебя приняли.
Ты ли это, милый другъ!
Не узнать тебя въ лицо!
Намъ пришлось съ тобой разстаться,
Дружба слезы пролила,
А любовь землей накрыла,

Доблесть нѣжно распростилась,
Слава имя начертала,
Тамъ, гдѣ Наревъ вѣчно плещетъ
На пустынные брега!

ВЕНЕЦІЯ.

Въ продолженіе путешествія изъ С.-Петербурга въ Іерусалимъ 1850 г., переѣздъ на пароходѣ, утромъ 24 Марта, изъ Тріеста въ Венецію. Прекрасный, тихій, весенній день; очаровательный видъ съ моря на Венецію, расположенной на острову, который раздѣленъ Большимъ Каналомъ на двѣ неровныя части, пересѣченъ многими извилистыми каналами, обставленными старинными зданіями, и окруженъ съ сѣверозапада многочисленными небольшими островами (лагунами), открывающимися при отливѣ воды въ море; у пристани знаменитая мраморная двойная площадь Св. Марка; съ правой стороны сей площади къ морю, по набережной, узорчатый дворецъ Дожей; далѣе въ глубину славная церковь Св. Марка, и передъ нею четвероугольная длинная площадь, окаймленная съ трехъ сторонъ огромнымъ зданіемъ, внизу съ колоннадою, гдѣ переходы для прогулокъ, магазины и кофейни; съ лѣвой стороны отъ площади, у набережной, Большой Каналъ, длиною въ нѣсколько верстъ, по обѣимъ сторонамъ котораго въ непрерывной цѣпи старинныя зданія и великолѣпные дворцы оригинальной архитектуры, выходящіе лицевою стороною изъ воды.

—

Венеція, моя голубка,
Красавица, хотя старушка!
Опятъ * я на тебя смотрю,

---

* 1846 года въ первыхъ числахъ Мая — первое посѣщеніе Венеціи.

Съ тобою снова говорю.
Что̀ жъ такъ уныла и грустна?
Пора веселой быть — весна;
И Адріатика съ тобой:
Супругъ и вѣренъ, нѣженъ твой,
Тебя въ своихъ объятьяхъ держитъ
И день и ночь ласкаетъ, нѣжитъ;
Супругъ твой милъ и для чужихъ,
Сегодня былъ пріятенъ, тихъ;
Къ тебѣ насъ на водахъ принесъ,
Подъ свѣтлымъ куполомъ небесъ,
Подъ тѣмъ прелестнымъ, чуднымъ сводомъ,
Гдѣ хочется, чтобъ день былъ годомъ.
Здѣсь солнце любо, какъ весной,
Какъ глазъ красавицы младой.
Среди морской сей панорамы,
Твои палаты, башни, храмы,
И площади, и всѣ канавы,
И памятники прежней славы,
И зодчествомъ меня прельщаютъ,
Нарядомъ древнимъ восхищаютъ.
Все вызываетъ насъ къ мечтаньямъ;
Къ событіямъ, воспоминаньямъ.
Теперь повѣдай жизнь свою,
Желаемъ знать судьбу твою,
Какъ ты въ величьи, славѣ всей

Была владычица морей;
Какъ ты съ супругомъ обручалась;
Страсть ваша Дожемъ обновлялась.
Моя старушка благосклонна,
Внемлите, какъ словоохотна:
«Я сотню прожила вѣковъ,
Лишилась тысячи сыновъ;
Но мысли ихъ вездѣ сіяютъ,
Искусства мысли сохраняютъ,
Дѣла въ Исторіи живутъ,
Ихъ памятники берегутъ.
Довольно храмы разсмотрѣть,
Чтобъ мысли и дѣла прочесть.
Умѣйте изучать остатки
Временъ людей, всѣ отпечатки,
Постигните событій рядъ,
У каждаго есть жизнь и складъ.
Изъ жизни сей добро и зло,
И горе, счастіе текло.
Ахъ, сколько здѣсь изъ-за любви
Преступно пролито крови!
Когда любовь съ пути сходила,
Въ безуміе переходила.
Любовь—потокъ межъ скалъ, въ стремленьи.
Въ любви же страсти всѣ въ волненьи,
Въ хаосѣ бурныхъ всѣхъ страстей

Погибло безъ числа людей.
Недавно я отъ бомбъ страдала,
Несчастія всѣ испытала;
Источникомъ вины —
Неблагодарные сыны.
Какая можетъ быть мнѣ радость?
Кому же возвратилась младость?
Веселіемъ и славой я блистала:
Теперь поблекла, обветшала,
Судьбы къ концу меня влекутъ,
Нить жизни парки пресѣкутъ,
Услышишь вскорѣ горлицъ стонъ,
Тамъ, гдѣ цвѣли Тиръ и Сидонъ. *

---

* Видны были мѣста, гдѣ сіи города существовали, на берегахъ Малой Азіи, при переѣздѣ моремъ изъ Смирны въ Родосъ, 14 Апрѣля 1850 года.

АДРІАТИКА.

Переѣздъ съ 30 Марта 1850 г. изъ Тріеста въ Смирну, въ виду береговъ Истріи, Далмаціи, Албаніи, Аттики, Мореи, Архипелага, въ прекрасную погоду, при постепенно, но быстро развертывающейся веснѣ, на пароходѣ «Италія» по Адріатическому Морю и по другимъ частямъ Средиземнаго Моря; воспоминаніе происшествія, случившагося съ Гречанкою на пароходѣ «Италія».

Вечерній лучъ меня ласкаетъ,
Зефиръ мнѣ думу навѣваетъ;
Весенней теплотой живитъ,
Надъ всѣмъ Поэзія паритъ.
Тамъ, гдѣ Гречанка размышляла,
Къ Тріесту взоръ свой устремляла,
Теперь я на кормѣ сижу,
На море тихое гляжу.
И море синее такъ было
Вездѣ, какъ круглое стекло;
Его небесъ сводъ накрывалъ,
Лазурь свою въ немъ отражалъ.
Лучи на глади водъ играли *,

---

* Смотря съ парохода на море, при закатывающемся солнцѣ, видишь, какъ будто отъ него струятся сверкающія

Сребристый отблескъ свой бросали,
И море искрилось струями,
Лобзало солнце ихъ лучами,
Оно въ красѣ туда стремилось,
Гдѣ въ морѣ на парчу ложилось;
Гдѣ обнималось море съ небомъ,
Гдѣ нѣжится Аврора съ Фебомъ.
Казалось, что нашъ пароходъ
Стоялъ среди спокойныхъ водъ;
Но быстро насъ впередъ онъ несъ.
Вотъ непрерывный трескъ колесъ:
Они бросаютъ хлябь назадъ,
Жемчужный пѣны бьетъ каскадъ,
Потокомъ снѣжнымъ въ брызгахъ мчится,
Вдаль съ шумомъ волнами клубится;
Потоки тѣ же за кормой,
Бѣгутъ двойною полосой.
А въ ночь жемчужный нашъ каскадъ
Алмазный кажетъ свой нарядъ;
На немъ фосфорный свѣтъ сверкаетъ
И блестки, искры разсыпаетъ;
Такъ свѣтлы, нѣжны ихъ мерцанья,

мелкія волны, образующія широкую и длинную серебристую полосу, распростертую по глади водъ, которая превращается въ широкую, блестящую парчу, когда солнце на горизонтѣ.

ОСТРОВЪ КИПРЪ.

Прибытіе парохода «Оріента» къ Кипру, въ сумерки, во второй день полнолунія, 16 Апрѣля 1850 г.; явленіе луннаго разсвѣта. Кипръ вдревлѣ славился своимъ виномъ и Паѳосомъ, гдѣ находился великолѣпный храмъ Киприды. Здѣсь, какъ говоритъ Миѳологія, богиня вышла изъ морской пѣны и тотчасъ принята была Зефирами. Теперь у города Ларнаки самый обширный портъ.

—

Пароходъ нашъ отдыхаетъ,
Будто воинъ послѣ боя;
Море въ дремоту впадаетъ,
Ослабѣвши послѣ зноя.

Мракомъ неба сводъ покрылся;
Звѣзды, какъ Гречанки очи;
Чудный блескъ изъ нихъ струился:
Въ немъ красы восточной ночи.

Что̀ жъ къ востоку тамъ свѣтлѣетъ,
Гдѣ Паѳосъ и храмъ Киприды;
Нѣжный полусвѣтъ бѣлѣетъ,
Понемножку кажетъ виды.

Тамъ луна изъ моря всходитъ;
Ликъ Діяны весь лучистый,

И надъ моремъ вдоль разводитъ
Свѣтъ свой томный, серебристый.

И лучи его струятся
По кристальной глади моря,
Твердью овладѣть стремятся,
Съ отдаленнымъ мракомъ споря.

Струйки, отъ лучей, мерцая,
Какъ глаза Наядъ блистаютъ,
Золотомъ зыбь осыпая,
Гладь парчею покрываютъ.

Море, небо — все въ разсвѣтѣ:
Городъ, корабли мелькаютъ,
Въ каждомъ видишь здѣсь предметѣ,
Будто призраки взираютъ.

Тамъ, къ востоку, что̀ такое?
Не Киприда ль на гуляньи?
Зрѣлище намъ неземное:
Все, какъ въ сѣверномъ сіяньи.

Чрезъ толпу Амуровъ видно:
Лебеди и колесница;
Далѣй взорамъ недоступно;
Надъ поѣздомъ лишь зарница.

И Киприду провожали
Сонмъ Наядъ со всѣмъ почетомъ,
Возлѣ, по водамъ скакали
Бахусъ и Нептунъ съ Эротомъ.

И Зефиры тутъ порхали,
Всѣ наперстники богини;
И ее они лобзали,
Какъ и въ первые дни жизни.

Яркіе Діаны очи
Въ лунный день ночь превратили,
Средь восточной лунной ночи
Въ томномъ блескѣ Кипръ явили.

РОДОСЪ.

На прекрасномъ островѣ замѣчательна, почти опустѣвшая, но превосходно сохранившаяся, съ тремя башнями вокругъ порта, огромная твердыня древнихъ страннопріимныхъ рыцарей, которые пребывали въ ней 220 лѣтъ, сдали ее на капитуляцію Солиману послѣ полугодовой ужасной осады, и 1-го Января 1623 года вышли изъ нея и поселились на Мальтѣ. Посѣщеніе Родоса въ Апрѣлѣ 1851 г.

Родосская твердыня, двѣсти лѣтъ,
Есть дивный, полный рыцарскій скелетъ.
Щадятъ его временъ, народовъ руки;
Еще живутъ и средніе въ немъ вѣки,
Витаютъ тѣни рыцарей теперь;
Вотъ къ нимъ Поэзія отверзла дверь.

Ужъ полночь—надъ твердынею луна,
То меркнетъ, то глядитъ съ печалію она,
Съ востока быстро облака несутся,
И шумъ и гулъ на морѣ раздаются;
Межъ грозными волнами страшный бой....
Чья жъ участь здѣсь рѣшается судьбой?
Бушуетъ вѣтръ межъ мачтами, снастями,
Весь портъ покрытъ военными судами.
Сколь страшно мечется флотъ Мусульманъ,
Такъ ихъ безжизненъ весь огромный станъ.

Межъ ставками огни еще вспыхаютъ,
И кое гдѣ лишь тѣни тамъ блуждаютъ.
Но въ ставкѣ Солиманъ среди своихъ:
Ужъ къ приступу готово все у нихъ.
Что̀ жъ рыцари въ своей твердынѣ?
Всѣ молятся они въ своей святынѣ,
Готовятся съ разсвѣтомъ умереть.
Не можно имъ врага преодолѣть;
Полгода все творили, что̀ въ ихъ волѣ:
Сражались на стѣнахъ, проломахъ, въ полѣ.
Лишь рушится отъ взрыва ихъ стѣна,
За ней стальная вновь опять она:
Строй рыцарей враговъ вдругъ истребляетъ;
Но многіе и сами исчезаютъ,
А помощи имъ ни откуда нѣтъ,
Оставилъ храбрыхъ рыцарей весь свѣтъ.
Враги, какъ волны въ морѣ, прибывали,
Ряды свои толпами пополняли.
Осталось рыцарямъ плѣнъ, либо смерть,
За Вѣру жъ всѣ готовы умереть. —
Летитъ минута роковая быстро:
Совѣтъ въ дворцѣ Великаго Магистра!
Необходимость, долгъ и честь въ борьбѣ,
Ужели покориться имъ судьбѣ?
И внять мольбамъ всѣхъ жителей Родоса,
Лишиться Ордену твердынь колосса!

Онъ больше двухъ столѣтій процвѣталъ,
Враговъ на сушѣ, морѣ побѣждалъ,
И лѣтопись полна воспоминаній,
Отваги, подвиговъ, дѣяній.
Что̀ жъ нашъ на стражѣ витязь молодой?
Два года онъ оставилъ край родной,
И мать его на лонѣ не носила,
Уже служенью Вѣрѣ посвятила.
Религія душѣ полетъ дала,
А въ сердце добродѣтели влила,
Суровость жизни закалила тѣло,
И въ юношѣ все мужествомъ кипѣло,
И благородный, воинскій въ немъ духъ
Разширилъ крылья къ чести, славѣ вдругъ.
Съ любовью мать благословила сына,
Вдова, въ лѣтахъ, осталась лишь едина;
Въ Ломбардіи, въ мольбахъ жила она,
Богатствомъ, знатностью окружена.
Вотъ витязь нашъ на башнѣ Николая....
Предъ смертью дума можетъ быть какая?
Лишь письма матери въ его̀ рукахъ;
Кто жъ передъ нимъ, поникнувъ и въ слезахъ?
Его другъ—Грекъ, молоденькій, прекрасный,
Разлукой вѣчною съ нимъ столь несчастный.
Онъ другу рыцарю такъ говоритъ:
«Ты знаешь, какъ любовь къ тебѣ горитъ,

Рѣшусь родителей своихъ оставить,
Чтобъ вещи матери твоей представить;
Ей сына я охотно замѣню
И клятвамъ я вовѣкъ не измѣню».
Насталъ часъ роковой—востокъ свѣтлѣетъ:
Что̀ жъ флотъ и станъ въ бездѣйствіи коснѣетъ?
Свершилось все: Родосъ безъ боя палъ!
И каждый рыцарь лишь въ душѣ стеналъ.
Старикъ хотѣлъ запечатлѣть жизнь кровью,
Къ боямъ за Вѣру лишь пылалъ любовью.
Смерть въ битвѣ — храбрымъ воинамъ вѣнецъ;
Смерть въ битвѣ — славный рыцарскій конецъ;
А юноши—за Вѣру подвизаться
И доблестьми для славы отличаться,
Любовью къ Богу, къ Вѣрѣ пламенѣть,
Вездѣ на помощь къ страждущимъ летѣть
И въ ратныхъ подвигахъ искать отрады,
Не на землѣ, а въ Небѣ ждать награды.

ДѢВА-РЫЦАРЬ XI СТОЛѢТІЯ.

(Посвящено Княгинѣ Вяземской въ память пребыванія ея въ Іерусалимѣ съ 21 по 29 Апрѣля 1850 г.)

—

На паперти изъ древнихъ зданій,
Предъ храмомъ чуднымъ, вѣковымъ,
Среди великихъ вспоминаній,
Въ преддверіи къ мѣстамъ Святымъ.

Вотъ здѣсь Марія почиваетъ:
Она въ землѣ Святой жила;
Надгробный камень сей вѣщаетъ,
Она кто такова была.

Отецъ, проведшій вѣкъ свой въ битвахъ,
На Рейнѣ мощный властелинъ,
Въ уединеньи и молитвахъ,
Дни доживалъ свои одинъ.

Давно лишился онъ супруги;
Марію всей душей любилъ,
Для дочери, своей подруги,
Средь немощей и скорбей жилъ.

Марія, въ цвѣтѣ лѣтъ, старалась
Отцу и Богу угождать;

Въ военныхъ играхъ упражнялась:
И къ нимъ имѣла только страсть.

По всей Евронѣ раздавался
Пустынника Петра возгласъ,
Міръ Христіанскій собирался
И близился похода часъ.

Старикъ же долженъ былъ томиться,
Кипѣла рыцарская кровь:
Готовъ съ Маріей разлучиться:
Такъ къ Вѣрѣ велика любовь!

У ногъ своихъ Марію видитъ,—
И сердце дрогнуло его!
Умыльныя мольбы онъ слышитъ,
Постигъ, желаетъ дочь чего.

И вотъ ее благословляетъ!
И старецъ, въ жизни въ первый разъ,
Рыдая, слезы проливаетъ;
Ахъ, не возможенъ былъ отказъ!

Чтобы была повсюду невредима,
На грудь ей мощи возложилъ,
Подъ кровомъ Божіимъ хранима;
Онъ самъ ихъ на себѣ носилъ.

Прелестнымъ рыцаремъ явилась,
Старикъ Маріей восхищенъ;

И съ нимъ и съ родиной простилась,
Отецъ другимъ ей замѣненъ.

Оруженосецъ, посѣдѣлый,
Съ отцемъ вездѣ въ бояхъ бывалъ;
Испытанный и вѣрный, смѣлый
Красавицу сопровождалъ.

Станъ Крестоносцевъ передъ нею:
Успѣла Вѣра ихъ собрать;
Добромъ и жизнію своею,
Хотятъ любовь къ ней доказать.

Уже Марія съ войскомъ въ морѣ;
Что̀ здѣсь она перенесла!
Вотъ, въ Сиріи, и на просторѣ,
Всѣ ужасы войны нашла.

Подъ знойнымъ небомъ здѣсь встрѣчали,
Средь битвъ, иль раны, смерть, иль плѣнъ,
Въ пустынѣ, въ нуждахъ, достигали
До Іерусалимскихъ стѣнъ!

И все было легко, отрадно,
Во имя Спаса и Христа;
Побѣдоносно и отважно,
И все подъ знаменемъ Креста.

Поистинѣ, Марія зрѣла,
Что былъ хранитель-ангелъ съ ней.

Когда грудь съ грудью сѣчь кипѣла—
Врагъ прикасался къ ней рукой.

Марія всюду отличалась
И храбростью и добротой;
На полѣ брани подвизалась
И силилась сокрыть родъ свой!

Настало время искушенья:
Ее отъ плѣна рыцарь спасъ,
Когда у ней, въ пылу сраженья,
Изсякъ тѣлесныхъ силъ запасъ.

Сердца ихъ дружба укрѣпила;
Марія же должна страдать!
Судьба ее вновь осудила
Еще любовь свою скрывать.

Ужъ близко стѣнъ Святаго града,
Желаній и усилій цѣль;
Вотъ здѣсь за всѣ труды награда;
Начнется счастіе отсель.

И дни и ночи продолжались
На стѣнахъ приступъ и отбой;
Мечами, копьями терзались,
Сцѣпляясь грудью межъ собой.

Марія видитъ Конрадина,
Въ крови лежащаго во рву;

Несетъ въ объятіяхъ, какъ сына,
Его вручаетъ старику.

Одна любовь ее держала,
Другая все превозмогла,
Враговъ Марія поражала,
Изъ первыхъ на стѣну взошла.

И такъ, исполнилось желанье:
Тамъ на стѣнахъ Крестъ водруженъ.
Ликуйте! кончилось страданье!
Господень Гробъ освобожденъ!

Марія къ храму устремилась,
Она была восторжена.
Ахъ, какъ у Гроба здѣсь молилась,
Вся благодатію полна.

Потомъ и къ другу полетѣла,
Его сердечно обняла;
Но, ахъ! вся кровь въ ней закипѣла:
Любовь вдругъ пламя разлила!

Марія съ другомъ непрерывно:
Ему служила и врачемъ,
Сколь благочестье было сильно,
Себѣ не измѣнить ни въ чемъ!

Что̀ прежнія всѣ искушенья!
Наединѣ и вмѣстѣ быть,

Одолѣвать поползновенья
И страстно, пламенно любить.

Друзья предъ Гробомъ преклонились,
Спасителя благодарить;
Предь алтаремъ они рѣшились,
Повсюду неразлучно жить.

Друзьямъ пришлось разстаться съ градомъ:
Для нихъ онъ былъ уже родной;
Своимъ считали вертоградомъ,
Воздѣлавъ кровію своей.

Друзья на Рейнѣ очутились;
Марія на рукахъ отца:
И слезы и слова струились,
И вмѣстѣ бились ихъ сердца.

И къ Богу мысль отца летѣла
Благодаренія воздать;
Хотя не самъ, но дочь успѣла
Святой градъ кровью искуплять.

Потомъ Марія вся прильнула
Къ гробницѣ матери своей,
Здѣсь мыслію на жизнь взглянула,
Чтобъ дать отчетъ въ поступкахъ ей.

Марія вечеромъ у друга,
Все рыцаремъ еще была;

Чрезъ день, уже его супруга,
И въ немъ все счастіе нашла.

И Конрадинъ узналъ въ мгновенье,
Что другъ дѣвица, счастливъ онъ!
Сердечное же упоенье
Увѣрило, что все—не сонъ.

Марія мало наслаждалась
Всѣмъ счастіемъ своимъ земнымъ:
Сперва съ отцемъ своимъ разсталась,
Потомъ съ супругомъ дорогимъ!

Она жить будетъ съ ними вѣчно:
Въ Христѣ блаженство и покой,
Осталось ей желать сердечно,
Чтобъ опочить въ Землѣ Святой.

КОНСТАНТИНОПОЛЬ.

Три замѣчательные предмета: 1) бывшій храмъ Св. Софіи, воздвигнутый на холмѣ, почти въ срединѣ мыса, вмѣщающаго Константинополь; куполъ сего храма видѣнъ съ моря со всѣхъ сторонъ и въ особенности съ лѣвой стороны Константинопольскаго Залива и высится надъ всѣми сосѣдними зданіями; 2) видъ Константинополя, представляющійся при входѣ въ заливъ огромнымъ амфитеатромъ, который расположенъ на лѣвой семихолмовой сторонѣ залива, а справа обставленъ высотами и застроенъ зданіями предмѣстій Перы, Галаты, Топханы и пр. и гдѣ красуется въ полномъ величіи дворецъ Императорскаго Россійскаго Посольства; 3) Босфоръ или Константинопольскій проливъ вправо отъ порта Золотаго Рога, превосходящій своимъ мѣстоположеніемъ и разнообразіемъ предметовъ природы и искусства всякое воображеніе; на берегу этого пролива, ближе къ Черному Морю, селеніе Буюкдере, гдѣ прекрасный загородный дворецъ Императорскаго Россійскаго Посольства съ превосходнымъ садомъ; воспоминаніе гостепріимства и праздника въ Буюкдерѣ на Русскомъ пароходѣ «Грозный» 21 Мая въ день Равноапостольныхъ Царя Константина и матери его Елены; выѣздъ изъ Константинополя 24 Мая 1850 г. въ Мраморное Море; прощаніе.

—

(Посвящено Ея Превосходительству Е. М. Титовой.)

Разлука и съ Софіею Святой,
Поистинѣ, какъ съ матерью родной.

Она на сѣверъ взоры устремила,
Казалось, съ нѣжной грустью говорила:
«Ахъ! тамъ Надежда, Вѣра и Любовь,
Мои три дщери тамъ имѣютъ кровъ.
Всѣмъ тремъ дала пріютъ одна Россія,
Отъ нихъ давно уже вдали Софія!»
Великъ, изященъ сей Софіи храмъ,
Онъ восторгаетъ мысли къ небесамъ:
Сводъ чудный — образъ горнихъ сводовъ:
Благоговѣйная услада взоровъ,
Въ просторѣ дивномъ стройность, красота,
Во всѣхъ частяхъ величье, простота,
На все свѣтъ чудный съ купола несется
И къ намъ восторгъ съ благоговѣньемъ льется,
И отъ картины Царяграда мчусь,
Я, не насытивъ взоръ, съ ней разстаюсь.
Все сдѣлали природа и искусство,
Чтобъ ими услаждать и умъ и чувство.
Огромнымъ полукругомъ весь Царьградъ
Его вмигъ видѣть съ моря нѣтъ преградъ.
Среди —заливъ: обставленъ онъ холмами,
И окаймленъ мечетями, домами.
Вездѣ отлого высятся они,
Красуются, пестрѣютъ сплошь одни;
Сквозь зелень смотрятъ всѣ предметы
И кровли, куполы и минареты.

Внизу: вокругъ залива, все суда,
Покрыта лѣсомъ мачтъ, снастей вода.
Мечети же верхи холмовъ вѣнчаютъ,
Картину съ горизонта украшаютъ.
Исчезъ краса окрестныхъ мѣстъ, Босфоръ,
Проливъ сей прелестью чаруетъ взоръ.
Межъ двухъ морей природа ходъ прорыла,
Насыпавъ горы, зеленью покрыла.
Какъ пышны здѣсь долины, берега,
И вдоль дома, палаты, города!
Вы всѣмъ любуетесь на самолетѣ,
Вамъ чудный видъ на каждомъ поворотѣ.
Въ прекрасный день на «Грозномъ» вы со мной
Въ Буюкдерѣ мы съ милою четой;
Здѣсь храмъ, дворецъ воздвигла Русь святая;
Садъ—роскошь, уголокъ земнаго рая!
Отсюда видами восхищены,
Любезностью хозяевъ плѣнены.
Вотъ вашъ восторгъ на «Грозномъ» довершился,
Сюда къ намъ праздникъ съ тостами явился.
Средь моря ужъ Царьграда не видать,
Послѣднее «прости» пришлось послать
Отъ сердца, отъ души, страннопріимству,
А съ нимъ тому возвышенному чувству,
Отколь добро и ласки къ намъ текутъ,
Отъ нихъ-то страннику отраденъ путь!

Что̀ безъ людей искусство и природа?
Жизнь полная цвѣтетъ лишь средь народа.
  Для чувствъ уже всего недостаетъ;
Для памяти въ Царьградѣ все живетъ.
Вѣдь въ ней, что̀ захочу, все оживаетъ,
Воображенье все осуществляетъ.
И такъ, Царьградъ и милые во мнѣ:
Васъ буду видѣть на яву, во снѣ.
Хотя всѣ впечатлѣнья скоротечны,
Но ихъ слѣды въ душѣ и сердцѣ вѣчны.

БОСФОРЪ.

На Азіятскомъ берегу Босфора великолѣпный кіоскъ; прекрасный фасадъ его выходитъ изъ самаго моря; мимо его мчатся пароходы и каики. Въ кіоскѣ гаремъ Паши.

—

На память спутнику, молодому Турецкому Полковнику, имѣвшему золотую медаль на красной лентѣ за Курдистанскій походъ.

ОДАЛИСКА ИЗЪ КУРДИСТАНА.

Ахъ, милая моя подруга!
Изъ сердца вырви скорбь мою;
Нѣтъ силъ! жить не могу безъ друга,
Отдавъ ему всю жизнь свою!
Живу ль? давно во мнѣ нѣтъ жизни;
Во мнѣ уныніе и тьма;
Въ гаремѣ, будто все пустыни,
Гдѣ странникъ призракъ—я сама.
Въ мечтахъ другъ только предо мною;
Тогда я нѣсколько живу,
Должна ль довольна быть судьбою,
Что́ онъ во снѣ, какъ на яву?
Не онъ, а тѣнь его мелькаетъ!
Все жъ милъ, прекрасенъ, чуденъ онъ,

Во снѣ былое обновляетъ,
Тогда, какъ сладостенъ мнѣ сонъ!
Мнѣ снится, что, въ пылу сраженья,
Ко мнѣ на помощь онъ летитъ,
Исторгъ изъ рукъ ожесточенья
И саблею врагамъ грозитъ.
Они, какъ тигры, растерзали,
При мнѣ, родителей моихъ;
Богатство наше расхищали,
Тащили въ плѣнъ меня, родныхъ!
Летимъ—и вотъ конь съ нами мчится;
Я крѣпко друга обняла,
И мнѣ такъ сладко съ нимъ, что мнится,
На лонѣ матери была.
Вотъ вижу, онъ меня вновь нѣжитъ;
Я снова счастлива вполнѣ,
Меня, какъ сироту, всѣмъ тѣшитъ
Въ сей чуждой для меня странѣ.
Ахъ, что̀ жъ!—отъ друга отторгаюсь!
И страхъ изъ глубины души,
И съ трепетомъ я просыпаюсь,
И я еще — въ рукахъ Паши!
Паша—мой страшный похититель!
Что̀ роскошь, ласки всѣ его?
Прочь онъ!... Мой другъ. мой утѣшитель
Одинъ милѣе мнѣ всего!

Мнѣ жизнь въ гаремѣ, какъ въ темницѣ!
Какія чувства здѣсь живутъ?
Любовь здѣсь, какъ цвѣтокъ въ теплицѣ:
Его уроды стерегутъ!
Томлюсь, страдаю безъ пощады,
И будетъ ли всему конецъ?
И можно ль ожидать отрады —
Соединенія сердецъ?
Быть можетъ—то одно мечтанье,
Я одалиска–сирота!
Лишь на Аллаха упованье,
Къ чему жъ мнѣ младость, красота?
Но лилія есть наша младость,
А роза наша красота;
И въ нихъ живутъ веселье, радость;
Отъ нихъ жизнь, пылкость, теплота!
Пусть другу ярче блещутъ очи,
Ему любовь и нѣгу льютъ;
На щечкахъ, какъ средь лунной ночи,
Пусть розы, лиліи цвѣтутъ!
Быть можетъ, по водамъ летая,
Онъ жаждетъ на меня взглянуть!
Мой взоръ, украдкой проникая,
Со мной спѣшитъ къ нему порхнуть.
Тамъ ласточка надъ моремъ мчится;
Она отъ друга можетъ быть;

Что̀ такъ вблизи насъ суетится?
Знать, хочетъ вѣсти сообщить.
Быть можетъ—будетъ онъ Пашею:
Измѣнчива судьба людей!
Быть можетъ — буду я женою,
Что̀ рода моего знатнѣй?
Что жъ! могутъ счастьемъ наслаждаться
Всегда—голубки съ голубкомъ?
Лишь должно сердцемъ привязаться,
Такъ можно жить всегда вдвоемъ.
Быть можетъ, снова въ счастьи буду,
Какъ у родителей своихъ;
Вѣкъ нѣжность, ласки не забуду;
Ахъ, я одна была у нихъ!
Отецъ и мать, какъ левъ и львица,
Меня лелѣя, берегли,
На все была я мастерица,
Всѣ качества во мнѣ цвѣли.
Теперь — къ чему всѣ дарованья?
А сколько у меня всего!
Ихъ берегу—для чарованья
Въ любви супруга моего.
Чтобъ вѣчно быть любимой страстно,
Довольно ль страстно лишь любить!
Нѣтъ! надобно еще искусно
Умѣт ь любовь и заслужить.

ЛЮТНЯ.

Приди ко мнѣ, моя отрада,
Бесѣдуй, лютня вновь со мной;
Ты утоляешь муки ада,
Во мнѣ мерцаетъ жизнь съ тобой.
Какъ утро, жизнь вдругъ разсвѣтаетъ,
Лишь струны лютни зазвенятъ,
Какъ птичекъ хоръ зарю встрѣчаетъ,
Такъ въ сердцѣ чувства зазвучатъ.
Да! сердце—лютня, звуки—чувства:
Ихъ можно въ душу изливать;
Но сколько надобно искусства,
Чтобъ ими чувства выражать!
Какъ сладка ты въ уединеньи,
Когда грусть, пустота вокругъ;
Когда нужда мнѣ въ утѣшеньи,
Тогда мнѣ ты сердечный другъ!
Мнѣ грустно — горлицей ты стонешь,
Отрадно ты — какъ соловей,
Все жъ нѣжишь сердце, слухъ ласкаешь,
Отвѣтъ на все—въ струнѣ твоей.
Знать, звукъ струны, что̀, птички пѣнье:
Она съ подругой говоритъ;
Ей выражаетъ ощущенье
И пѣснью сладость чувствъ струитъ.

Что́ жъ сладкозвучье, какъ не рѣчи?
И мысль, и чувство въ немъ живутъ,
И сердца и души въ немъ встрѣчи;
Насъ звуки въ горнія несутъ.

Они меня вдругъ восхищаютъ:
Я тамъ, гдѣ страстная луна,
Что̀ захочу, все созидаютъ,
Я здѣсь владычицей одна.

Чертогъ воздвигла я для друга,
Для нѣги и любви—все здѣсь,
И съ лютней я у ногъ супруга,
Для счастья жъ моего онъ весь.

Онъ весь—луна отъ насъ въ восторгѣ,
Всѣ радости намъ отдала,
Готова съ нами жить въ чертогѣ!
Ее къ себѣ я не взяла.

Довольно намъ и лютни милой;
Всѣхъ чувствъ посредницей она,
И пламенитъ, волшебной силой,
Взаимную любовь одна!

Чрезъ звуки, онъ все сердце видитъ,
Сколь нѣжно, пламенно оно;
Души моей всѣ звуки слышитъ,
Съ душею лютня за одно.

Въ душу его переливаетъ
Всю страсть изъ сердца моего,
И страстью сердце оживляетъ,
Я проникаю вся въ него.

И все въ тебѣ могу читать,
Твоею жизнью наслаждаться,
Всѣ мысли, чувства созерцать,
Душей и сердцемъ восхищаться.

АѲИНЫ.

Замѣчательнѣйшій предметъ есть Акрополисъ, огромная известковая скала, вышиною въ 150 футовъ, длиною въ 1500, а шириною въ 500 футовъ, окаймленная сверху низкими стѣнами; посреди ихъ Парѳенонъ, храмъ, построенный Ѳидіемъ во времена Перикла, посвященный Минервѣ, весь изъ чистѣйшаго бѣлаго мрамора, необыкновенной величины и удивительной красоты, нынѣ полуразрушенный; отсюда на всѣ стороны далекіе, восхитительные виды: къ сѣверу, городъ, на равнинѣ, за нимъ долины и горы разнообразныя; къ югу—узкая равнина, примыкающая къ морю; вправо отъ нея—высоты съ памятникомъ Ѳилопаппусъ; влѣво—цѣпь горъ до самаго моря; къ востоку—вдали цѣпь горъ, ближе мраморныя колонны огромнаго нѣкогда храма Юпитера Олимпійскаго и Адріановы ворота; влѣво, вдали, на возвышеніи, прекраснѣйшій, изъ бѣлаго мрамора, королевскій дворецъ съ садами; къ западу—вдали обширная равнина къ Пирею и морю съ шоссе, полями, садами, виноградниками, вдали горами; вблизи Акрополиса—Ареопагъ или Марсовый холмъ, древнее судилище Грековъ; Пниксъ, возвышенное мѣсто, откуда витіи говорили къ народу; темницы Сократа, въ видѣ четырехъ пещеръ, высѣченныхъ въ скалѣ; храмъ Тезея, удивительно хорошо сохранившійся и превращенный теперь въ музей; обсерваторія на холмѣ; словомъ, изъ Акрополиса видны вокругъ многія историческія, достопамятныя мѣста, зданія и развалины; на самомъ Акрополисѣ, вокругъ Парѳенона, многіе дивные памятники изъ бѣлаго мрамора, чудной архитектуры, нѣкоторые уже обновленные, заключающіе въ себѣ многочисленные скульптурные останки; и

вокругъ храма также множество ядръ и осколковъ отъ бомбъ, а въ цистернахъ кучи костей погибшихъ Грековъ во время послѣдней осады Акрополиса Турками. Воспоминаніе пребыванія въ гостинницѣ Парнасъ на Эоловой улицѣ, насупротивъ церкви Св. Ирины; съ балкона сей гостинницы, въ переулокъ, видны къ югу: Акрополисъ, Ѳилопаппусъ, Ареопагъ, Пниксъ, Обсерваторія, храмъ Тезея; вечера на балконѣ при полной лунѣ, казавшейся будто на самомъ Акрополисѣ и Парѳенонѣ.

(Съ 31 Мая по 5 Іюня 1850).

—

(Посвящено Ея Превосходительству Персіани.)

Надъ Акрополисомъ луна,
Его лелѣяла она;
Своимъ питала сладкимъ свѣтомъ:
Онъ былъ любви ея предметомъ

На немъ вѣнецъ есть Парѳенонъ;
Весь храмъ изъ мраморныхъ колоннъ.
Ахъ! какъ луна его лобзала,
Главу сѣдую посребряла.

Вѣдь здѣсь жилище Старины;
Діана въ образѣ луны;
Акрополисъ—старикъ маститый,
Еще весь ранами покрытый.

Когда онъ отъ судьбы страдалъ
И бомбы грудью отражалъ.

Въ обѣихъ было утѣшенье
И послѣ горя услажденье.

Перстъ Божій видѣлъ онъ въ одной,
Читалъ событія въ другой!
Спаситель защитилъ Элладу:
Жизнь новую ей далъ въ награду.

Люблю смотрѣть въ тиши ночной,
На Акрополисъ, намъ родной!
Его и бѣды, вѣки сокрушали,
Но твердости не измѣняли.

Хотя теперь истерзанъ весь,
Но сила обновленья здѣсь:
Онъ въ полночь можетъ возрождаться
И прежней жизнью наслаждаться.

Вотъ вдругъ въ нарядѣ онъ своемъ,
Гдѣ древнее величіе во всемъ!
Съ нимъ Фидія, Перикла тѣни,
Надъ всѣмъ паритъ Минервы геній.

Ихъ взоръ въ Аѳины устремленъ,
Надеждой, Вѣрою градъ осѣненъ:
Въ немъ свѣтъ наукъ, искусствъ сіяетъ,
Любовь къ отчизнѣ все скрѣпляетъ.

И слышу я Перикла гласъ:
Ничто не одолѣетъ васъ,
Когда единство и согласье
Скрѣпятъ съ единой властью счастье.

Преодолѣетъ все любовь,
Воспрянетъ Акрополисъ вновь;
Я вижу—близко это время,
Хоть нынѣ тяготѣетъ бремя.

Вотъ къ утру близится теперь,
Открылась Парѳенона дверь;
Изъ ней рядъ тѣней вылетаетъ
И Акрополисъ засыпаетъ.

Прекрасенъ и спокоенъ онъ;
Его лелѣетъ сладкій сонъ;
А съ запада луна взираетъ,
И свѣтъ прощальный посылаетъ.

Здѣсь ты—Эллады древней дочь!—
Твои красы раскрыла ночь,
И какъ вполнѣ налюбоваться;
Пора отъ нихъ мнѣ оторваться.

Я вижу тѣни передъ ней:
Сонмъ славныхъ Греціи мужей;

Однихъ за умъ вѣнчала Мудрость,
Другихъ Безсмертіе за храбрость.

Я лики ихъ могъ распознать
И въ свойства генія вникать;
Исторія въ томъ помогала,
И каждаго именовала;

Вотъ тѣни понеслись къ мѣстамъ:
Для каждаго есть славы храмъ,
Гдѣ каждый славой подвизался
И словомъ, дѣломъ отличался.

Судилище—Ареопагъ,
Гдѣ блещетъ славой каждый шагъ,
Онъ крестъ въ лучахъ въ стѣнѣ представилъ,
Гдѣ поучалъ Апостолъ Павелъ.

А тамъ Пниксъ—поприще витій,
Гдѣ пламя умственныхъ стихій;
Для вѣчнаго жъ всѣмъ мавзолея,
Живетъ ужъ вѣки храмъ Тезея.

Вотъ занимается заря;
На красоту ея смотря,
Я видѣлъ будущность Эллады,
Разсвѣтъ и славы и отрады.

ГРЕЧАНКА.

У памятника, воздвигнутаго Греческому Генералу Караискаки, убитому въ 1827 году на поляхъ между Аѳинами и Пиреемъ.

—

Я прихожу не слезы лить;
Караискаки смерть завидна, —
Съ нимъ мыслію въ могилѣ жить;
Любовь въ ней наша неразрывна.

Я съ нимъ была вездѣ въ бояхъ;
Мы вмѣстѣ всюду смерть встрѣчали,
Во всю прыть мчались на коняхъ
И саблей лавры пожинали.

Упалъ здѣсь на руку мою;
Его я подхватить успѣла,
Но не подставить грудь свою,
Врагу жъ грудь прострѣлить съумѣла,

Могилу вырыла одна.
Меня дружина окружала,
Прощалась съ нѣжностью она,
А я героя въ гробъ уклала.

У всѣхъ вдругъ брызнулъ слезъ потокъ;
Узрѣвъ, какъ Слава положила

Ему на голову вѣнокъ.
«Ура!» дружина возгласила.

Въ могилу опустили гробъ,
Геройство и Любовь и Дружба,
А Слава водрузила столбъ,
На немъ блеститъ отчизнѣ служба.

Теперь у сердца моего
Отрадная мнѣ драгоцѣнность:
Вотъ здѣсь, у сердца, кровь его;
Ему въ сердцахъ и въ Небѣ вѣчность.

Здѣсь сладко почивать ему;
Поля кровь предковъ оросила,
И здѣсь герою своему
Отчизна памятникъ воздвигла.

А мнѣ — на ложѣ умереть;
Отчизна жизни мнѣ дороже;
Сладка лишь за отчизну смерть,
Вѣдь поле битвъ не то, что̀ ложе!

Ахъ! что̀ герой нашъ ощущалъ,
На полѣ чести умирая?
О чемъ возлюбленный мечталъ,
Всю жизнь отчизнѣ отдавая?

КУЛЬМЪ.

На пьедесталѣ величественнаго Русскаго памятника, Слава со скрижалью, а внизу, на основаніи, львы въ барельефахъ, и начертаны:

Vexillarîis
praetorianar. cochortium
Russicarum
interritis. fortissimis
quod
fide. virtute. constantia
irruentibus. gallor. copiis
impares numero
IV. kal. sept. an. M. D. CCC.XIII.
strenue. in. receptu. obstitere
foederatio. principes
acie. instructa. hostibus captis
victoriam. inclytam. nacti. sunt.

—

Вселенная! приди сюда,
Читай, что̀ начертала Слава;
Что̀ были Русскіе всегда,
Сколь славна Русская Держава!

Ея великія дѣла
Безсмертьемъ Слава озаряетъ;
Ея Героямъ блескъ дала;
Во всѣхъ концахъ земли вѣщаетъ:
Надъ Русью Провидѣнье бдитъ;
Въ ней Вѣра предковъ неизмѣнна;
Любовь къ Монархамъ тверда, вѣчна;
Вселенная Россію чтитъ.

Вотъ, геній Кульма показалъ,
Гдѣ Русскіе стѣной стояли,
И съ восхищеньемъ разсказалъ,
Какъ тысячи смертей встрѣчали.
Самъ Марсъ въ восторгѣ былъ отъ нихъ;
Въ бою всѣ были стойки, храбры;
Самъ Марсъ, изъ мощныхъ рукъ своихъ,
Имъ раздавалъ вѣнки и лавры;
Созвалъ Героевъ всѣхъ временъ:
Они всѣ битвой восхищались,
Единодушно здѣсь сознались,
Что въ мірѣ нѣтъ храбрѣй Славянъ.

Отъ стѣнъ Москвы они пришли,
За ними Слава всюду мчалась,
Дни, ночи въ битвахъ провели,
Все Слава начертать старалась.

Марсъ Славу вдругъ остановилъ,
Здѣсь на равнинахъ, пышныхъ, Кульмскихъ;
Тму Галловъ онъ нагромоздилъ,
Чтобъ испытать всю храбрость Русскихъ,
Къ Царевой стражѣ Марсъ воззвалъ;
Герои стали предъ врагами
И Марсу показались львами,
Тутъ грянулъ бой—свѣтъ задрожалъ!

И сколько было Русскихъ здѣсь!
То Слава и Побѣда знали,
И зналъ міръ изумленный весь,
Какъ Русскіе враговъ попрали.
Здѣсь памятникъ воздвигли имъ
Побѣда, Слава, Благодарность.
Самъ Марсъ богатырямъ своимъ
На немъ увѣковѣчилъ храбрость.
Народы, вѣки проходя,
На славный памятникъ взираютъ
И славный бой здѣсь вспоминаютъ,
На Славу и Орловъ глядя.

И кто же Русскихъ оживлялъ,
Въ семъ страшномъ и неравномъ боѣ?
И кто такъ духъ воспламенялъ,
Здѣсь, въ каждомъ воинѣ-героѣ?

Благословеннаго Царя
Святое Имя возсіяло,
Предъ ними въ битвѣ, какъ заря,
И доблести имъ изливало.
Какъ Богъ единъ во всѣхъ міра́хъ
Даетъ имъ силу, связь и крѣпость,
Такъ и въ Державѣ Русской твердость
И счастіе хранитъ Монархъ.

Кульмъ, 25 Іюня 1850 г.

C-268

THE LIBRARY OF CONGRESS

THE LIBRARY OF CONGRESS

WERT BOOKBINDING
Grantville, Pa.
July-August 1988
We're Quality Bound